

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 3 (261)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 3 (261). – 156 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>В. Римский.</i> Справедливость в современной России: Мечты и использование в социальных практиках	5
<i>В. Комаровский.</i> Российские «новые правые» как политический актор.....	20
<i>В. Авксентьев.</i> Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологиче- ской экспертизы	28

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>А. Михалева.</i> Ислам в Архангельской области.....	43
<i>М. Алигаджиева.</i> Национально-политическая элита Дагестана: Специфика формирования и функционирования	51
<i>В. Гадаев.</i> Институт кавказской семьи: Некоторые особенности его трансформации	53
<i>О. Червинский.</i> Казахстан между Москвой и Пекином.....	66
<i>Д. Александров, И. Инполитов, Д. Попов.</i> «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение)	74
<i>Д. Малышева.</i> Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор.....	88

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В. Иваненко. Иран. Итоги правления М. Ахмадинежада и проблемы для нового президента.....	108
П. Малышев. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в сирийском конфликте: Интересы и цели, роль, степень участия	127
Е. Красникова. О некоторых особенностях формирования ислама в Королевстве Испания: От древности к современности	134

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. Кошлаков. Место интернет-среды в событиях «арабской весны»	141
Г. Боверинг. Представления о времени в исламе	145

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Римский,
заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ
**СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
МЕЧТЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ**

Понятие «справедливость» всегда связано с отношениями между людьми, поэтому она всегда может быть названа социальной. Тем не менее в социальной практике выделилось особое понятие «социальная справедливость», которое в отличие от понятия «справедливость» используется скорее для оценки положения дел в обществе, чем конкретных социальных действий, поступков тех или иных субъектов.

Понятие «справедливость» предполагает абстрагирование от конкретных ситуаций и индивидов, что приводит к наделению фактически отличающихся друг от друга индивидов равными правами. Но такое формальное равенство прав в социальной практике при различиях индивидов приводит к неравенству результатов использования этих прав или невозможности обеспечить заранее запланированный результат. Напротив, «социальная справедливость» предполагает контроль результатов деятельности индивидов, наделение граждан реально неравными правами. Поэтому в качестве принципов оценок социальных практик «справедливость» и «социальная справедливость» существенно различаются, нередко противоречат друг другу. Кроме того, в современном российском социуме смыслы справедливости существенно различаются у разных социальных групп. И эти различия, доходящие до противоречий, во многом определяют сложности достижения консенсуса в понимании и применении принципов справедливости в социуме.

Единого понимания справедливости не сложилось

В советский период в нашей стране пропагандировалось понимание справедливости в соответствии с известным принципом социализма, предложенным, как известно, еще П. Прудоном: «От каждого по его способностям, каждому – по труду». В этом виде данный принцип был включен в текст Конституции СССР 1936 г., сохранился и в тексте Конституции СССР 1977 г. с небольшим изменением (было исключено слово «его»). Несмотря на официально-юридический характер этого принципа справедливости, исследования показывают, что он применяется в оценках российскими гражданами трудового поведения и трудовых отношений и сейчас, в постсоветский период. Правда, этот принцип стал применяться с заменой абстрактного требования оценивания работы по труду весьма конкретным требованием адекватного трудовому вкладу уровня заработка в деньгах [11].

Исследования показывают, что в приверженности принципу соответствия вознаграждения трудовому вкладу работника наблюдается консенсус практически всех социальных групп нашей страны. Но применение этого принципа приводит к разным оценкам справедливости трудовых отношений в разных социальных группах. Нередко определяющим критерием уровня справедливости становится субъективное восприятие работниками политики руководства того или иного предприятия или организации. Этот вывод можно сделать из сопоставления данных социологических исследований 1996–2004 гг. о росте доли работников, считающих несправедливой оплату своего труда, с 36 до 58%, и о том, что масштаб притязаний на уровень заработной платы у большинства опрошенных фактически не изменился: ожидаемая зарплата должна была превышать реальную примерно в два раза. Рост уровня несправедливости в оценках работниками своих заработных плат социологи объяснили тем, что их размер в современной российской экономике стал определяться во многом положением предприятия на рынке сбыта. А для самих работников справедливость в оплате труда тем выше, чем сильнее ими ощущается ее зависимость от своей квалификации [11].

Большая оплата за труд более высокой квалификации считалась справедливой и в советский период, но связи зарплаты со сбытом продукции практически не было. Так называемые рыночные отношения в современной российской экономике эту связь

сделали весьма значимой, нарушая справедливость в оценках своих зарплат работниками предприятий. Естественно, для собственников и управляющих этими предприятиями (особенно, в сфере частного бизнеса) связь заработных плат работников со сбытом продукции представляется справедливой. Но не во всех случаях собственникам и управляющим предприятиями удастся достичь с работниками согласия в том, какая заработная плата считается справедливой. Другой аналогичный пример – различия в представлениях о справедливости в сфере кредитов. Представители банковского сообщества считают справедливым требование ко всем своим должникам выплат по предоставленным им кредитам в полном объеме. А должники полагают справедливым требование отказа от выплат по кредитам в полном объеме при снижении своей платежеспособности вследствие потери работы или иных жизненных проблем. Прийти к общему пониманию справедливости банковское сообщество и его должники не могут.

Диспропорции в распределении доходов поддерживают представления большинства российских граждан о несправедливости в нашем социуме. По результатам исследований Института социологии РАН, несправедливым современное российское общество наши граждане считают в первую очередь потому, что слишком велики различия в доходах (83%), а их собственный доход меньше, чем они заслуживают с учетом их квалификации, да и место в обществе куда скромнее, чем должно быть (54%). Это вполне материальные мотивы оценивания справедливости и несправедливости общества. Причем только 12% респондентов думают, что нынешняя система распределения частной собственности справедлива, и лишь чуть больше четверти (27%) видят в различии доходов граждан дополнительный стимул к процветанию страны, создающий стимулы к достижению лучших результатов в деятельности [6].

Справедливость российские граждане тем не менее не сводят к уравниванию в доходах и вообще – в материальном обеспечении. Подавляющее большинство считают, что работающие более эффективно должны больше зарабатывать, это и будет справедливым. Но то, что богатые могут позволить себе более качественную медицину, чем бедные, или получать повышенную пенсию, справедливым не считают примерно половина наших граждан. Около 40% из них полагают, что государство должно оказывать адресную помощь попавшим в трудные ситуации, в частности безработным, бедным семьям с детьми, малоимущим и др. И только примерно четверо-пятеро из 100 респондентов от-

вечали, что наши граждане сами должны решать свои проблемы, а не рассчитывать на помощь государства, или что заботиться о своих сотрудниках должен работодатель, а не государство [6].

Мечты о справедливости и несправедливое общество

Несправедливость современного российского социума сочетается с мечтой о ней в будущем. Справедливость – одна из важнейших идей в российской социокультурной модели. Таковой она была в течение многих веков и остается в настоящее время. По данным исследования, проведенного весной 2012 г. Институтом социологии РАН, из вариантов лозунгов, наилучшим образом выражающих личные мечты российских граждан о будущем страны, наибольшее число сторонников (45%) получил вариант общества, в котором будут «социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах» [6]. Остальные лозунги по результатам этого опроса оказались менее значимыми для россиян. Лозунг о демократии и свободе самовыражения личности, а также о возвращении России статуса великой державы и об обеспечении стабильности в обществе поддержали примерно четверть опрошенных. Остальные же лозунги не получили и одной пятой доли их поддержки. На этом основании социологами был сделан вывод, что именно идея справедливости в наибольшей степени может стать консолидирующей для российского общества [6].

Мечты о социальной справедливости свойственны разным социальным группам в разной степени. В старших возрастных группах ее поддержка выше, в младших – ниже. Так, среди тех, кому от 16 до 25 лет, идея справедливости получила поддержку 40% респондентов, а среди тех, кому от 45 до 55 лет, – 51%. При этом различия по уровням доходов в оценках значимости идеи справедливости оказались незначительными. Только те, у кого уровень среднего душевого дохода превышает два медианных для их типов поселений, поддерживали эту идею на уровне 38%. И малообразованные граждане, не имеющие даже общего среднего образования, существенно реже среднего поддерживали идею справедливости. Начиная же с уровня среднего образования, поддержка мечты о справедливости была примерно одинаковой у всех респондентов [6].

Мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе вошла также в число трех наиболее значимых лично для респондентов (33%). При этом на первом месте для себя лично оказалась мечта о жизни в достатке и возможности жить, «не считая копейки» (40%), а на втором, лишь немного опережая третью, – естественная мечта иметь хорошее здоровье (33%). Социологи отмечают, что третье место мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе заняла скорее всего потому, что общество, в котором мы живем, справедливым и разумным не назовешь [6].

В итоге главной мечтой российских граждан и для страны, и для общества, в котором мы живем, и для себя лично стала справедливость. Для 40% из них справедливость даже выше закона, а сами законы – несправедливы. Но при этом российские граждане хотели бы получить справедливость в первую очередь от государства, хотя в настоящий период большинство из них оценивают само государство как несправедливое.

Более того, в том же исследовании Института социологии РАН было установлено, что «те россияне, кто отмечают справедливое общество в качестве одной из характеристик идеального будущего России, чаще жалуются на невозможность добиться в жизни желаемого» по причине несправедливости устройства современного российского общества [6]. Поэтому для большинства из них стремление к справедливости сочетается с пониманием невозможности ее достижения в своей жизни и с мечтами о том, чтобы она реализовалась в будущем. При этом осуществление справедливости признается и гражданами, и экспертами, и представителями органов власти необходимым в самых разных сферах деятельности, в частности, для нормального функционирования рыночной экономики, деятельности судебной власти, обеспечения прав и свобод граждан, выполнения государственных и муниципальных проектов и программ. Это можно оценивать как традицию, восходящую, как минимум, к Новому времени с утверждением в сознании, прежде всего философов, представлений о зависимости справедливости от воли индивидов, а потому о ее необходимости в качестве реализации некоторой идеи как критерия оценки того или иного общественного установления [1].

Справедливость и государство

Справедливость необходима не только для обеспечения прав малоимущих и малоуспешных в рыночной экономике с помощью

мер их государственной или общественной поддержки, но и для высокодоходных и весьма успешных представителей нашего социума. Последним это важно, чтобы они могли в честной конкуренции проявить свой профессионализм и с соблюдением норм права и морали обеспечить себе достойный уровень благосостояния.

Однако при доминировании рыночной рациональности политические и государственные институты не всегда оказываются в состоянии содействовать обеспечению социальной справедливости. Это происходит в первую очередь в случаях, когда органы власти подчиняются реализации экономических и финансовых интересов участников различных рынков, нежели вынуждают их реализовывать те или иные государственные и общественные интересы, действовать по правилам, которые оптимизируют не личные или корпоративные, а общественные интересы. В такой ситуации органы власти сосредотачивают свою активность в сфере законодательного регулирования рынков и в сфере политики.

Именно так и происходит в современной России. Но в нашей стране, помимо этого, следование нормам законов субъектами экономической деятельности, как и любыми другими, осуществляется лишь, когда эти нормы им выгодны, т.е. выборочно. Невыгодные нормы законов не исполняются или исполняются под давлением более сильных субъектов. Поэтому в современной России законодательное регулирование экономической деятельности остается малоэффективным, а сосредоточение активности органов власти в политической сфере снижает эффективность такого регулирования до минимума.

В результате органы российской власти оказываются не способными поддерживать принятие и исполнение справедливых решений в экономической сфере, а другие субъекты такой способностью вообще не обладают. При этом именно успешность экономической деятельности, включая и финансовую сферу, в современном российском социуме оценивается как один из важнейших признаков успешности для граждан. Ведь успешность не может даваться от природы, она должна, по современным представлениям, определяться уровнем достижений индивидов в их деятельности. А главными критериями достижений в формирующемся в современной России обществе потребления для большинства граждан стали материальное благополучие и доступ к распределению финансовых и других материальных ресурсов. Такие стереотипы по-

ведения постоянно пропагандируются в рекламе и многих публикациях средств массовой информации.

И именно в этих сферах российское государство не обеспечивает справедливости, а по результатам упомянутого выше исследования Института социологии РАН те российские граждане, которые хотели бы «жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство» [5]. Этот вывод подтверждается классификацией идей, отражающих мечты российских граждан о будущем страны, методом факторного анализа, который показал, что мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе связана с мечтой как об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения, так и о сильной власти, способной обеспечить порядок в стране [6]. И когда государство оказывается не способным обеспечить справедливость в обществе, а сами граждане ощущают отсутствие у себя такой способности, в их сознании формируется противоречие, приводящее к публичным выражениям протестов, к социальной и политической протестной активности.

Потенциал такой массовой протестной активности выявили исследователи Института социологии РАН. Они выделили две крупные социальные группы, условно названные ими «мечтающие о справедливости» (желающие жить в справедливом и разумно устроенном обществе) и «противники нынешней власти» (уверенные, «что путь, которым идет Россия, ведет страну в тупик», и необходима замена «нынешней власти в стране»). Массовость данных социальных групп подтверждает то, что «мечта о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе» характерна для трети россиян в возрасте 16–55 лет, а «практически каждый пятый (19,2%) в этих возрастных когортах убежден, что страна идет в тупик, и считает необходимой замену нынешней власти во что бы то ни стало». При этом «еще 20% россиян в возрасте до 55 лет включительно разделяют лишь одну из этих позиций» [5].

Обе эти группы граждан неравномерно распределены по стране, их концентрация оказывается наиболее высокой в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах-миллионниках. И недовольство обеих этих социальных групп вызывает социальная несправедливость в нашей стране, правда, не всегда одни и те же ее аспекты. Социологи отмечают, что «недовольство “противников нынешней власти” не связано с их ориентацией на прошлое как на идеал», но эта группа не консолидирована политически, ее представители голосовали на президентских выборах за различных

кандидатов – Г. Зюганова, В. Жириновского, М. Прохорова, С. Миронова. Объединяют эту социальную группу неполитические факторы, прежде всего их убежденность в невозможности реализовать свои мечты (45% таких ответов в этой группе при 20% среди тех, кто считает, что в стране все нормально). Поэтому «противники нынешней власти» не являются ее идеологическими противниками. Они выступают в первую очередь против «излишне глубокой дифференциации доходов» и несправедливости системы «распределения частной собственности в России», которые наиболее заметны в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Кроме того, «противники нынешней власти» озабочены «благополучием в широком смысле слова, связанным не только и даже не столько с размерами доходов, сколько с социальными лифтами и ситуацией с занятостью». «Мечтающие о справедливости» также недовольны «распределением частной собственности в России», но, в отличие от «противников нынешней власти», они гораздо толерантнее относятся к неравенству в распределении доходов. Другая их особенность – в наиболее негативных среди других социальных групп оценках изменений «в личностных качествах россиян, происшедших с ними за последние 15–20 лет», т.е. снижения уровня морали [5].

Сравнительно низкий уровень протестной активности граждан в настоящий период исследователи Института социологии РАН объясняют незначительностью доли (7%) тех российских граждан, которые одновременно принадлежат и к «мечтающим о справедливости», и к «противникам нынешней власти». Снижает уровень протестной активности и то, что многие, хотя и меньше половины российских граждан (41%), «вообще не озабочены проблемами глобального вектора развития российского общества, т.е. не разделяют идеи о неправильности пути, по которому идет Россия, и необходимости замены нынешней власти, с одной стороны, и не включают в свои основные мечты мечту о разумном и справедливом обществе – с другой» [5].

Другая причина низкого уровня протестной активности граждан – политизация этого протеста в условиях, как отмечалось, доминирования протеста неполитического. Несправедливость российского общества вместе с представлениями большинства граждан о том, что обеспечить справедливость в нем должно государство, а оно с этой ролью не справляется, рано или поздно должно было привести к массовым публичным протестам представителей многих, даже весьма успешных в современной России социальных

групп. И начиная с завершения голосования на выборах депутатов Государственной думы РФ 4 декабря 2011 г., эти публичные протесты реализовывались в митингах и различных акциях на улицах и площадях Москвы и других крупных городов. Нечестность и несправедливость выборов стала для участников этих массовых протестных акций скорее всего только поводом продемонстрировать органам власти свое недовольство несправедливостью российского социального порядка в целом. Постепенно, но неуклонно, с декабря 2011 г. такая гражданская активность участников протестных митингов и сочувствующих им направляется политиками и государственными деятелями на поддержку политических акций, демонстрирующих чистоту выборов и принятия кадровых решений, т.е. в сторону от решения важнейшей проблемы справедливости нашего общества.

Значимость социального запроса на справедливость

В современной России проблема справедливости не получает решения на уровнях управления государством, экономикой и социумом. Этот вывод подтверждают результаты многих исследований социологов, в соответствии с которыми подавляющее большинство российских граждан уверены, что наше общество устроено несправедливо. Например, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) задавал соответствующие вопросы респондентам перед парламентскими выборами 2007 и 2011 гг. В 2007 г. российское общество оценили как несправедливо устроенное 68%, а в 2011 г. – 61% респондентов. Но такое снижение показателя произошло за счет повышения доли затруднившихся с ответом – от 20% в 2007 г. до 27% в 2011 г. Столь высокие уровни затруднений с ответами означают, что от пятой доли до четверти не могут или опасаются оценить справедливость устройства российского общества. Скорее всего, если бы они могли дать четкую оценку, она была бы в пользу несправедливости, ибо уровень ответов о справедливости устройства нашего общества за эти годы не изменился и составляет всего 12% [8].

Несправедливость жизнеустройства воспринимается нашими согражданами как существенный недостаток российского общества и государства. По результатам того же опроса ФОМ, большинство граждан уверены, что нынешнее российское общество устроено менее справедливо, чем советское, а примерно 42–47% –

и чем западное. Получается, что за последние годы в России справедливости больше не стало [8].

В соответствии с результатами исследования Института социологии РАН 2006 г., «проблема справедливости и оправданности социальных неравенств остается “болевым точкой” российского самосознания. Лишь 9% россиян не ощущали за последний год несправедливости происходящего притом, что 44% часто ощущали эту несправедливость, а 45% – переживали из-за нее иногда». При этом уже в 2006 г. социологи отметили, что по субъективным оценкам большинства граждан «ситуация в этой области скорее ухудшается, чем улучшается. Во всяком случае, 30% опрошенных убеждены, что за время президентства В. Путина ситуация в этой области ухудшилась, и лишь 11% отметили ее улучшение» [9].

Запрос на справедливость в российском социуме – один из самых значимых. Практически все социальные группы сходятся в оценках того, что в целом в современной российской ситуации справедливости недостаточно, она редко может считаться реализованной. Несправедливость при всех различиях в ее понимании разными социальными группами большинство считают распространенным социальным явлением. В частности, по результатам исследований Фонда ИНДЕМ для большинства граждан очень важными ожиданиями от судебных разбирательств, помимо решений своих проблем, являются ожидания восстановления справедливости [10]. Но по оценкам граждан, на практике справедливыми в России могут быть только судебные решения по простым делам, в которых ясные простые решения легко прогнозируются и гражданами, и судьями. Это бывает в тех случаях, например, когда явно нарушаются какие-то права граждан и нет каких-то альтернативных интерпретаций этих ситуаций. Однако такое бывает нечасто.

Как свидетельствуют результаты исследований Фонда ИНДЕМ, в российских судах практически не соблюдается равенство граждан перед законом, поскольку богатые и влиятельные всегда имеют в них больше прав, им суды больше доверяют, чем позициям других граждан. По оценкам граждан, суды всегда на стороне более сильного, например в спорах граждан – суды на стороне риелторских фирм, крупных банков, компаний крупного и среднего частного бизнеса, государственных и муниципальных организаций и т.п. Российские суды более доверяют свидетельствам представителей органов власти и, особенно, правоохранитель-

ных органов, чем граждан, не облеченных властью. Кроме того, доказательства в уголовных процессах, собранные не следствием, а независимыми от него адвокатами, фактически не принимаются у нас судами к рассмотрению. И при всей неоднозначности смыслов справедливости большинство граждан и предпринимателей приходят к выводу о том, что справедливость в судебных разбирательствах либо отсутствует, либо реализуется с помощью коррупционных действий. Поэтому справедливость граждане и предприниматели пытаются осуществить вне судебной власти и вне правоохранительных органов [3].

Во многих случаях российским гражданам не хотелось бы решать свои проблемы в судах, потому что они нередко предпочитали бы не делать этого в соответствии с нормами российских законов. Одна из важнейших причин такого положения – повсеместная убежденность в их несправедливости, а в судах, по мнению граждан, решения должны выноситься именно по данным нормам. Причем не только граждане, а даже представители органов власти в нашей стране готовы искать решение проблем граждан, обходя нормы законов, на основе неформальных договоренностей. В результате возникает взаимная мотивация и граждан, и должностных лиц органов власти решать проблемы первых без использования таких формальных социальных институтов, как суды, нормы законов, их применения при безличном официальном обращении граждан в органы власти. Социальная практика решений проблем гражданами в неформальных взаимоотношениях с должностными лицами органов власти постоянно воспроизводится действиями обеих сторон этих взаимоотношений. И то, что такие неформальные взаимоотношения приводят к столь же неформальным договоренностям, реализуемым в большинстве случаев коррупционными действиями договорившихся сторон, ни граждан, ни должностных лиц органов власти не останавливает [3].

Следовательно, укоренение представления о том, что в российских судах трудно найти справедливость в принятом в российском социуме понимании, способствует укреплению в нем институционального порядка решения проблем, основанного не на нормах законов. Этот порядок во многом определяется неформальными правилами и нормами, весьма различными для разных социальных групп и для разных ситуаций. Нередко такие правила и нормы предполагают для разрешения споров и конфликтов использование коррупционных действий или применение насилия теми, кто не имеет на это санкций правоохранительных органов.

Необходимо признать, что проблема справедливости социума и государства – не только российская, даже в более благополучных в этом отношении странах мира тоже есть много несправедливости и в организации обществ, и в экономике, и в государственном устройстве. Одной из причин такого положения в мире и в России в частности является широкое распространение рыночных отношений с их рационализмом в принятии решений и постоянным воспроизводством социальной дифференциации. Ведь без них частный бизнес теряет стимулы для своей деятельности, но рационализм и социальная дифференциация очень часто воспринимаются в социумах как проявления несправедливости и низкого уровня морали. В тех странах, где государства активно исполняют функцию защиты нерыночных ценностей, включая и справедливость в обществе, от экспансии рыночных подходов, по оценкам граждан, справедливости становится больше. Но в России государство такую функцию исполнять практически отказалось, поэтому и уровень несправедливости у нас очень высок.

Как повысить уровень социальной справедливости

В современной России несправедливость общественного устройства касается не только бедных и малообеспеченных, но и российского среднего класса, представителей бизнеса, даже крупного. Мало кто из представителей этих социальных групп могут сказать, например, что справедливость торжествует в их взаимоотношениях с органами власти, или что в нашей стране действуют справедливые законы. По результатам исследований Института социологии РАН «ощущения несправедливости происходящего», как и некоторых других социальных чувств, «начинают все более равномерно распределяться по всем группам и слоям общества» [2].

Но никакой объективной социальной справедливости в российском обществе, как и в любом другом, не существует. Каждая социальная группа оценивает справедливость устройства общества в отношении собственных представлений и интересов, а они в рыночной экономике очень сильно различаются. Это откладывается на отмеченную выше широкую распространенность представлений о том, что справедливость должно гарантировать государство. В результате констатируется, что оно не справляется с этой ролью, ибо оказывается не в состоянии согласовать понимания и приори-

теты в достижении справедливости разных социальных групп. В то же время малорезультативна и сравнительно редка также гражданская активность, направленная на достижение социальной справедливости, а не справедливости только в отношении отдельных социальных групп.

Сложность достижения консенсуса в понимании справедливости различными социальными группами усиливается из-за отсутствия коммуникации между представителями разных теоретических концепций справедливости [4]. Многим исследователям понятие «социальной справедливости» «представляется чем-то неуловимым, не поддающимся рефлексии, не имеющим референтов в социальном бытии, а потому выполняющим роль лишь идеальной ценности, мечты, недостижимого абсолюта» [12]. В результате существенно затрудняется рефлексия понимания и использования справедливости в социальных практиках.

Согласованию активности государства и граждан для повышения уровня справедливости общества могли бы способствовать публичные дискуссии о справедливости с целями выработки не компромиссов, которые никого не устроили бы, а добровольных консенсусов разных социальных групп во взаимном обеспечении прав, свобод и справедливости в отношении друг друга. Однако такие дискуссии в современной России не проводятся, а потому и уровень справедливости не повышается.

В современной российской ситуации для обеспечения социальной справедливости не государство, а развитое гражданское общество могло бы реально поддерживать важнейшие для существования социума нерыночные ценности и добродетели. Среди них важнейшие – солидарность, взаимное доверие и взаимное уважение между гражданами, их ответственность друг перед другом по выполнению взаимных обязательств, обеспечение прав и свобод, справедливости, норм общепринятой морали и нравственности, возможности самореализации своих членов в различных сферах деятельности. Только развитое и влиятельное гражданское общество способно вынудить органы власти решать коллективные и общественные проблемы. Но в современной России гражданское общество слабо влияет на политические и государственные решения, скорее им подчиняется, чем формирует выгодную для себя повестку дня. Наши граждане, считающие себя принадлежащими разным организациям гражданского общества, фактически даже не пытаются разработать собственные принципы и методы регулирования тех или иных сфер деятельности, а потом эффективно лоб-

бировать их в органах власти. Поэтому в нашем социуме все меньше остается ресурсов, позволяющих реально решать общественные проблемы, консолидировать социум на реализацию таких решений, поддерживать справедливость, социальную солидарность, выполнение взаимных обязательств и другие нерыночные ценности. Деятельность органов власти всех уровней оценивается как крайне неэффективная, а ведь только органы власти в современной ситуации как независимые от частных и коммерческих интересов могут и должны поддерживать выработку и реализацию консенсусов различных социальных групп по поводу следования нормам справедливости в их социальных действиях. Слабость российского государства в этой сфере приводит к коррупции и поддерживает многие ее проявления, потому что эта слабость определяется прежде всего вовлеченностью чиновников, государственных и муниципальных служащих в реализацию не общественных, а частных интересов.

Проблема социальной справедливости скорее всего никогда не будет решена полностью, как и подавляющее большинство других социальных проблем. Однако повышать уровень справедливости в российском обществе необходимо, это реальный запрос многих активных граждан. При этом ни органы власти, ни частный бизнес, ни организации гражданского общества, ни активные граждане, действуя только в своих локальных интересах, никогда не смогут содействовать росту уровня справедливости общества, точнее – социального порядка, в нем действующего. Этого можно поэтапно добиваться только согласованными действиями представителей всех социальных групп через достижения консенсусов по соблюдению общих для всех норм и правил, признаваемых справедливыми. Для всех сторон выработки и соблюдения таких консенсусов они должны становиться выборами такого социального поведения, при котором одни соглашаются на осознанные ограничения своих прав и свобод для обеспечения реализации прав и свобод других. Естественно, такие консенсусы не могут в неизменном виде поддерживаться длительное время. Поэтому демократические институты в России для адаптации к меняющимся условиям должны в постоянном процессе обсуждений обеспечивать необходимую модификацию, обновление и поддержание таких консенсусов.

Достижение хотя бы временных консенсусов разных социальных групп по соблюдению правил и принципов справедливости при сознательном ограничении частных интересов возможно толь-

ко при широком общественном обсуждении насущных проблем с участием представителей разных социальных групп. В процессах выработки таких консенсусов гражданское общество сможет реализовывать свою роль поддержки гражданской активности в утверждении справедливости как ценности и добродетели. А политические институты могли бы обеспечивать достижение согласия граждан по разным вопросам и проблемам на основе принципов справедливости, т.е. обеспечивая применение общих принципов к решениям в каждой конкретной ситуации.

По-видимому, на этом пути остается надежда на решение стратегических проблем нашей страны в обозримом будущем. При этом вряд ли можно надеяться на обеспечение справедливости на основе признаваемых всеми социальными группами принципов, поскольку эти принципы очень различаются. Но вполне можно надеяться, следуя Д. Роулзу, что в каждом конкретном случае представители заинтересованных социальных групп окажутся способными договориться о близких или очень сходных пониманиях справедливости, которая по этой причине и может быть осуществлена [7].

Проблема справедливости в нашей стране в ее целостной формулировке в предвыборных кампаниях 2011 г. в Государственную думу РФ и 2012 г. Президента РФ политиками вообще не ставилась, ее публичных обсуждений не проводилось. Но следует согласиться с Роулзом в том, что «законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» [7]. И при всей значимости других обсуждаемых в ходе этих предвыборных кампаний проблем без решения проблемы справедливости Россия вряд ли сможет обеспечить эффективное функционирование рынков и органов власти, поддерживать значимые для нашего общества нерыночные ценности и моральные нормы, повсеместное соблюдение норм законов и снижение уровня коррупции. А это будет означать сохранение отставания России от развитых стран западноевропейской цивилизации во всех этих значимых для нашего общества областях деятельности.

Литература

1. *Алексеева Т.А.* Справедливость: Морально-политическая философия Дж. Роулза. – М., 1992.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН. – М., 2011.
3. Как граждане и предприниматели оценивают судей и суды. Исследование деятельности судебной власти Российской Федерации. Результаты фокус-групп с гражданами и предпринимателями. – М., 2008.
4. *Карнаш Г.Ю.* Социальная справедливость: Философские концепции и российская действительность. – М., 2011.
5. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. – Москва, 2012 (http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf).
6. О чем мечтают россияне: Идеал и реальность. – М., 2013.
7. *Роулз Д.* Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
8. Справедливость не торжествует. Опрос ФОМ. 25 ноября 2011 г., редакция ФОМ (<http://fom.ru/obshchestvo/10263>).
9. Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад. – Москва, 2006. (http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclاد_Soc_neravenstvo.pdf).
10. Судебная власть и предприниматели: Результаты социологического анализа. – М., 2009 (<http://indem.ru/Proj/SudRef/soc/CIPE.htm>).
11. *Темницкий А.Л.* Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации // СоцИс. 2005. № 5.
12. *Шунова Т.В.* Социальная справедливость: Понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии. Вып. 5. Межвузовский сборник. – СПб., 2005.

*«Общественные науки и современность»,
М., 2013 г., № 5, с. 27–36.*

В. Комаровский,
доктор философских наук
(РАНХиГС при Президенте РФ)
РОССИЙСКИЕ «НОВЫЕ ПРАВЫЕ»
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР

Абсолютное большинство специалистов исходит из того, что конец 2011 г. ознаменовал начало качественных изменений российского социума, в страну «вернулась политика». Некоторые расхождения касаются только начала этого процесса: одни называют озвученное самими участниками «тандема» признание, что решение о том, кому быть следующим президентом России, они

приняли («договорились») еще до предыдущих выборов президента; другие называют события на Болотной площади и проспекте Сахарова. Автор разделяет вторую точку зрения. Действительно, недовольство существующим режимом зрело в некоторых весьма значимых слоях российского общества давно. Однако в силу закрытости политической системы нынешней России оно не было представлено ни в политическом дискурсе, ни в иных формах выражения, а то, что имело место (несанкционированные выступления сторонников «Парнаса», лимоновцев и т.п.), выдавалось за чисто маргинальные явления, каковыми до поры до времени они и были на самом деле.

Многотысячные же демонстрации на Болотной и проспекте Сахарова сделали недовольство существующим режимом определенных значимых слоев населения страны публичным фактом общественной и политической жизни.

Полицейскими мерами или замалчиванием (дискредитацией) в СМИ власть уже не могла решить проблему, что имело место ранее.

Масштабное, публичное проявление недовольства существующим режимом, его определенными акциями, связанными с выборами в Государственную думу, безусловно, повлияло на общую атмосферу в стране, побудило определиться со своей позицией по отношению к власти большинство граждан страны. По разным оценкам социологов, от 40 до 50% граждан России одобрительно отнеслись к митингам на Болотной площади и проспекте Сахарова. В крупных городах этот процент еще выше. Фактически это означает, что участники митингов выразили, хотя бы отчасти, настроения большей части населения страны, а значит, имеют шансы закрепиться на политической арене (реализуются они или нет – вопрос другой). Названные публичные акции сформировали у участников (и лиц, разделяющих их взгляды) ощущение совместно ориентированного консенсуса, что, как утверждают специалисты, в ряде случаев даже важнее, чем реальное единство взглядов и позиций. Вне всяких сомнений, сплоченность участников митингов, лиц, разделяющих их взгляды, намного возросла и вышла за пределы интернет-сообщества.

Естественно, возникает вопрос: носит ли эта сплоченность ситуативный характер или за ней стоит нечто более фундаментальное? Пока ответ на этот вопрос носит скорее чисто политический, нежели научный характер. Сторонники «Единой России» и В.В. Путина считают, что время таких митингов закончилось. Поч-

ти дословно: надо принять волю большинства, выраженную на выборах Президента России, ибо в этом и заключается суть демократии. Яркие представители Болотной площади, в свою очередь, по-прежнему заявляют о нелегитимности как выборов в Государственную думу, так и выборов Президента России. И это может продолжаться долго и долго. Последующие события, включая массовую демонстрацию и столкновения с полицией 6 мая 2012 г., лишь подтверждают это. И все же научный подход акцентирует внимание на другом: кто пришел на Болотную площадь, другие митинги оппозиции и почему? Есть ли какая-либо связь между политическим поведением большинства Болотной и их социальным положением, социальными интересами, образом жизни и т.д. (в последнем автор расходится с постмодернистскими трактовками политического процесса) и в какой мере это коррелируется с аналогичными событиями в других странах, как западных, так и восточных?

В более «расчлененном» виде эти вопросы звучат так:

1. Кто такие демонстранты («рассерженные горожане»), какие слои общества они представляют?

2. Можно ли их считать новой серьезной оппозицией или это всего лишь взрыв недовольства, подобный выступлению пенсионеров против монетизации льгот с тем же исходом, в конечном счете, хотя, возможно, и не столь скоротечным? Способна ли новая оппозиция занять значимую нишу в политической жизни страны?

3. Если да, существуют ли механизмы включения «новичков» в политический процесс?

4. И, наконец, с чем идут в политику «рассерженные горожане»? Какие ценности, принципы, идеи, технологии решения насущных проблем они предлагают, если, конечно, предлагают вообще?

Начнем с первого вопроса. Сейчас уже накопились определенные факты, позволяющие представить социальный портрет протестующих. Прежде всего, это молодежь, имеющая высшее или незаконченное высшее образование, жители больших городов (по данным «Левада-центра», таких среди участников митинга на Болотной – опрошено почти 800 человек – было соответственно 60–70% и почти 90%). Важно еще, что среди участников митинга – в основном люди состоявшиеся, добившиеся в жизни определенных успехов или студенты престижных московских вузов (МГУ, МГИМО, ВШЭ и др.). Своего положения они достигли собствен-

ным трудом, собственным интеллектом, а не за счет участия в различного рода махинациях и приватизациях (что принципиально отличает их от собственников «первой волны», людей, достигших успеха в 90-х годах прошлого столетия). По своим политическим взглядам, согласно данным того же «Левада-центра» и ФОМ, – это люди либерально-демократических взглядов. По принятой в России привычке их можно назвать правыми, хотя и в кавычках, но обязательно «новыми правыми», для которых ценности рынка и демократии не противостоят друг другу не только на словах, но и реально.

Это новое поколение, для которых и социализм, и «лихие 90-е» – пустой звук. Они живут в сегодняшнем мире, в интернет-среде, общении со сверстниками всего мира. Они восприняли ряд либеральных ценностей, таких как свобода самовыражения и стремление к саморазвитию и самореализации своей личности, у них нет почтительно-патерналистского отношения к государственной власти, и, что очень важно, они обладают большими потенциальными возможностями к самоорганизации. В этом отношении они правые. Но не правые 90-х годов, готовые пожирать окружающих ради своих корыстных интересов. Общее благо для них не пустой звук, доказательством чему служит хотя бы их активность в тушении пожаров летом 2010 г. Эти люди добровольно жертвовали своими деньгами, своим временем и лучше, чем властные структуры, организовывали тушение пожаров. В своем большинстве это типичные представители российского среднего класса, у которых уже сформировался свой стиль и образ жизни, что, в частности, свидетельствует: российское общество переходит из коллоидного состояния в плюралистичное, когда формируются в различных группах свои особенности образа жизни и интересы, пусть лишь спонтанно выражаемые в публичной политике. А если это так, то вполне можно говорить о формировании объективных предпосылок нового политического актора в лице нового среднего класса.

Как отмечают многие исследователи, в России, пусть и не в таких масштабах, как в развитых странах, сформировался новый средний класс, который включает в себя не только собственников («малых буржуа»), но и людей, связанных с новыми технологиями информационного общества, менеджеров не только частных предприятий, но и сферы государственного управления. Их объединяет не столько место в системе общественного разделения труда (чему отдал предпочтение К. Маркс), сколько механизм социализации,

общения (Интернет прежде всего), делающий их включенными в глобальные процессы, формирующий определенный стиль и образ жизни, опять-таки во многом наднациональный. С политической точки зрения важно не только наличие объективных предпосылок консолидации определенной группы, но и субъективных (по К. Марксу, уже в позитивном ключе, является ли общность «классом в себе» или «для себя») и, естественно, его численность. Начнем со второго. В публицистике, часто даже признавая значительный по масштабам объем распространения в обществе недовольных праволиберального толка, тем не менее считают, что они концентрируются в основном в Москве и С.-Петербурге. Исследования социологов показывают, что, хотя молодежь других крупных городов не так активно участвует в протестных акциях, тем не менее по своим взглядам и настроениям она не намного отличается от московской. Так, в частности, исследования ярославских социологов показали, что для городской молодежи высокую значимость имеет базовая либеральная ценность – ценность свободы (отметили 44,3% респондентов) и в более старших возрастных категориях молодежи, кроме этого, такие ценности, как творчество и возможности принимать участие в управлении, также резко возрастают в своей значимости (Публичная политика. 2010. – СПб., 2011. – С. 96).

Если вопрос о концентрации среднего класса в России можно считать достаточно проясненным, то нельзя сказать того же самого о его численности. Нужны новые подходы к анализу, исходя из нового понимания как состава этого класса, так и его роли в жизни общества. Критерии отнесения к среднему классу на основе уровня дохода и потребления недостаточны, даже если их дополнить наличием субъективной принадлежности к этому классу. Важно, чтобы у класса сформировались свои интересы и они были осознаны большинством этого класса. Это центральный момент с политологической точки зрения. Он как раз и является главным показателем превращения класса в политического актора. Что мы видим в этом плане? Пока большей частью требования «несогласных» носят негативный характер («Убрать Чурова», отменить результаты выборов в Государственную думу и т.д. и т.п.). Позитивные требования, касающиеся работы судов, бюрократии, формулируются скорее на уровне «сырых заявлений о потребностях» (выражение принадлежит американским политологам), нежели сформировавшимся интересам, предполагающих конкретные ре-

шения в области налогообложения, работы тех же судов, обуздания бюрократии.

Означает ли это, что с таким багажом невозможно всерьез и надолго войти в политику? Отнюдь. Во-первых, новый средний класс креативен по своей природе и превращение «сырых заявлений о потребностях» в интересы может произойти весьма быстро.

Во-вторых, события в мире показывают, что происходят стремительные изменения самих форм политической жизни, яркий пример чему – появление так называемых «партий пиратов» в ФРГ с весьма узким набором политических требований и предпочтений, тем не менее ставших частью политического процесса в стране.

И, в-третьих, «недовольные горожане» имеют весьма ощутимые средства давления на власть. И дело не только в публичных акциях протеста типа митингов, демонстраций, шествий и т.п. Без сомнений, скоро мы увидим и другие формы, от которых власть не сможет отмахнуться. Выборы мэра того же Ярославля – тому свидетельство. Но, заявляя об этом, необходимо иметь в виду как ближнюю, так и далекую перспективу. Оценка ближайшей перспективы исходит из того, что пока «новые правые» не предложили ни своих лидеров, ни конкретных программ общественно-го переустройства.

Исходя из нынешней незрелости Болотной и среднего класса как политического актора, представители правящего класса предлагают ему признать результаты выборов и вернуться к своим повседневным делам, в лучшем случае дожидаясь следующих выборов или «иной политической пертурбации» (см., например, статью первого заместителя секретаря президиума генсовета «Единой России» Сергея Железняка «Эмоции или позиция?», опубликованную в «Независимой газете» 15 марта с.г. Это – как лучший вариант, хотя не исключаются и другие. В.В. Путин в одном из своих телевизионных интервью выразился более определенно и призвал «Болотную» подчиниться и принять волю большинства).

Но принять волю большинства как согласие с результатами выборов – это одно, а отказаться от своих интересов – это другое. Коль эти интересы начали формироваться, равно как и сама социальная общность, если общность созрела до представления, пусть и в упрощенной форме, своих интересов в политической сфере, то от второго она не может отказаться никогда. Во всяком случае, добровольно. Как дальше будут развиваться отношения «новых

правых» и власти? Ответ на этот вопрос пока не знает никто. Власть на этот счет посылает самые противоречивые сигналы.

В статье нынешнего Президента России В. Путина «Демократия и качество государства», опубликованной накануне выборов в газете «Коммерсантъ» 6 февраля 2012 г., признается факт выхода интересов среднего класса за рамки строительства собственного благополучия, возрастания его требований к власти, необходимость учета интересов различных социальных групп, обсуждаются новые механизмы участия граждан в управлении и политике. В то же время в реальной повседневной жизни пока что в этом плане мало что меняется, а если и меняется, то не в лучшую сторону. Показательны в этом плане упомянутые выше события 6 мая прошлого года во время разгона демонстрации или кадровые назначения и награждения.

Власть, по-видимому, еще не сделала свой выбор. Выборы прошли, а выбор предстоит, образно говоря.

К сожалению или нет, этот выбор больше зависит от власти, чем от самих новых правых.

С одной стороны, российская власть привыкла к своей абсолютности и бесконтрольности. С другой – решение задач модернизации – а от этого никуда не уйти – требует иных отношений власти с креативным классом, мелким и средним предпринимательством. Сегодня в новых «шарашках» – как в сталинские времена – никто ничего изобретать не будет. Вопрос, что называется, повис в воздухе. Во всяком случае, если речь вести о краткосрочной и среднесрочной перспективе. Что касается долгосрочной перспективы, то тут тумана еще больше. В США и Европе происходят процессы размывания среднего класса, все большей поляризации общества на сверхбогатых и бедных. Размывание среднего класса ведет автоматически к снижению его роли как политического актора, что наглядно продемонстрировала история на примере рабочего класса и профсоюзов. Правда, никто еще не доказал, что этот процесс необратим. Остается только ждать и анализировать зарождающиеся тенденции и текущие действия власти. Новый состав правительства и Администрации Президента, объявленный 21 и 22 мая прошлого года, свидетельствует, на наш взгляд, что власть готова меняться скорее в имиджевом плане, чем по существу (обилие новых имен в правительстве не показатель сам по себе. Не зря его сразу назвали «техническим», правительством заместителей, тем более что все старые кадры никуда не делись и благополучно перебрались в Администрацию Президен-

та). Но, как справедливо, на наш взгляд, отмечает профессор Высшей школы экономики Леонид Васильев, ситуация может измениться в любой день, если не будет реальной борьбы с коррупцией, продажной судебной системой, беспределом полиции, безответственной бюрократией, то нынешняя опора власти – особенно если к этому прибавится падение цен на нефть и газ, а следовательно, и возможности хотя бы отчасти решить предвыборные обещания, – может в одночасье развернуться в обратную сторону, и тогда, как принято говорить в России, мало не покажется никому.

Конечно, нелегко предположить, что объединятся силы, представляющие «рассерженных горожан», недовольных попиранием их человеческого достоинства, и люди, недовольные тем, что их семьям приходится сводить концы с концами на 10–15 тыс. руб. в месяц. Но, как известно, «дружить против» у нас умеют. В такой ситуации выглядят вполне уместными выводы экспертов Центра стратегических разработок о том, что в стране развивается политический кризис, имеющий глубокие корни в виде запроса населения на новую политику, новых политиков и новые институты.

По мнению аналитиков центра, нынешний кризис выражается для власти «не только в ослаблении доверия со стороны населения, но и в нарастающей угрозе утраты политического контроля». «Политический кризис может быстро перерасти в острые формы, если на него наложится вторая волна экономического кризиса. В этом случае риски потери политического контроля существенно возрастают, а темп политической трансформации может резко ускориться», – предупреждает глава ЦСР Михаил Дмитриев (см.: Президиум антикризисного оптимизма // Независимая газета. 2012. 25 мая).

Как известно, во время кризисов формирование политических взглядов и предпочтений происходит чрезвычайно быстрыми темпами, поэтому не исключено, что «рассерженные горожане» станут полноценным политическим актором уже в ближайшее время.

*«Куда пойдет Россия: Новые возможности
и ограничения современного развития»,
М., 2013 г., с. 282–287.*

В. Авксентьев,
доктор философских наук,
директор Института социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
КАК ПРОБЛЕМА ЭТНОКОНСАЛТИНГА
И ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Идеологические операции с этническими конфликтами. Опыт сотрудничества с органами власти свидетельствует, что идентификация этнического конфликта – важный элемент политического управления. Вопрос, является ли конкретный конфликт этническим, возникает постоянно; с просьбой определить наличие этнического компонента в том или ином конфликте власти часто обращаются к научно-экспертному сообществу. При этом на официальном уровне власти обычно стремятся скрыть или приуменьшить этническую составляющую, хотя в неформальном общении обычно называют вещи своими именами. Под *идеологической редукцией этнического конфликта* мы понимаем мысленное разложение многофакторного конфликта на составляющие элементы, осуществляемое с целью представить заранее заданную интерпретацию конфликта в качестве единственно верной. Чаще всего такой априорной установкой является стремление представить конфликт как неэтнический, минимизировать или вообще элиминировать его этническую составляющую. Идеологическая редукция этнического конфликта имеет под собой и онтологическую, и гносеологическую основу.

Онтологической основой этого приема является тот бесспорный факт, что все современные конфликты имеют многофакторный характер, и этнический компонент не является константой: он может появляться на определенном этапе эскалации конфликта (типичный случай), нарастать, исчезать (достаточно редкое событие).

Гносеологической предпосылкой идеологической редукции конфликта являются особенности познавательного процесса: имея несколько факторов развития и эволюции конфликта, несколько этапов с различной значимостью этничности, несколько линий конфликтного взаимодействия, исследователь, аналитик (или выполняющие их функции) может вполне корректно определить одну из этих линий (один из этапов, компонентов) в качестве основ-

ной, по которой и идентифицировать конфликт. Идеологической такой редукция является потому, что все эти аналитические действия чаще всего предпринимаются для обоснования уже известного ответа: конфликт является неэтническим.

Пример 1. В сентябре 2012 г. в с. Ремонтное Ростовской области разгорелся межэтнический конфликт, который вызревал многие годы. Этот «выброс» нарастающего напряжения в межэтнических отношениях был спровоцирован «случайной» дракой между двумя молодыми людьми – русским и дагестанцем. Произошла резкая эскалация напряженности, которая привела к конфликтной мобилизации по этническому признаку. Несмотря на то что массового столкновения удалось избежать, конфликт быстро обрел публичный характер, информация о нем распространилась через Интернет. Примечательна первая реакция полиции на события. Вечером 13 сентября на сайте ГУ МВД по Ростовской области была размещена информация: «Сегодня в 9.00 в дежурную часть Межмуниципального отдела МВД России “Ремонтненский” поступила оперативная информация о стихийном сходе граждан в селе Ремонтное на площади перед рынком... По предварительным данным, причиной схода граждан стало происшествие в одном из кафе села Ремонтное. Между двумя местными жителями произошла ссора. В результате конфликта за обоих граждан вступились их знакомые. Однако в полицию заявлений о происшествии не поступало...» (Главное управление МВД России по Ростовской области. <http://61.mvd.ru/news/item/624350>).

В информации, распространенной правоохранительными органами, нет ни одного упоминания об этническом характере происшествия в с. Ремонтное. Такой подход принято называть «милицейским». Отметим, что для правоохранительных органов подобная трактовка вполне оправдана. Эти органы не призваны давать политические оценки событиям, а по формальным признакам такие конфликты действительно зачастую предстают как уголовные деяния или преступления на бытовой почве. Другое дело – реакция со стороны органов государственного управления, которые должны дать политическую оценку таким конфликтам.

Пример 2. В начале декабря 2012 г. в выступлении на заседании Этнического совета при Губернаторе Ставропольского края председатель Комитета по делам национальностей и казачества А.М. Якушев утверждал, что за предшествующие 11 месяцев в крае не было ни одного межнационального конфликта. По его словам, «все зафиксированные в крае конфликты имели в своей осно-

ве либо бытовой, либо чисто криминальный характер, или же приходилось иметь дело со спором хозяйствующих субъектов. Стычек, протестных акций с националистическими лозунгами удалось избежать» (А. Якушев: «Этническая напряженность постепенно снижается» // <http://kavkaz.mk.ru/interview/2012/12/05/783200-aleksandr-yakushev-etnicheskaya-napryazhennost-postepenno-snizhaetsya.html>). События, как до этого выступления, так и непосредственно после, свидетельствуют, что это не так.

Выводы в настоящей публикации основаны на многолетнем опыте этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы в Северо-Кавказском регионе, в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Этот опыт позволяет утверждать, что отношение власти к этническим конфликтам различно и ситуационно. Чаще всего власти стремятся всеми доступными способами скрыть или вообще исключить этническую составляющую из уже свершившихся конфликтов. Особенно это характерно для первых лиц на той или иной территории (глав субъектов Федерации, городов, муниципальных районов). Но бывают случаи, когда власти неосознанно «раздувают» напряженность в межнациональных отношениях и тем самым стимулируют возникновение конфликтов. Обычно это – результат некомпетентных действий по регулированию этносоциальных и этнополитических процессов.

В то же время нередко случаи использования этничности для достижения внеэтнических целей. Эта ситуация хорошо описана в «инструментальной концепции этничности», которая в течение двух последних десятилетий является господствующей в этнологии и этнополитологии. Типичный пример – электоральные периоды, которые рассматриваются в конфликтологии как наиболее рискогенные для полиэтнических обществ. Обращение к этничности в такие периоды встречается часто, хотя откровенно провокативные высказывания участники электоральных процессов позволяют себе редко из-за опасности быть снятыми с «предвыборной гонки». Однако даже вполне корректное, на первый взгляд, использование этничности имеет в конечном итоге конфликтогенный характер: повышается статус этничности в общественно-политическом дискурсе, усиливается одна из самых негативных тенденций в этносфере – политизация этничности.

Случаи целенаправленного раскручивания этнических конфликтов ради достижения политических целей редки и нетипичны. Чаще встречаются примеры использования уже сложившейся напряженности в межатнических отношениях или произо-

шедших конфликтов для политической борьбы (например, чтобы показать неспособность руководителя управлять этнополитической ситуацией и поставить вопрос о его замене). И хотя «этнические антрепренеры», как принято называть политиков, использующих подобные приемы, как правило, сами не создают ни межетническую напряженность, ни, тем более, этнические конфликты, они своими действиями ведут к эскалации напряженности и к тому, что конфликты приобретают более острый и затяжной характер.

Пример 3. В Ставропольском крае двое из глав региона подряд (А.Л. Черногоров и В.В. Гаевский) были вынуждены оставить свою должность досрочно, при этом неспособность справиться с этнополитической напряженностью была одним из главных направлений критики их деятельности. А.Л. Черногоров так и не смог восстановить репутацию руководителя после серии трагических конфликтов в г. Ставрополе в конце мая – начале июня 2007 г., в ходе которых погиб студент-чеченец и два русских студента. Жизнь в городе была парализована на несколько дней, все боялись дальнейшего ухудшения обстановки и повторения событий. И хотя на период губернаторства А.Л. Черногорова пришлось немало других конфликтов, в частности конфликт краевой власти и руководства г. Ставрополя, проигрыш «Единой России» на региональных выборах и приход к власти в краевом парламенте «Справедливой России», переход А.Л. Черногорова из КПРФ в «Единую Россию» и исключение из последней, которые, по-видимому, и были основной причиной его досрочной отставки в 2008 г., сами эти конфликты являются частью нормального демократического процесса. Именно поэтому публичная критика этой стороны деятельности губернатора была ограниченной. События мая – июня 2007 г., окрещенные «Кондопогой на юге», были использованы для демонстрации его «управленческой недостаточности» на полную мощь. Губернатору В.Г. Зеренкову, вступившему в эту должность с мая 2012 г., уже через несколько месяцев начали пророчить отставку, при этом в качестве основной вины назывался резкий рост числа межнациональных конфликтов в крае и общих протестных настроений среди жителей (Слух: губернатор Ставрополя уйдет в отставку – <http://slon.ru/fast/russia/gubernatora-stavropolya-khotyat-otpravit-v-otstavku-966073.xhtml>).

По нашим данным, при всей сложности и остроте ситуации в Ставропольском крае какого-либо существенного увеличения числа межнациональных конфликтов не происходит. Более того, ни

разу не повторилась ситуация 2007 г., хотя край неоднократно был на грани срыва в «2007 год».

Пример 4. В Ставрополе в мае-июне 2007 г. в течение нескольких дней после массовой драки (в ней погиб один человек) произошел ряд событий, которые городская общественность однозначно связывала с ней воедино, конфликт перестал быть сосредоточен в среде его возникновения. События вызвали широкий отклик общественности, совершались попытки политизировать конфликт и поднять на федеральный уровень. Динамика конфликта характеризовалась постоянной тенденцией к расширению его базы, его дальнейшей эскалации за счет расширения его среды, подключения к конфликту новых субъектов. На разных этапах конфликта проводились попытки трансформации его предмета: так, усилиями националистических и антимигрантских организаций (преимущественно посредством сети Интернет) предмет конфликта из противоречия между группами молодежи на глазах был трансформирован в противоречие между русским и нерусским населением города, старожилами и приезжими, между региональной властью и общественными организациями Ставропольского края. Этот конфликт был определен нами как «блоковый конфликт» (Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на Юге России: От локальных к блоковым конфликтам. – Ростов н/Д., 2011).

Под блоковым конфликтом понимается не межблоковый конфликт, выделяемый по субъектам-носителям (международные блоки, союзы и организации), а конфликт, выделяемый по механизму формирования и расширения. Именно этот тип конфликта пришел на смену локальным межэтническим конфликтам на Юге России. Блоковый конфликт является разновидностью сложно-составного конфликта, модель которого разработана В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской (Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложно-составные конфликты // СоцИс. – М., 2005. – № 8. – С. 77–90). В предложенной нами трактовке этого феномена акцент делается на наличии доминантной линии социального напряжения или социального раскола, на основе которой соединяются (блокируются) моноконфликты (Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Майборода Э.Т., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И. Блоковые конфликты в полиэтничном макрорегионе // Конфликтология. – 2010. – № 1. – С. 134). Таковой доминантой в блоковых конфликтах на Юге России явилась возрастающая напряженность в межэтнических отношениях.

Правовые и политические оценки этнических конфликтов. Когда речь идет не о сугубо правовой, а именно о политической оценке происходящих конфликтов, проблема адекватной идентификации конфликта становится ключевой. Дело в том, что этнические и бытовые (или криминальные) конфликты имеют различную парадигму разрешения. Основной путь урегулирования этнических конфликтов – это снижение напряженности в межэтнических отношениях. Этнические конфликты, особенно в случаях, когда они обрели этнический характер в ходе эволюции, – это сигналы о неблагополучии в сфере межэтнических отношений. Особенно важно принять и верно интерпретировать этот сигнал в тех случаях, когда конфликты различного генезиса постоянно обретают черты межэтнического конфликта, если в него вовлечены люди разной национальности. Это свидетельствует о высокой степени напряженности в межэтнических отношениях в том или ином регионе и о том, что простой терминацией таких конфликтов (к чему часто неосознанно стремятся власти) дело поправить невозможно: конфликты будут вспыхивать постоянно, их урегулирование имеет неглубокий характер, что ведет к формированию затяжного этнополитического кризиса.

На выработку именно политических решений, а не правовых оценок нацелены многочисленные совещания и заседания. Проблема заключается в том, что правовые и политические оценки не только могут, но и должны различаться. Первые делаются на основе формальных признаков, вторые – на основе содержательных. Для эффективной управленческой деятельности в сфере межэтнических отношений корректная идентификация конфликта как этнического или неэтнического имеет ключевое значение: этнические конфликты имеют совершенно иную парадигму эволюции и урегулирования, чем бытовые конфликты или криминальные проявления.

Пример 5. В декабре 2012 г. в Невинномыске Ставропольского края конфликт в кафе между молодыми людьми разной национальности закончился поножовщиной и гибелью одного из участников. Глава города в первую очередь отметил, что произошедшее имеет чисто бытовой характер и никак не связано с национальностями погибшего и преступника (Жители Невинномыска против межнациональных конфликтов. – <http://www.stav.aif.ru/society/news/70271>). Следствие также не поддержало межэтнического характера произошедшего, отметив, что в ходе конфликта ни подозреваемый, ни потерпевший, ни их друзья и подруги не вы-

сказывали реплик, свидетельствующих о межнациональной ненависти либо вражде (Следствие отвергает межнациональную почву убийства в Невинномысске // <http://www.stav.aif.ru/crime/news/69977>). Однако этот конфликт, независимо от конкретных причин его возникновения, стал эволюционировать как межэтнический. Об этом свидетельствуют дискуссии в Интернете, санкционированные и несанкционированные сходы. Руководством города были организованы встречи с трудовыми коллективами Невинномысска и учащимися городских образовательных учреждений с целью стабилизации межнациональной обстановки на территории города. В Невинномысске приезжала делегация Чеченской Республики, куда скрылся подозреваемый в убийстве. Ситуацией воспользовались, как это бывает в таких случаях, радикалы и провокаторы различных мастей. Многие из митинговавших убеждены, что если бы не их активная позиция, следствие «спустило» бы на тормозах и подозреваемый исчез бы из поля зрения правоохранителей (Парадоксальная фаза Ставрополя // <http://nevinkaonline.ru/index.php?page=103&p=171277>). Последний тезис также важен для анализа: деятельность (либо бездеятельность) государственных структур в ситуациях конфликта является важным фактором эволюции конфликта по этническому руслу.

Стойкая «нелюбовь» власти к этническим конфликтам вполне объяснима двумя взаимосвязанными причинами.

Первая – власти разного уровня опасаются этнических конфликтов больше, чем конфликтов любых других типов в силу их высокой деструктивности и способности к быстрой эскалации. Поэтому стремление «закамуфлировать» этнический конфликт и придать ему публичное звучание как неэтническому рассматривается в качестве своеобразной управленческой технологии, позволяющей предотвратить расширение базы конфликта. К этой позиции властей стоит отнестись весьма серьезно. Действительно, базу криминального или бытового конфликта составляют его непосредственные участники и небольшое количество других людей, вовлеченных по тем или иным обстоятельствам в конфликт (родственники, свидетели и др.). Участниками межэтнического конфликта косвенно становятся все «соплеменники» конфликтующих сторон. Эта особенность этнического конфликта объясняет его способность быстро распространяться, когда за считанные минуты в него вовлекаются десятки людей с каждой из сторон (если конфликт локальный), либо политические институты (при более масштабном конфликте). При этом конфликтная мобилизация осуществляется

именно по этническому признаку, косвенно в нее вовлекаются (через обсуждение, поиск информации в Интернете, социальные сети и др.) сотни людей.

При таком подходе подобная редукционистская технология управления конфликтным процессом может показаться, на первый взгляд, эффективной. В действительности этот эффект, если он вообще достигается, кратковременен, так как проблемы, выявившиеся в ходе конфликта, остаются нерешенными и рано или поздно приведут к очередной его вспышке.

Пример 6. События в с. Ремонтное Ростовской области в сентябре 2012 г. представляют собой типичный пример такого многоступенчатого конфликта. На состоявшихся после острой фазы конфликта сходах и официальных заседаниях среди причин конфликта назывались бездействие полиции в течение длительного времени, серьезные экономические нарушения, в частности большое поголовье овец в личных хозяйствах при отсутствии земель в аренде, отсюда потравы и недовольства, выдача банками кредитов для ведения личных подсобных хозяйств при отсутствии земли, незаконное хранение оружия, «которое имеется у каждого в машине». Среди собственно этнических или близких по смыслу гуманитарных причин назывались правовой нигилизм молодежи, отсутствие условий для цивилизованного досуга. Особое место в непосредственном «запуске» конфликта отводилось тому, что на научном языке называется «провокативная демонстрация этничности» – вызывающее поведение людей (чаще всего молодых), агрегированных по этническому признаку, по отношению к людям другой национальности (или к иноэтничному окружению вообще) (Протокол совещания по вопросу межнациональных отношений на территории Ремонтненского района от 13.09.2012 г. / <http://remadmin.donland.ru/Default.aspx?pageid=113743>).

Провокативная демонстрация этничности стала привычным делом для регионов повышенной конфликтности. Наиболее мягкая из подобных демонстраций – так называемые «танцы на Пушкинской», известные во многих крупных городах, получившие нарицательное название по одной из центральных улиц г. Ростова (еще одно нарицательное наименование – «танцы на Манежной»). Это действие представляет собой своеобразное социокультурное маркирование территории, обозначение того, «кто здесь хозяин» пока на социокультурном уровне. В с. Ремонтное ситуация была гораздо сложнее: здесь речь шла не о социокультурных процессах, а о том, кто устанавливает экономические порядки и весь уклад жизни.

ни. При этом наиболее конфликтогенной была деятельность новых переселенцев из Дагестана и молодежи, приехавшей в гости. Поведение этой группы людей было демонстративно вызывающим и не могло не привести к конфликту. Эта ситуация вызывала тревогу у выходцев из Дагестана, проживших в Ремонтненском районе много лет. О том, что подобные танцы имеют не культурный, а провокативный и этномаркирующий характер, свидетельствуют события в Ставрополе в ночь на 17.01.2013 г.

Пример 7. В эту ночь четверо «уроженцев одной из республик Северного Кавказа», как принято политкорректно говорить в СМИ, стали исполнять танец «лезгинка» у одного из ночных клубов. По утверждению правоохранительных органов, танцевавшие были пьяны, хлопали в ладоши, ругались матом, а один из них дважды выстрелил из травматического оружия. 17 января суд Ленинского района Ставрополя осудил троих задержанных за мелкое хулиганство, приговорив двоих из них к 15 суткам ареста. В отношении четвертого задержанного было возбуждено уголовное дело по подозрению в хулиганстве с применением оружия. В свою очередь один из участников инцидента заявил, что виновным себя не считает. «Ничего мы не нарушали. Мы у себя дома находимся, на Северном Кавказе, а не в Москве на площади лезгинку танцевали. Если я потревожил людей маленьких или больных людей старых, в этом случае я перед ними могу, конечно, принести извинения. Но больше ни перед кем!», – цитирует участника инцидента телеканал «Россия» (Суд Ставрополя постановил оставить под стражей участника инцидента с лезгинкой. – <http://www.kavkazuzel.ru/articles/218876>).

Вторая причина негативного отношения властей всех уровней к этническим конфликтам заключается в том, что осознанно или неосознанно власти трактуют этнический конфликт как собственную недоработку и, таким образом, значительная доля ответственности за произошедший конфликт ложится на власть. В принципе, это верная оценка ситуации, поскольку одна из важнейших функций конфликта – сигнальная. Конфликт сигнализирует о неблагополучии в обществе и показывает, в какой именно сфере это неблагополучие достигло «зашкаливающих» величин. Признание конфликта этническим означает признание неблагополучия в этнической жизни общества, а последняя является безусловной сферой ответственности власти. Этого не скажешь о криминальном или бытовом конфликте: ответственность власти в этом случае

минимальная, во всяком случае, она несоизмеримо меньше по сравнению с непосредственными участниками.

Пример 8. Эта ситуация едва не получила новое «отягощение» в конце 2012 г., когда группа депутатов внесла предложение установить для должностных лиц, включая глав регионов (именно на последних и направлен пафос проекта), разные виды ответственности, от финансовой до уголовной, за допущение или содействие своими действиями возникновению на подведомственной территории межэтнических конфликтов (Главам регионов грозят тюрьмой за допущение межэтнических столкновений // Известия. 26.12.2012). Эта идея получила аргументированную критику с правовой и управленческой точек зрения. Однако важно остановиться на интересующем нас аспекте: власти, и без того не склонные признавать наличие межэтнических конфликтов на «своей» территории, были бы буквально «принуждены», в случае доведения этой инициативы до принятия закона, искать любые основания, чтобы отрицать этнический характер происходящих конфликтов. Тем не менее летом 2013 г. ситуация актуализировалась вновь. О необходимости разделить ответственность за межнациональный мир между «властями всех уровней» заместитель главы Администрации Президента, ответственный секретарь президентского совета по межнациональным отношениям М. Магомедов заявил на X конгрессе этнографов и антропологов России, состоявшемся в Москве в начале июля 2013 г. Он отметил, что руководство страны сейчас уделяет «огромное внимание» национальным проблемам, «недаром в АП создан специальный департамент», предполагается «усилить это направление в исполнительной власти – или в Минрегионе, или еще какое-то ведомство будет» (Межнациональная по форме, межведомственная по содержанию // <http://www.kommersant.ru/doc/2224874>).

В случае установления той или иной формы ответственности за состояние межнациональных отношений можно прогнозировать, что стремление осуществить идеологическую редукцию конфликтов будет нарастать. В этом случае роль и ответственность научно-экспертного сообщества существенно увеличивается.

Определение этнического конфликта в научной и экспертной деятельности. Каким же образом можно корректно идентифицировать конфликт как этнический или как неэтнический в экспертной и практико-управленческой деятельности? Основное препятствие, возникающее на этом пути, заключается в том, что на практике используются различные основания для подобной иден-

тификации. Чаще всего управленческие работники классифицируют конфликты по причинам возникновения или сфере его протекания, и в этом случае довольно трудно «увидеть» этнические причины возникновения конфликтов, даже в том случае, когда они буквально лежат на поверхности.

Пример 9. Показательна в этом отношении оценка губернатора Астраханской области А. Жилкина, высказанная в интервью газете «Известия» относительно трагических событий с человеческими жертвами в селе Яндыки Лиманского района в 2005 г.: «Произошедшее в Яндыках – не межнациональный конфликт. Это реакция большинства населения села на поведение зарвавшихся хулиганов, которые, к сожалению, оказались одной, чеченской, национальности. Довели до конфликта ситуацию те, кто приехал туда недавно и попытался навязать свои правила. Молодые люди из новой, последней волны переселенцев, вероятно, привыкли к вседозволенности на другой территории. В 2002 г. в нашем регионе было 10 тыс. чеченцев, сейчас их стало около 20 тыс.» (А. Жилкин: «Мы ввели комендантский час, хотя это и незаконно» // <http://www.izvestia.ru/news/306010>).

Имелись ли основания для трактовки данного конфликта как неэтнического? В определенной степени да, если идентифицировать конфликт по формальным причинам. Но в аналитической работе необходимо учитывать, что у многофакторных конфликтов всегда имеется несколько уровней причин: причины первого порядка, причины второго порядка и т.д. На каком из этих уровней остановиться в экспертно-аналитической работе – выбор во многом зависит от самого эксперта и от тех априорных установок, которые у него имеются. Установка на выявление истинных, глубинных причин далеко не всех и не всегда устраивает, что и позволяет вполне аккуратно, без существенных нарушений правил логики выбрать то или иное основание для идентификации конфликта. Другими словами, если имеется установка на идентификацию конфликта как этнического, для этого можно найти основания; если имеется противоположная установка – для этого чаще всего также есть основания. Как мы показали выше, у органов власти господствует установка на неэтническую трактовку многофакторных конфликтов.

Каким образом корректно идентифицировать сложносоставной конфликт как межэтнический? Отметим эту важную особенность изучения этнических конфликтов – они анализируются в большей степени в рамках этнологической исследовательской па-

радикалы, чем в конфликтологической. Примордиализм, конструктивизм и инструментализм – методологические подходы в этнологии, сформировавшиеся вокруг различных трактовок этноса. Именно три этих подхода представлены и сегодня в англоязычной версии Википедии в статье «Этнический конфликт» (Ethnic Conflict) / (Ethnic conflict // http://en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_conflict). Это довольно редкий случай методологического постоянства в социально-гуманитарном знании, в котором смена научных парадигм происходит, как правило, с приходом нового поколения исследователей. В изучении этнических конфликтов примордиализм, конструктивизм и инструментализм соперничают уже более четверти века. На современном этапе в методологическом аспекте примечателен новый виток интереса к примордиалистской концепции этноса, обусловленный всплеском этногенетических исследований. Этот методологический тренд стимулировал возрождение трактовок этнических конфликтов как атрибутивных феноменов человеческой истории.

В отличие от этнологического, главная особенность конфликтологического подхода – признание функциональности и даже конструктивности конфликта, понимание конфликта как инструмента саморазвития социальных систем. Эта концептуальная установка не поддерживается бытующей трактовкой этнополитической практики, не популярна она также и в общественном мнении, в котором стойко закрепилось представление о том, что этнические конфликты – это зло, дисфункция, социальный недуг. Эти устойчивые стереотипы существенно влияют на оценку властными структурами конфликтов с этническим компонентом.

Наш опыт этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы дает основания утверждать, что ни одна из концепций или моделей анализа этнических конфликтов не может быть использована как единственный и надежный инструмент анализа, прогнозирования динамики и определения путей выхода из конкретного этнического конфликта. Но это не значит, что данные концепции и модели эвристически малоценны. Наоборот, для эффективной экспертной деятельности необходимо знать их, но реальные конфликты, даже локальные, сочетают в себе многие сюжеты, описанные в различных концепциях. Поэтому в экспертно-аналитической деятельности приходится ориентироваться на полипарадигмальный подход и использовать те исследовательские приемы, которые дают наиболее ценную информацию в каждом конкретном случае.

Тем не менее есть некоторые хорошо известные в конфликтологии принципы, которые имеют особую эвристическую ценность в научно-экспертной деятельности в области межэтнических отношений.

Во-первых, это субъектно-деятельностный подход. Понимание этнического конфликта как действия людей или социальных групп, а не просто как проблемы или противоречия, и акцентирование активной роли субъекта в конфликте исключительно важно для правильной идентификации этнического конфликта.

Во-вторых, это признание функциональности этнического конфликта, отказ от его однозначной трактовки как социальной дисфункции, как социального недуга. Выявление конструктивных функций, включение этой тематики в публичный дискурс позволит преодолеть установку властей на «искоренение» этнической составляющей сложносоставных конфликтов и поставить в повестку дня задачу глубокого анализа ситуации и изменения положения дел в межэтнической сфере.

Оба этих тезиса являются предметом научного дискурса, что создает проблемы в практической экспертной деятельности. При обилии определений большинство исследователей и экспертов ориентируются на предложенное В.А. Тишковым понимание этнического конфликта как гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий (Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997). Это же определение вошло в электронный «Краткий этнологический словарь» (Культурология: Теория, школы, история, практика. – <http://www.countries.ru/library/etno/etndiscosoe.htm>) и доступно миллионам пользователей Интернета, растиражировано в сотнях рефератов и курсовых работ, предлагаемых там же. В результате определение становится «каноническим». В научном плане это определение вполне приемлемо, тем более что благодаря Интернету, в котором оно уже нередко цитируется без указания авторства или с указанием множественного авторства («ученые считают...»), это определение стало базисом для научного консенсуса. Последнее немаловажно само по себе, ибо хорошо известно, что вокруг дефиниций можно вести многолетний и малорезультативный научный спор.

Что касается научно-экспертной деятельности, то это определение недостаточно в силу того, что в нем отсутствуют эмпирически фиксируемые признаки (маркеры). Например, каким обра-

зом определить, что «стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий»?

Установить этническую мотивацию участников конфликта отнюдь не просто, так как существуют значительные расхождения между истинными и декларируемыми мотивами, и выявление первых требует серьезной экспертно-аналитической работы. Идентификация этнического конфликта по его начальным признакам, складывающимся еще на этапе предконфликтной ситуации, основана почти исключительно на интерпретации, а это открывает широкие возможности для манипулирования. На основе подобного определения этнические конфликты фактически «исчезли» бы из нашей жизни. Кроме этого, типичной является ситуация, когда конфликт, начавшись как неэтнический, обретает черты этнического конфликта в ходе эскалации. При этом мотивы, побудившие участников начать конфликт, могут быть (и чаще всего бывают) неэтническими. Однако если конфликт развивается как межэтнический, методы антиконфликтного менеджмента должны быть существенно отличными от методов урегулирования бытового или другого конфликта, с которого начался межэтнический конфликт. Таким образом, предлагаемые определения этнических конфликтов сложны для практического применения в экспертной деятельности, так как больше основаны на интерпретации фактов, чем на их фиксации.

На наш взгляд, ключом к решению этой проблемы является субъектно-деятельностный подход. Поскольку любой социальный конфликт – это деятельность групп людей или отдельных лиц, идентифицирующих себя как представителей конфликтующей группы, важно выявить, как сами участники определяют себя в конфликтном взаимодействии. В случае если они определяют себя и / или противоположную сторону в этнических категориях (используют этнонимы, этнические прозвища, обобщающие признаки), этот конфликт можно считать этническим независимо от причин его возникновения, сферы протекания, масштабов и других характеристик.

Кто «мы» и кто – «они»? Эти признаки внятно присутствуют в актах речевой коммуникации и позволяют отграничить этнический конфликт от неэтнического. Появление этнонимов в коммуникации конфликтующих сторон свидетельствует, что в конфликте нарастают этнические черты, если их не было изначально, и что конфликт, который сформировался и эволюционировал как неэтнический, превращается в этнический конфликт на определенном

этапе. Эти признаки свидетельствуют о неблагоприятной динамике конфликта, о том, что разрастается его база и нарастают ценностные черты. Вероятность разрешения или устойчивого урегулирования такого конфликта снижается. Разрастание этнического компонента в сложносоставном конфликте в регионе повышенной этнополитической напряженности – часто встречающееся явление. Этнический конфликт может заполнить любое русло социальной напряженности, «просочиться» в любой социальный раскол.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2013 г., № 5, с. 88–103.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Михалева,

кандидат политических наук

(Институт философии и права УрО РАН, г. Пермь)

ИСЛАМ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Северные регионы Европейской части России, которые часто маркируются как Русский Север – одна из наиболее удачных площадок для изучения проникновения инокультурной религиозной практики в систему устоявшихся социокультурных норм. Особую выразительность этот процесс приобретает в случае соприкосновения и наложения таких, казалось бы, разных культурных традиций, как христианская и мусульманская, что придает дополнительную актуальность проблеме самосохранения и обновления в историческом процессе.

Архангельскую область можно отнести к тому типу регионов, где доля мусульманского населения не превышает 4%, ислам не имеет многовековых исторических корней, а сам регион традиционно воспринимается как «русский» [6] и «православный» [7]. В таких регионах, как правило, сильным оказывается влияние институтов РПЦ, а общественные настроения во многом детерминируются русофильской и христианской идеями. Регионы этой группы представляют наибольший интерес с точки зрения возможности ретроспективного взгляда на процессы исламского возрождения, начавшиеся в Центральных регионах России 10–15 лет назад. В данной статье предлагается рассмотреть и оценить состояние регионального ислама на современном этапе: институционализацию мусульманских общин и развитие исламской инфраструктуры в области.

Данные о численности мусульман в Архангельской области сильно разнятся: официальная статистика располагает сведениями о 8 тыс. мусульман [ВПН 2010], региональные СМИ пишут о 10 [1] или 30 тыс. [14], а мусульманские лидеры убеждены, что в

области проживает около 20 тыс. мусульман [ИРК]. Сопоставление данных официальной статистики 2002 и 2010 гг. позволяет сделать вывод как о сокращении общей численности региональной уммы, так и о незначительном уменьшении удельного веса мусульман к населению области (с 0,69 до 0,66%).

Несмотря на относительно слабое представительство мусульман в области, их религиозную традицию сложно назвать культурной экзотикой для местного сообщества. Ислам на территории Архангельской области появился в первой половине XIX в., когда была построена первая мечеть для удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих-мусульман. Следующая волна мусульманской миграции в край была вызвана голодом в Казанской губернии 1899–1901 гг. и развитием «колониальной» торговли, которую контролировали татарские купцы [13]. Вследствие их успешной деятельности в начале XX в. в Архангельске действовал новометодный мектеб, а 26 августа 1905 г. состоялось открытие новой мечети с минаретом, которая функционировала вплоть до своего закрытия в 1931 г.

Вопреки сложившейся исторической традиции, сегодня в этнической структуре мусульманской общины Архангельской области преобладают не татары (3283 человек в 2002 г. [ВПН 2002] и 2335 человек в 2010 г. [ВПН 2010]), а азербайджанцы (3034 человек в 2002 г. и 2605 человек в 2010 г.). Изменения этнического состава уммы произошли в период с 2002 по 2010 г., что и зафиксировали две всероссийские переписи. Башкиры с третьей позиции в 2002 г. (474 человек) сегодня оттеснены на пятое место (394 человек). Узбеки (435 человек) и таджики (401 человек) по численности вышли на третье и четвертое место соответственно. Если первые мусульмане на территории Архангельской области имели татарское происхождение, то современная региональная умма формируется в первую очередь за счет выходцев из сопредельных с Россией государств. По тем же данным официальной статистики численность дагестанской диаспоры на сегодняшний день составляет около 876 человек (примерно 11% региональной уммы).

В силу сложившихся исторических условий развития, географической удаленности от «мусульманских» центров и малого количественного ресурса институционализация мусульманских организаций в Архангельской области по сравнению с Центрально-Европейскими регионами России началась позже и инициировалась местными этническими элитами. До сих пор работа религиозных объединений тесно переплетается с деятельностью

национальных культурных автономий, о чем свидетельствуют одни и те же адреса регистрации религиозных организаций мусульман и соответствующих НКА.

Первая мусульманская организация на территории области – «Местная религиозная организация мусульман (МРОМ) г. Архангельска» – была зарегистрирована 7 апреля 2004 г. МРОМ г. Архангельска подчиняется ДУМЕР во главе с Р. Гайнутдином. Возглавляет ее Магомед-Мурза Султанов, аварец по происхождению. В своей статье о региональном исламе М.-М. Султанов подчеркивает, что община состоит не только из татар: «Этнический состав общины многообразен: аварцы, даргинцы, чеченцы, арабы, азербайджанцы, русские и др.» [12]. Первая религиозная организация мусульман, которая объединила верующих – выходцев с Северного Кавказа, появилась благодаря активной религиозной позиции лидеров вышеназванных этнических общин, которые и выступили в качестве инициаторов создания МРОМ. Общее число прихожан, по оценкам лидеров общины, варьируется от 2 тыс. [12] до 9,5 тыс. человек [3]. В распоряжении общины находится арендуемое моленное помещение, рассчитанное на 60 мест. Руководство общины тесно сотрудничает с мусульманскими организациями соседних регионов (ДУМ Республики Карелия, община Кондопоги) [12] и региональными структурами РПЦ. Так, 30 сентября 2008 г. на праздновании по случаю окончания поста в месяц Рамадан присутствовал епископ Архангельский и Холмогорский Тихон. С марта 2008 г. МРОМ выпускает бесплатную еженедельную газету «Путь истины». Помимо этого МРОМ осуществляет активную религиозную, образовательную (преподавание основ ислама и чтение Корана), благотворительную и общественную деятельность. В сентябре 2011 г. МРОМ г. Архангельска часть собранных от закята денег распределил между малообеспеченными жителями области независимо от вероисповедания [9]. Основные же проблемы, мешающие развитию регионального мусульманского сообщества, глава общины видит в отсутствии храма и мусульманского кладбища. (По данным историков-краеведов, для мусульманских захоронений в досоветский период была отведена часть Кузнецевского кладбища [13].) В августе 2007 г. мэрия г. Архангельска пошла навстречу мусульманской общине и выделила земельный участок под строительство мечети площадью 0,5033 га на ул. Касаткиной.

История с передачей земельного участка по ул. Касаткиной одной из мусульманских общин области, с одной стороны, вскрыла имеющиеся противоречия в региональной умме, с другой – по-

казала реальную возможность третьих сил использовать внутриисламские противоречия для решения собственных проблем. В январе 2005 г. мэр г. Архангельска Олег Нилов по ходатайству СМР и Р. Гайнутдина выделил земельный участок на тот момент еще не зарегистрированной в органах юстиции мусульманской организации «Нур Ислам» во главе с Римом Калимуллиным, которого порицали за дружеские отношения с мэром. Оппозицию ему составила МРОМ г. Архангельска во главе с М.-М. Султановым, которому и была в итоге передана земля под строительство мечети. Вспоминая о событиях этого периода, Р. Калимуллин, председатель Татарской Национально-культурной автономии Архангельской области (ТНКА АО), отзываясь следующим образом: «Я только одного не понимаю, когда те же мусульмане начинают тебе палки в колеса совать для того, чтобы занять это место. Это же не рынок, это не бизнес... Ну сейчас наладилось всё... Чеченцев и дагестанцев здесь можно по пальцам пересчитать, их задачи понятны, но на данный момент они уже успокоились» [ИРК].

Вторая мусульманская организация, позиционирующая себя как местная религиозная организация мусульман «Нур Ислам» г. Архангельска и Архангельской области, была создана 12 апреля 2005 г. по инициативе председателя ТНКА АО Рима Калимуллина. Регистрация второй мусульманской организации отчасти была обусловлена обострением внутриисламской конкуренции на региональном уровне, а также практической заинтересованностью – необходимостью юридического статуса общины для отстаивания религиозных интересов местного татаро-башкирского населения. В организационном плане община также подчиняется ДУМЕР. Потеряв право на земельный участок по ул. Касаткиной, «Нур Ислам» начал кампанию по возвращению здания исторической мечети г. Архангельска. Подключение к этому процессу московского муфтия Р. Гайнутдина, бывшего министра экономического развития России Э.С. Набиуллиной и экс-президента Татарстана М.Ш. Шаймиева позволило добиться положительного результата, и 1 июня 2010 г. здание исторической мечети Архангельска по ул. Карла Маркса, 40 было передано мусульманской организации. По мнению Р. Калимуллина, архангельская мечеть может считаться «самой северной мечетью» в мире (64° 33' 00" с. ш.). Однако мечети Норильска (69° 20' 00" с. ш.) [10], Салехарда (66° 32' 00" с. ш.) [15] и Нового Уренгоя (65° 57' 37" с. ш.) [8] расположены севернее Архангельска. В феврале 2011 г. мэрия города утвердила проект реставрации здания мечети, который обошелся общине в

450 тыс. руб. В 2012 г. в старом здании начались реставрационные работы, однако вопрос об их окончании пока остается открытым. Все усилия руководства МРОМ в настоящее время направлены на восстановление культового здания и создание на этом месте Исламского центра, который бы объединил всех мусульман области независимо от этнического происхождения. Социальная и благотворительная деятельность «Нур Ислам» осуществляется в основном по линии и при поддержке Торгового дома Республики Татарстан «Татарстан-Архангельск» (ТДРТ ТА) [4].

Татарская часть региональной уммы берет за образец модель развития межконфессиональных и межэтнических отношений в Республике Татарстан. У региональных лидеров ТНКА хорошо выстроены каналы лоббирования своих интересов. С учетом вышесказанного можно поспорить с утверждением старшего научного сотрудника Архангельского областного краеведческого музея Татьяной Трошиной, что «в настоящее время, несмотря на большое количество представителей татарской национальности в городе, в том числе и потомков первых архангельских татар, никакой организации не существует... Татарская община в Архангельске ныне практически утратила свою самобытность» [13]. Это заявление было сделано в 2003 г., на четвертый год активной деятельности ТНКА, когда успешно продвигалась реализация бизнес-проектов, культурных и социальных программ ТДРТ на территории Архангельской области: организация летних лагерей для детей из Архангельской области в РТ, ежегодное празднование «Сабантуя» – одного из любимых и массовых праздников горожан.

Помимо «земельного» вопроса между религиозными организациями имеются и определенные теологические расхождения, о чем можно судить по письму «группы мусульман из Архангельска», отправленному на имя Исламского комитета с критикой в адрес Р. Гайнутдина. В 2009 г. московский муфтий от лица всех мусульман поздравил Патриарха Кирилла и православных с Пасхой [11], что вызвало возмущение части мусульман. «Дело о поздравлении» вскрыло не только имеющиеся теологические расхождения в региональной умме по поводу интерпретации отдельных высказываний из Корана, но и общественные амбиции группы региональных мусульман, которые пытаются продемонстрировать свою компетентность и одновременно заявить об исключительной правоспособности в региональном исламском и общественно-политическом поле.

Местным мусульманским организациям удалось избежать открытого конфликта. Обе они подчиняются ДУМЕР и открыто поддерживают идею объединения мусульманских духовных структур в одном органе: «Объединение – это хорошее дело. Наличие различных организаций сегодня несет вред мусульманам России. Должна быть единая централизованная структура. Можно для ее учреждения созвать съезд всех мусульман России, с делегатами от всех регионов» (М.-М. Султанов) [5]. В интервью председатель мусульманской организации «Нур Ислам» Р. Калимуллин не раз подчеркивал, что противоречия и недопонимание остались в прошлом, и он не отрицает, что вторая мусульманская организация имеет право на открытие своего молельного помещения, и не видит в этом проявления конкуренции: «Чем больше мечетей, тем лучше. Я только “за”, так же, как церкви, это же хорошо. Это есть понятие культуры других национальностей» [ИРК]. Узнать же позицию второй мусульманской организации по этому вопросу и ее председателя г-на М.-М. Султанова не представляется возможным, поскольку руководство общины категорически отказывается от любых комментариев и интервью, касающихся деятельности организации.

В последние годы заметно активизировались усилия местных исламских лидеров по созданию исламской инфраструктуры в области, однако ее состояние пока оставляет желать лучшего. В 2007 г. председатель МРО мусульман г. Архангельска М.-М. Султанов выступил с предложением открыть отдел халяльной продукции в одном из супермаркетов города («Петровский») [2]. Правда, до сих пор эта идея осталась нереализованной. Аналогичные планы есть у Р. Калимуллина. В строящемся комплексе исторической мечети запланированы помещения и для торговли халяльными продуктами. Образовательные предложения по изучению основ ислама в области также ограничены. По утверждению М.-М. Султанова, при МРОМ г. Архангельска действуют религиозные курсы по изучению Корана. Обучение арабскому языку и основным молитвам во второй общине осуществляются пока в частном порядке. Сектор ритуальных услуг при МРОМ развит слабо. Захоронения по мусульманскому обряду проводятся в мусульманской части Вологодского кладбища.

Из мусульманских СМИ до недавнего времени можно было приобрести «Мусульманскую газету» (МРОМ «Нур Ислам») и «Путь истины» (МРОМ г. Архангельска, с марта 2008 г.). Однако МРОМ «Нур Ислам» на сегодняшний день не имеет своего печат-

ного органа. Новости этнического содержания печатаются в газете «Единый мир» Совета национальностей Архангельской области, а религиозная информация публикуется в печатном органе ДУМЕР или в местных газетах: «На сегодняшний день нам легче дать объявление в “Правду Севера” Архангельской области, которая расходуется по всей области, чем я выпущу здесь газету, и по квартирам буду ходить раздавать» [ИРК].

Несмотря на определенные сложности в становлении мусульманской общины Архангельской области, лидеры исламских организаций подчеркивают уникальные возможности региона: «Город очень спокойный, область очень спокойная, доброжелательная. Я думаю, здесь будет всё хорошо... Здесь понимают культуру всех национальностей... Здесь есть какое-то очень сильное единение» [ИРК].

Вместе с тем председатель МРОМ «Нур Ислам» Рим Калимуллин отмечает не только благоприятное отношение большинства, но и конструктивные дружественные отношения с политическим руководством региона: «У нас на сегодняшний день с Администрацией области, с Администрацией города просто очень хорошие отношения... Они нам идут по всем вопросам навстречу» [ИРК]. Позиция М.-М. Султанова в региональном политическом поле может быть проиллюстрирована цитатой из его статьи: «...местная религиозная организация мусульман г. Архангельска получила признание в нашей области и в целом по России» [12].

Ситуацию вокруг ислама в области можно назвать достаточно спокойной, бесконфликтной, благоприятной для дальнейшего развития региональной уммы. В силу объективных причин процесс институционализации мусульманских общин Архангельской области начался позднее, чем в других регионах России, что позволило избежать излишней политизированности 1990-х годов и воздержаться от радикальных методов в конкурентной борьбе за лидерство на региональном уровне. Лидеры регионального мусульманского сообщества уже зарекомендовали себя в политическом пространстве региона в качестве активных и надежных партнеров. Дальнейшее взаимодействие с представителями региональной власти, руководителями других этноконфессиональных сообществ во многом будет зависеть от их открытости и умения выстраивать двусторонний диалог на основе доверительных отношений. Институционализация ислама протекает по этническим каналам: к настоящему времени в области юридически оформились две мусульманские организации, которые условно можно на-

звать «татаро-башкирской» и «кавказской». После оформления основных игроков, способных взять на себя представительство интересов местных мусульман, на следующем этапе закономерно встает вопрос о развитии в регионе исламской инфраструктуры, которая находится в зачаточном состоянии. В ближайшей перспективе внутриисламская конкуренция в регионе, безусловно, сохранится, однако при наличии взвешенной позиции мусульманских лидеров есть шанс избежать ее острых форм. Постепенное выстраивание элементов исламской инфраструктуры, на наш взгляд, будет продолжаться, как и наращивание исламского присутствия в регионе, что косвенно подтверждается и высказываниями местных мусульманских лидеров: «Современное состояние ислама в духовной и этнической жизни Архангельска характеризуется бурной активизацией религиозной жизни мусульман» [12].

Источники

- ВПН 2002 – Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – М., 2004. – <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
- ВПН 2010 – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – М., 2012. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html
- ИРК – Интервью с руководителем МРОМ г. Архангельска и Архангельской области «Нур Ислам» Р. Калимуллиным от 12.09.2012 г. // Личный архив автора.
- 1. Архангельск духовный: В городе будет возрождена мечеть. На очереди строительство синагоги. – URL: <http://www.echosevera.ru/news/2010/06/04-/438.html>
- 2. В Архангельске планируется открытие отдела халяльной продукции. – URL: <http://www.islamnews.ru/news-5223.html>
- 3. В Архангельске планируется строительство мечети. – URL: <http://www.dvina-inform.ru/news/2007/08/23/59424.shtml>
- 4. Ветераны труда получили подарки в честь Ураза-байрам. – URL: <http://dumrf.ru/common/regnews/4521>
- 5. Единство российских мусульман. Итоги всероссийского опроса мусульманских лидеров. – URL: <http://www.muslim.ru/1/cont-8/2002.htm> – 2008. – № 4 (288). – С. 27–37.
- 6. Максимов Н. Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон встретился с руководителями национально-культурных объединений. – URL: <http://www.rusnord.ru/2007/1/25513>
- 7. Мечеть Нового Уренгоя. – URL: <http://oneislam.ru/?cat=18>
- 8. Мусульмане Архангельска распределили закят через Красный Крест. – URL: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/17657/>
- 9. Российская мечеть – в Книге рекордов Гиннеса. – URL: http://rus.ruvr.ru/2012_03_15/68524040/

10. Скандальное поздравление. Мусульмане Архангельска просят... – URL: www.islamnews.ru/news-18431.html
11. Султанов М.-М., Смирнова М.В., Аль-Мавас М. История и перспективы Архангельской общины мусульман. – URL: <http://www.rasnord.ru/2008/2/27374>
12. Трошина Т. Татарская община в Архангельске (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – URL: http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/arkhang_041203.htm
13. У архангельских мусульман будет своя мечеть. – URL: <http://www.rusnord.ru/2005/1/12415>
14. Ямало-Ненецкий автономный округ. – URL: http://globtourism.com/ru/?type=publ&id=iamalo_nen

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2013 г., № 1, с. 45–53.*

М. Алигаджиева,
политолог (ДГПУ, Дагестан)
**НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА
ДАГЕСТАНА: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Очевидно, что исследовать предмет настоящей работы, не обращаясь к таким фундаментальным понятиям, как «элитаризм» и «эгалитаризм», логически невозможно, ибо национальные отношения вообще реализуются на практике лишь через деятельность национальных элит, которые выражают (или думают, что выражают) интересы, цели, стремления, надежды, чаяния и т.п. соответствующих наций, народов, этносов. Для выявления специфики Дагестана при рассмотрении проблемы его элит и их конфликтов с учетом национального фактора в общественной жизни в 2013 г. автором было проведено исследование «Национально-политическая элита Дагестана».

Общая выборка респондентов исследования составила 820 человек. Выборка охватила различные социальные группы населения – интеллигенцию, политиков, студентов, рабочих и безработных. Одной из весьма острых и болезненных проблем в Дагестане, связанных с национальным вопросом, является проблема государственной власти. Ни для кого не секрет, что национальная клановость во властных структурах постоянно генерирует межнациональную напряженность в подведомственных и подчиненных им регионах. Автор позволит себе выдвинуть пока в качестве рабочей гипотезы следующую мысль: Дагестан сложился на терри-

ториальной, а не на национальной основе, в связи с чем в нем просто-напросто нет и никогда не было «титульной» нации (т.е. какой-то одной, доминирующей, коренной, основной, преобладающей по сравнению с другими, по имени которой была бы названа вся республика). В силу этого обстоятельства в мировоззрении дагестанцев стихийно сложился своего рода психолого-аксиологический (ценностный) стереотип, согласно которому общечеловеческие нравственные качества личности (честность, мужество, верность, доброта, отзывчивость, справедливость, гуманность и т.д.) являются более значимыми, существенными, ценными, нежели этническая принадлежность. В известном отношении для Дагестана это позитивный фактор: не создаются условия для безудержного идолопоклонства какому-либо одному определенному народу, противопоставления его всем остальным как «второстепенным» или «второсортным», открывается известный объективно обусловленный простор для демократизации национальной и межнациональной сфер общественной жизни. На вопрос, существует ли дискриминация руководящих этносов по отношению к другим народам и малым этносам, «да» ответили 41%, «нет» – 24% (в основном махачкалинцы), «не знаю» – 11%.

Что это дает нашей республике и ее гражданам? Прежде всего, это усиливает, закрепляет и углубляет, «консервирует» объективные различия между дагестанцами по национальной принадлежности. Почти официально закреплены «начальственные» чиновничьи кресла за определенными основными национальными элитами, так что подавляющее большинство иных народов оказываются фактически искусственно «отсеченными» от соответствующих должностей. Однако, к сожалению, многонациональность Дагестана, его этническая пестрота и динамизм имеют и свою оборотную, негативную сторону. На вопрос, имеет ли для Вас значение национальная принадлежность человека, были получены следующие ответы: «да» – 17%, нет – 77%. А на вопрос, имеет ли для Вас значение национальная принадлежность представителей власти, 20% опрошенных ответили «да», 64,5% – «нет». И здесь, и в предыдущем вопросе отчетливо просматривается уже упомянутый характерный для дагестанцев ценностный приоритет личностно-нравственного начала по сравнению с национальным.

В ответах на вопрос: «Вы за отделение Дагестана от России?» – «нет» ответили 98%, «да» – 2%. На вопрос: «К кому Вы себя больше относите: 1) к россиянину, 2) к дагестанцу, 3) к представителю определенной нации» – 51% ответили «к россиянину,

к дагестанцу»; 43% – «проживающий в РФ; россиянин»; 7% – «такой нации, как “дагестанец”, нет».

Итак, суммируя все сказанное выше, можно, видимо, акцентировать внимание на следующих трех моментах:

1. Множественность народов Дагестана не позволила выделить в нем титульной, коренной, основной нации.

2. Территориальный принцип образования федеративной субъектности Дагестана в рамках России способствует сохранению его межнационального мира.

3. Исторически сложившееся неформальное и стихийное признание массовым сознанием Дагестана ценностного приоритета личностно-нравственного начала в человеке по сравнению с его национальной идентификацией или самоидентификацией способствует тому же самому.

«Власть», М., 2013 г., № 10, с. 146–147.

В. Гадаев,

(АН ЧР, г. Грозный)

ИНСТИТУТ КАВКАЗСКОЙ СЕМЬИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ

Проблема семьи и семейных отношений всегда была актуальной, однако в последнее время интерес к ней обострился у представителей самых различных социально-гуманитарных наук. Этот интерес обусловлен, по мнению многих специалистов, сложными, противоречивыми процессами и явлениями в самой современной семье и семейных отношениях. В этой связи надо отметить, что вызовы современной цивилизации, серьезные угрозы, нависшие над человечеством, глобальные проблемы современности, естественно, не могли не коснуться той или иной этнокультурной системы и ее наиболее чувствительного сегмента – семьи.

Общеизвестно, что семья, как и любое социальное образование в целом, ныне претерпевает историческую эволюцию, динамично изменяется как по своей форме, так и по содержанию в соответствии с новыми политико-экономическими, социокультурными реалиями. В нашей стране, в частности, начали распадаться сохранившиеся еще в некоторых регионах большие неразделенные семьи и еще больше распространяться, а порою и угасать нуклеарные семьи. Увеличивается количество неполных семей и так назы-

ваемых материнских семей, где женщина является единственной кормилицей. В отдельных семьях многие супруги, а порою и их дети подвержены процессу алкоголизации, никотинизации и наркоманизации, что приводит их к депопуляции, т.е. к снижению рождаемости. Если взять Россию в целом, то здесь, по мнению некоторых исследователей, рождаемость сравнялась с Европой, а смертность – с Африкой. Растет число нуклеарных однодетных семей, наметилась тенденция рождения детей вне зарегистрированного брака. Постепенно развивается бессемейная организация жизни, одиночно-холостяцкое существование (так называемая стокгольмская модель).

Исследования показывают, что все больше женщин предпочитают рожать детей вне брака, подтверждая знакомую истину: там, где есть брак без любви, там есть любовь без брака. Некоторые авторы утверждают, что увеличивается количество мужчин, высшей целью которых не является создание семьи и ее содержание, и все меньше становится женщин, ценящих материнство.

Наметившиеся общие кризисные явления в семье и семейных отношениях не могли не затронуть и семью в кавказском обществе, кавказскую семью. Когда мы говорим о «кавказской семье», мы имеем в виду семьи народов, проживающих на территории между Черным, Азовским и Каспийским морями площадью 440 тыс. км², основывая данное понятие на географическом признаке. Исходя из такого критерия, можно выделять такие понятия, как «западная семья», «азиатская семья», «африканская семья» и т.д. А когда мы называем кавказскую семью именем народа, то мы подчеркиваем, в первую очередь, национальную принадлежность супругов и их детей, а также своеобразие культуры, традиций, обычаев, религиозных верований, на основе которых функционирует данная первичная ячейка общества.

Динамично развивающиеся в современном мире глобальные трансформации, в частности миграционные процессы, разбросали кавказские семьи по всей планете и теперь трудно ответить на вопрос, какие семьи ныне можно считать кавказскими:

- 1) кавказские семьи в Европе;
- 2) кавказские семьи на Востоке (Иордания, Сирия, Турция, новые кавказские мигранты в странах Ближнего Востока и т.д.);
- 3) кавказские семьи в разных регионах РФ;
- 4) кавказские семьи в странах СНГ (Казахстан, Киргизия, Украина, Белоруссия и т.д.);
- 5) кавказские семьи на Кавказе.

Факторы культурно-духовного влияния на чеченскую семью в Европе

Чеченская семья:

1. Западная культура.
2. Мусульманская культура мигрантов с Востока.
3. Чеченская национальная культура.

Факторы культурно-духовного влияния на чеченскую семью на Востоке

Чеченская семья:

1. Арабо-мусульманская культура.
2. Культура восточных народов.
3. Чеченская национальная культура.

Факторы культурно-духовного влияния на чеченскую семью в Российской Федерации

Чеченская семья:

1. Русская культура и культура других народов России.
2. Мусульманская культура российских мусульман.
3. Чеченская национальная культура.

Факторы культурно-духовного влияния на чеченскую семью в странах СНГ

Чеченская семья:

1. Светская культура местных народов.
2. Религиозная культура местных конфессий.
3. Чеченская национальная культура.

Факторы культурно-духовного влияния на чеченскую семью в Чеченской Республике

Чеченская семья:

1. Культура русских и других народов.
2. Традиционный ислам чеченцев.
3. Нетрадиционные мусульманские верования.
4. Чеченская национальная культура.

Общеизвестно, что во всех этих семьях, в разной степени, протекают сложные процессы, существенные изменения, противоречивые трансформации, обусловленные новыми социально-экономическими, политико-правовыми, духовно-культурными, религиозно-конфессиональными и другими факторами. Назовем некоторые из этих изменений на примере чеченской семьи.

1. Все еще распадаются остатки больших неразделенных семей, особенно за пределами традиционного проживания данного этноса (Европа, Ближний Восток, Российская Федерация и т.д.).

2. В значительной мере изменились факторы культурно-духовного воздействия на чеченскую семью. Специфика этих факторов обусловлена, главным образом, местом их проживания, социокультурной средой и т.д.

Кавказской семье характерны общечеловеческие ценности, которые, естественно, присущи в разной степени и семьям некавказских народов: трудолюбие, уважение к старшим, почитание родителей и родственников, гостеприимство, взаимопомощь, патриотизм, толерантность и т.д. В кавказской семье в силу разных причин (социально-экономических, природно-географических, духовно-нравственных и т.д.) эти ценности проявляются более стабильно и ярко. Вместе с тем в современном глобализирующем мире кавказская семья постепенно теряет эти специфические особенности функционирования общечеловеческих ценностей. Более интенсивно эти потери протекают в кавказской семье вне Кавказа, в диаспорах Европы, Востока, РФ и т.д.

В кавказских семьях, Европы например, национальные традиции угасают под активным воздействием местной культуры. В этих семьях носителями и распространителями ценностей национальной культуры в лучшем случае выступает женщина – мать. Отец в большей мере находится вне семьи в поисках средств к существованию. Дети длительное время находятся в детских дошкольных и образовательных учреждениях и в меньшей мере испытывают через родителей влияние национальной культуры. За пределами своей семьи (детсад, школа, вуз, улица, общественно-культурные мероприятия) они находятся вне влияния национального языка. Дома у себя им удобнее говорить не на плохо понятном национальном языке, а на общепринятом языке данного государства. Родители, особенно мать, постепенно сдают свои национально-культурные позиции в семье и попадают под культурно-языковое влияние своих детей. Как правило, старший ребенок осуществляет языковый диктат в семье: его языком говорят

младшие братья и сестры и родной язык родителей не может конкурировать с неродным языком их детей. Такая же ситуация с кавказскими семьями и на Востоке, РФ, СНГ и т.д.

Однако и на Кавказе, в кавказской семье, происходят существенные изменения в традиционном семейно-бытовом, духовно-нравственном комплексе, в определенной мере деформируются ведущие опоры этого комплекса, постоянно подмываются его фундаментальные устои. Все это происходит, как известно, под неумолимым воздействием новых материально-экономических, морально-политических, социокультурных и других факторов. Капитализм в кавказской папaxe ныне триумфально шествует по седому Кавказу, сметая на своем пути неприступные в прошлом самобытные крепости традиционной национальной культуры, беспощадно пожирая ее уникальные духовно-нравственные святыни.

Новая историческая эпоха обусловила целый ряд существенных изменений во всех сферах жизни кавказских горцев, в том числе и в семейной сфере. Назовем некоторые из них.

1. Наблюдается эрозия традиционных смыслов горской семьи. Горской семье всегда был присущ приоритет духовного над материальным, устремленность к высшим ценностям, чуткое отношение к общественному мнению, верное служение не мамоне, а Отечеству, стремление воспитать не слабовольных и робких подданных, а достойных членов общества, гордых, бесстрашных, высоконравственных, умных и мудрых. Этот монолитный в прошлом духовно-ценностный код горцев, как нам представляется, ныне подвергается серьезному испытанию на прочность и уже дает трещины. Новая историческая эпоха вырабатывает у горцев свой «социальный характер»: капитализм требует дисциплины, порядка, пунктуальности. Поэтому современная кавказская семья должна формировать у своих детей эти качества. Патриархальная семья горцев, как известно, вырабатывала такие качества, как открытость, непосредственность, спонтанность, человеколюбие, милосердие, сострадание и т.д. Современная горская семья более настойчиво, как в старину, такие качества не формирует. Новая социальная действительность, водворившаяся «дьявольская эпоха» «штампует» соответствующую своей природе продукцию (новую личность), в массовом порядке и призывы богословов не забывать общечеловеческие нравственные ценности во многом остаются как благие пожелания некоторым современным нравственно глухонемым людям.

2. Во все времена горская семья стремилась формировать у нового поколения такие ценности, как равенство, братство, возвышение нравственных достоинств и т.д., что стимулировало развитие общечеловеческих добродетелей – скромности, милосердия, уважения к личности и т.д. Внезапно навалившееся сказочное богатство помutilo разум некоторой части кавказцев, это богатство подвергло эрозии их нравственное сознание и поведение, многие из них не выдержали испытания богатством. Ныне во многих зажиточных семьях формируется сословное мировоззрение и психология (психология князей, ханов, беков богатой элиты и т.д.), что неизбежно порождает у молодых членов этих семей высокомерие, чванливость, чувство сословно-имущественного превосходства и неприязненное отношение к «социальным низам». Но и «социальные низы» в свою очередь не испытывают особого уважения к «социальным верхам», что в будущем может постоянно провоцировать конфликтную социальную действительность.

3. Громадной проблемой для поступательного развития кавказской семьи является отсутствие ариадниной нити, величественно-оптимистической цели, стратегического курса, сплачивающей российские народы, народы Кавказа национальной идеи. Кавказские семьи толком не знают, какое общество будут созидать их дети, к какой конечной цели они должны стремиться и ориентировать своих детей. А это приводит к идейно-духовному опустошению родителей и детей и снижению их творческо-созидательной мощи.

4. В прошлом, как известно, преобладающей формой кавказской семьи была большая неразделенная семья, где совместно или по соседству проживало несколько поколений (родители, дети, внуки, близкие родственники). Первыми учителями и воспитателями детей были не только родители, но часто бабушки, дедушки, старшие родственники, а нередко и старшие братья и сестры. Они передавали народившемуся поколению традиционную культуру, самобытные духовно-нравственные взгляды и представления, уникальные семейно-фамильные правила, привычки, нравы. Поэтому каждый молодой горец был носителем не только общечеловеческих добродетелей, но и уникальных этнокультурных, семейно-фамильных ценностей. В наше время большие семьи продолжают распадаться и еще больше развивается тенденция к формированию нуклиарных семей, увеличивается количество неполных семей (без одного родителя), семей, воспитывающих сирот, материнских семей (кормилицей является

мать), а этот процесс ведет к резкому изменению всего строя горской жизни, системы кавказских ценностей, ослаблению кровно-родственных чувств, разрушению института «дедушка-бабушка». Разрушение традиционно организованной неразделенной семьи негативно повлияло на веками успешно функционировавший механизм трансляции новым поколением самобытной национальной культуры. А между тем новое поколение, которое не выросло на благотворной национально-духовной почве, в полной мере не может быть морально устойчивым, духовно крепким, гармонично развитым. Раньше в больших неразделенных семьях духовный мир детей формировали индивидуально, «поштучно», была, образно говоря, «ручная сборка» духовного мира молодежи. В нашу техногенно-информационную эпоху духовный мир молодого поколения «штампуют» через общественные институты, СМИ, Интернет, телевидение, мобильную связь и т.д. В этой связи можно сказать, что в современном мире вообще характер производства духовной продукции изменился в корне. В прошлые века духовным производством занимались талантливые люди, которые вкладывали всю свою душу в свои произведения, создавали художественные шедевры – повести, романы, пьесы, стихи, величественные полотна, музыкальные произведения и т.д. Это «штучное» производство, «ручная сборка» породили целую плеяду великих мастеров, гениальных писателей, художников, композиторов, музыкальных исполнителей и т.д. В наш век активно протекает тлетворный процесс «штамповки» духовной продукции. За год современный писатель может написать два, порою и три романа (столько, сколько великий Л.Н. Толстой смог написать за всю свою долгую жизнь), «наштамповать» сборники стихов. Все это постепенно ведет к размытию самобытной аутентичной культуры и распространению бездуховной универсально-массовой культуры.

5. Говоря о кавказской семье, следует упомянуть и полигамный брак, который все больше внедряется в жизнь горских мусульманских народов, особенно в постсоветский период. Конечно, и в прошлом полигамные браки имели место у северокавказских народов, но они не имели здесь широкого распространения как на мусульманском Востоке. Полигамия, как известно, это форма брака, при котором брачный партнер одного пола имеет более одного брачного партнера противоположного пола. Необходимо сказать, что полигамия существует в двух формах: в форме полигинии, когда мужчина одновременно состоит в браке с несколькими женщинами (в исламе – с четырьмя); в форме полиандрии, когда жен-

щина одновременно состоит в браке с несколькими мужчинами (Индия, Тибет, Непал, Гавайские острова). Полиандрическая семья бывает братской (в брак с одной женщиной вступают несколько братьев) и неродственной (неродственные мужчины вступают в брак с одной женщиной). Появление в историческом прошлом полигамии исследователи объясняют земными причинами: периодически повторяющейся гендерной диспропорцией, когда в силу действия разных социальных или биологических факторов в том или ином обществе становилось больше то мужчин, то женщин.

В современном мире полигамия (и полигиния, и полиандрия) существует фактически почти повсеместно, но существует, как известно, в двух основных формах: формально-юридической (легальной) форме и неформальной, неофициальной, нередко скрытой форме. Фактическое функционирование в наше время и полигинии, и полиандрии также объясняется вполне земными причинами: гендерная диспропорция (например, в РФ мужчин на 11 млн. меньше, чем женщин, а в Китае на 100 девочек рождаются 130 мальчиков) [1], сексуальная неудовлетворенность, социальная неустроенность или наоборот социально-имущественное пренасыщение (показатель состоятельности) и т.д. Существует также биологизаторская трактовка генезиса полигамии, согласно которой природа создала человека существом полигамным, а институт моногамного брака он создал сам и тем самым попытался нарушить фундаментальные законы природы. Но эта попытка человеку не совсем удалась и поэтому и полигамия, и моногамия обречены на сосуществование, порою переходя друг в друга.

Каковы прогнозы эволюции семьи как социального института? Если обобщить мнения наиболее авторитетных исследователей, то вырисовывается следующая картина. В древнюю эпоху, в эпоху так называемой аграрной цивилизации, господствующей формой была патриархальная семья (состоящая, как правило, из трех поколений), в которой из трех основных функций (экономическая, воспитательная, сексуальная) приоритетной являлась, прежде всего, экономическая функция, т.е. большая неразделенная семья выступала важной производственной ячейкой. Она была, как пишет Э. Тоффлер, и производственной группой, и школой, и полемым госпиталем, и детским садом [2, с. 357]. В такой семье власть старших (старшего) фактически была неограниченной, утвердившимся было представление о безграничных правах родителей по отношению к детям и столь же безграничном долге детей

по отношению к родителям. Чувства супругов (любовь, нежность, ласка и т.д.) не имели первостепенного значения. Пережитки патриархальной семьи порою обнаруживаются и поныне, в том числе и в кавказских семьях.

Новая эпоха в истории Европы, индустриальная цивилизация (начало XVII в.), которая характеризуется зарождением капиталистических отношений, появлением заводов, фабрик, машинного производства с концентрацией огромного количества работников в одном трудовом коллективе, подорвала основы патриархальной семьи и способствовала зарождению новой нуклеарной формы семьи (муж, жена и их дети), которая господствует и поныне. В индустриальную эпоху, которая обусловила появление нуклеарной семьи, семья перестала выполнять экономическую функцию, т.е. приток ресурсов (денег) в семью стал зависеть не от работы в патриархальной семье всех ее членов, в том числе и повзрослевших детей, а от работы ее взрослых членов в сторонних организациях (на заводе, фабрике, административных, образовательных и иных учреждениях). Новые производственно-экономические отношения свели на нет необходимость жить большими «традиционными» семьями. В новых нуклеарных семьях браки стали заключаться не только из прагматических соображений (физически сильный, здоровый и телом, и духом), но прежде на основе психологического фактора: дружеское общение, интимные отношения, теплота и поддержка и т.д. Важным критерием при создании семьи стала, прежде всего, любовь. В этих семьях от патриархальной семьи сохранились главным образом воспитательные и сексуальные функции.

Как известно, мы являемся свидетелями прихода на историческую арену новой эпохи, эпохи постиндустриального общества, новой информационной цивилизации, которая внесла свои существенные коррективы в институт семьи и семейные отношения. Важным моментом здесь является то, что резко возросла экономическая независимость женщины и уменьшение ее зависимости от мужчины, что неизбежно привело к ее социальному раскрепощению, в том числе и сексуальному. В наше время институт брака (по крайней мере, в западной цивилизации) постепенно теряет вторую важную свою функцию – монопольную функцию регулирования интимных отношений. Как отмечает демограф А. Вишневский, сначала был легитимизирован добрачный секс, в настоящее время идет легитимизация внебрачного секса через институт свин-

герства (когда супруги вступают в контролируемые интимные отношения с другими партнерами с согласия друг друга) [1].

Как видно, индустриальная семья раскрепостила чувства (сделала их «личным делом», не подлежащим «родственному» и общественному контролю), а постиндустриальная семья делает то же самое и с чисто интимной сферой (секс является личным делом свободных граждан, не подлежащим ни родственному, ни общественному контролю). Экономическая независимость женщины привела к потере и мужчиной, и женщиной прежних жестко очерченных ролей, разрушив классическую концепцию брака, стимулировала развитие неполных семей, «динамичных семей» (когда супруги не желают проживать совместно до «гробовой доски»). Как известно, ныне пытаются легитимизировать и гомосексуальные браки (порою это и удастся сделать). Полной потере жестко очерченных ролей в браке и отходу от разделения ролей по половому признаку (мужчина-отец, а женщина-мать) мешает то обстоятельство, что рожать может только женщина. Однако ускоряющийся прогресс в биотехнологии в обозримом будущем позволит решить и эту проблему через «зародыша в пробирке» и развития инкубаторной системы. Любая семья, даже независимо от пола ее членов, сможет получить ребенка через инкубатор (в том числе с использованием суррогатной яйцеклетки) [1].

Прогресс биотехнологии в этом направлении может непосредственно повлиять на эволюцию форм семьи и семейных отношений. Уже сейчас семья постепенно теряет те функции, которые не связаны с воспитанием детей. Как было отмечено выше, вначале семей была потеряна функция «экономической ячейки», а в наше время постепенно теряется функция сексуальная (имеется в виду потеря монополии на «законный» секс, т.е. интимные отношения в рамках юридически оформленного, официального брака).

После потери семьей своей второй традиционной функции (монополия на «законный секс») у нее остается последняя традиционная функция – воспитание детей. Можно выдвинуть гипотезу: семья будущего будет состоять из людей, объединенных на основе общих воззрений, интересов, взаимного влечения, стремящихся совместно воспитывать детей. Возможно, в будущем будет преодолено представление о том, что только один тип семьи является нормальным и моральным, а другие – моральной патологией. Можно предположить, что новое общественное мнение не будет принуждать каждого создавать единственно существующий тип семьи. В недрах современной цивилизации уже утверждаются раз-

нообразные типы семей. В технологически развитых странах наряду с традиционными семьями сегодня можно увидеть потрясающее многообразие типов семей: гомосексуальные браки, коммуны, группы людей старшего возраста, живущих совместно, чтобы объединить затраты (иногда их связывают интимные отношения), племенные группы среди некоторых этнических меньшинств и другие типы, чего никогда не было прежде. Встречаются договорные браки, серийные браки, семейные группы и множество близких связей, в которых могут быть (и не быть) интимные отношения [2, с. 351].

Все вышесказанное о семье в большей мере относится к европейской культуре, которая основывается на либеральных ценностях, привнесенных индустриальной цивилизацией. Что касается восточной семьи (в том числе и кавказской), в особенности мусульманской семьи, то здесь ситуация существенно иная. Если европейская семья исходит из либеральных ценностей (равенство, свобода), то восточная семья (в частности исламская), которая несет на себе «родимые пятна» аграрно-патриархальной цивилизации, смотрит на эти ценности сквозь пальцы.

Для мусульманской религии принцип прочности семьи является приоритетным, чем гендерное равенство (т.е. равенство супругов) или гордость либеральной культуры, так называемая «свободная любовь». Вот почему многие мусульманские парни современного Запада берут в жены не европейских девушек с их либеральными ценностями, а приглашают мусульманок с исторической родины, которые мало знакомы с гендерным равенством и «свободной любовью», но четко выполняют поощряемую исламом основную свою функцию: побольше рожать детей и как можно лучше их воспитывать.

Как известно, мир всегда стремился к многообразию. Современный мир, и природный, и социальный, также стремится к многообразию. Это стремление привело к кризису господствующей «законной» модели семьи, учащению разводов, увеличению гражданских браков и т.д. Очевидным является факт, что старая нуклеарная система семьи и семейных отношений ныне претерпевает кризис. Вот что пишет по этому поводу Э. Тоффлер: «Если мы определим нуклеарную семью как работающего мужа, ведущего хозяйство, жену и двух детей и зададим вопрос, много ли американцев в настоящее время еще живет в семье такого типа, ответ может показаться удивительным: 7% всего населения Соединенных Штатов. 93% населения больше не подходит под эту идеаль-

ную модель Второй волны» [2, с. 346]. В этой ситуации все явственное на горизонте высвечивается новая парадигма семьи. Она корректирует, диалектически отрицает существующую, отживающую форму семьи и предлагает многообразие ее форм при сохранении главного содержания: взаимная любовь, общие взгляды, интересы и забота о воспитании подрастающего поколения.

Что будет с кавказской семьей, которая вооружившись патриархально-родовыми обычаями аграрной цивилизации и традициями нуклеарной семьи индустриальной цивилизации более других отрешилась от надвигающегося семейного многообразия постиндустриальной цивилизации? Если взять проблему шире, то здесь сталкиваются традиции Востока и новации Запада.

Жизнь показывает, что Запад не может противостоять яростному натиску мощной силы постиндустриальной цивилизации и постепенно корректирует свои институты (в том числе и семью) на ее условиях, в соответствии с ее требованиями и установками. Сможет ли Восток с его глубоко укоренившимися в народную жизнь и в сложную психоэмоциональную сферу вековыми религиозными, этносоциальными, духовно-нравственными ценностями, традициями, обычаями противостоять гигантской мощи новой цивилизации, отбить и блокировать ее усиливающиеся атаки на духовную культуру, на социальные институты, в том числе и на традиционную восточную (и кавказскую) семью?

Следует подчеркнуть, что постиндустриальную цивилизацию вовсе не следует представлять как некое чудовище, пожирающее святое прошлое и жизненно важное настоящее. Надвигающаяся новая эпоха лишь утверждает подлинно гуманные, свободные, демократические отношения, прогрессивные формы взаимоотношений людей, намечает эффективные пути решения серьезных проблем в жизни современного человечества, в том числе и в сфере семейных отношений. В этой важной сфере скорее всего утвердятся семейное многообразие, представляющее собой синтез традиций и новаций, и при необходимых условиях отрицание и патриархальной семьи, и нуклеарной семьи будет диалектическим, перенося из прошлого в новую эпоху позитивные, жизненнеспособные ценности, нормы и правила. Уже сейчас сама объективная социальная действительность требует в организации современной семейной жизни использования опыта древней патриархальной семьи, где приоритетной функцией была бы экономическая.

Как известно, в далекую эпоху аграрной цивилизации более 10 тыс. лет люди работали в собственных домах и на близлежащих землях. Хозяйственно-экономические, управленческие, воспитательные, культурно-духовные процессы были связаны с домашним очагом и примыкающим к нему земельным наделом. Однако эти прочные вековые связи были беспощадно разорваны в Европе в начале XVII в., когда возникла новая капиталистическая система производства, при которой люди вынуждены были покинуть свои насиженные места, патриархальные семейные очаги и земельные участки и уехать в отдаленные города и концентрироваться большими массами на заводах, фабриках, шахтах и т.д. Индустриальная цивилизация переместила производство из патриархальной семьи в отдаленные от нее места (фабрика, цех, мастерская, рудники, шахты и т.д.) и обусловила рождение новой формы семьи – нуклеарной. Постиндустриальная цивилизация может вернуть производителя вновь в свой семейный очаг.

Характеризуя современное высокотехнологическое производство, Э. Тоффлер отмечает, что «в производственном секторе возрастает объем работы, которая при правильной схеме телекоммуникаций и прочем оборудовании может быть выполнена где угодно, в том числе в собственной гостиной» [2, с. 322]. Управляющий завода Джеральд Митчелл, анализируя характер работы на данном предприятии, утверждает: «Все говорит за то, что от 600 до 700 из 2 тыс. могут сейчас при существующей технологии работать дома. А лет за пять мы сумеем уйти далеко вперед в этом отношении» [2, с. 323]. Такая тенденция обнаруживается в сфере высокотехнологического производства и на Западе, и на Востоке. Современная электронная индустрия позволяет многие работы выполнять на дому при наличии у работника домашнего компьютера и другого необходимого оборудования. Причем на дому совместно могут работать, как и в прошлой патриархальной семье, несколько поколений – здоровые пенсионеры со своим потомством, их работающие взрослые внуки, которые выполняют на компьютере близкие по своему характеру и содержанию задания.

В условиях Кавказа, где еще сильны традиции патриархальной семьи, утверждающийся способ производства может вдохнуть новую жизнь в угасающие социальные институты отживших цивилизаций. Все это означает, что постиндустриальная цивилизация не приводит механически к гибели патриархальной и нуклеарной семьи, а возрождает их на новой качественной основе.

Литература

1. Truemoral.ru/family.php.
2. Тоффлер Элвин. Третья волна. – М., 2004.

*«Вестник Академии наук Чеченской Республики»,
Грозный, 2013 г., № 1 (18), с. 165–171.*

О. Червинский,

гл. редактор журнала «Petroleum»

(Казахстан)

КАЗАХСТАН МЕЖДУ МОСКВОЙ И ПЕКИНОМ

После распада Советского Союза Казахстан оказался в крайне тяжелой ситуации. Страна, обладающая богатейшими запасами полезных ископаемых и особенно углеводородов, осталась без прямых путей выхода на мировые рынки. Зажатый в центре Евразийского континента между Россией и Китаем, Казахстан не мог экспортировать даже те небольшие объемы нефти и газа, что добывал в условиях разлухи начала 1990-х.

Китайское направление отпадало сразу, так как трубопроводы, ведущие в южном направлении, попросту отсутствовали. Единственными экспортными артериями были нефте- и газопроводы, которые вели в Россию, чем она, разумеется, и воспользовалась для достижения своих геополитических и экономических целей. Ярким примером «трубного давления» на соседа является история с разработкой уникального Карачаганакского месторождения. Оно было открыто в 1979 г. и является одним из крупнейших нефтегазоконденсатных месторождений в мире. Расположенный на северо-западе Казахстана, вблизи границы с Россией, Карачаганак занимает территорию более 280 км². Его расчетные начальные балансовые запасы углеводородов составляют 9 млрд. баррелей конденсата и 48 трлн. куб. футов газа. Промышленная разработка месторождения была начата в 1984 г. Министерством газовой промышленности СССР. Технологическая схема разработки месторождения предусматривала, что добываемое на месторождении сырье будет в полном объеме поставляться на переработку на Оренбургский газоперерабатывающий завод производственного объединения «Оренбурггазпром».

После распада Советского Союза РАО «Газпром» предложило правительству Казахстана совместную разработку месторождения, однако казахстанские власти отказались, заявив о намерении привлечь в качестве партнеров иностранные компании. В результате международного тендера, в котором участвовали альянсы *Eni / BG Group* и *BP / Statoil*, предпочтение было отдано первому. В 1992 г. правительство начало переговоры с компаниями *Eni* и *BG Group* об условиях Соглашения о разделе продукции по Карачаганаку. Спустя три года соответствующее соглашение было подписано. Однако альянс иностранных фирм столкнулся с проблемой сбыта добываемой продукции. По распоряжению Министерства нефти и газа Республики Казахстан все права на добытый конденсат были переданы неизвестной прежде на рынке компании «Ваеко Юроп». Отгрузив в течение двух лет добытого сырья на сумму около 74 млн. долл., ни акционеры, ни правительство не получили в итоге ни цента (<http://neweurasia.info/archive/kazakhgate/06.html>). Оппозиция позже обвиняла казахстанское правительство в том, что навязанное инвесторам сотрудничество с малоизвестным трейдером с самого начала не предполагало возвращать экспортную выручку в страну, а самого трейдера якобы контролировали влиятельные казахстанские кланы, имевшие высокое политическое прикрытие. Однако, кроме нескольких публикаций в местной прессе, никакой официальной реакции по этому поводу не последовало. Официальное расследование этой сделки не проводилось.

После расторжения сделки с «Ваеко Юроп» перед Казахстаном со всей остротой встала дилемма: либо останавливать добычу на месторождении, либо опять поворачиваться лицом к России. В конце концов в 1997 г. консорциум «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.» (КПО) решил проблему с маркетингом своей продукции, включив в число партнеров российский «ЛУКойл». Правда, и здесь Россия, как монопольный владелец трубопроводов с месторождения, сохранила возможность диктовать КПО свои условия по цене и объемам поставок. В несколько трансформированном виде такое положение дел сохраняется по сегодняшний день. КПО имеет возможность поставлять нефть на экспорт через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), но практически все объемы газа у него закупает совместное казахстанско-российское предприятие «КазРосГаз», контролируемое государственными компаниями двух стран¹.

До 2001 г., когда был запущен в строй нефтепровод Тенгиз–Новороссийск, построенный консорциумом КТК, основной экспортной артерией для казахстанской нефти был нефтепровод Атырау–Самара; квоты на прокачку по нему распределялись в российском Минтопэнерго. Ежегодное согласование квоты для Казахстана представляло собой политический торг. Предметом сложного процесса уступок и договоренностей в разное время становились и вопросы аренды Россией космодрома Байконур, и сохранение на территории Казахстана российских военных полигонов, и участие российских компаний в нефтегазовых проектах в Казахстане, и демаркация границ, и раздел акватории Каспийского моря. Поле для маневра было достаточно большим, и Кремль вел на этом поле активную игру.

Для того чтобы избавиться от этой зависимости, Казахстан еще в 1992 г. инициировал создание международного консорциума по строительству нефтепровода от крупнейшего месторождения Тенгиз в западной части страны до российского порта Новороссийск. 17 июля 1992 г. было подписано Соглашение между Республикой Казахстан и Султанатом Оман о создании Каспийского трубопроводного консорциума. Через месяц к участникам присоединилась Российская Федерация. Однако выступавший от имени Омана бизнесмен Джон Дойс² не смог обеспечить капитализацию проекта, и в 1996 г. в него вошли восемь частных акционеров, представляющих интересы крупнейших мировых добывающих компаний семи государств, работающих в Казахстане и России.

Сегодня по нефтепроводу КТК прокачивается 33–35 млн т нефти в год, из них порядка 30 млн т – квота казахстанских грузотправителей. В их числе крупнейшие добывающие компании: СП «Тенгизшевройл», нацкомпания «КазМунайГаз», «CNPC-Актобемунайгаз», «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.», СП «Арман». В настоящее время акционеры КТК реализуют проект расширения магистрального нефтепровода, в результате чего его механическая пропускная способность должна вырасти до 67 млн т нефти в год, из которых 52,5 млн т составит казахстанская квота. Реализация проекта должна быть завершена до конца 2013 г.

Кроме того, за годы независимости Казахстан реализовал еще несколько крупных трубопроводных проектов, в том числе стратегически важный нефтепровод Казахстан–Китай. В 2012 г. в стране было добыто 79,2 млн т нефти и газового конденсата. Из них на экспорт было отправлено 68,6 млн т, в том числе по

направлениям: Тенгиз–Новороссийск (КТК) – 27,9 млн т, Атырау–Самара – 15,4, Оренбургский ГПЗ (конденсат) – 0,8, Атасу–Алашанькоу (Китай) – 10,4, перевалка через морской порт Актау – 7,1, экспортировано по железной дороге – 6,97 млн т³. Сегодня можно констатировать, что Казахстан избавился от необходимости просить у Москвы экспортные возможности для своей нефти. Кроме уже упоминавшегося увеличения казахстанской квоты почти в два раза после завершения Проекта расширения КТК, будет реализован еще один важный проект: вторая очередь второго этапа строительства нефтепровода Казахстан–Китай с увеличением производительности до 20 млн т нефти в год.

Также запланированы работы по расширению пропускной способности участков нефтепроводов Каламкас–Каражанбас–Актау и Узень–Жетыбай–Актау, что позволит увеличить объемы перевалки нефти через морской порт Актау. Эти три направления вкупе с нефтепроводом Атырау–Самара полностью закрывают потребности Казахстана в экспортных мощностях на ближайшие годы. Более того, генеральный директор национальной нефтетранспортной компании «КазТрансОйл» Кайргельды Кабылдин недавно заявил, что в 2013 г. Казахстан сократит объемы прокачки по нефтепроводу Атырау–Самара⁴.

В конце 2013 г., когда должна начаться коммерческая добыча нефти на месторождении Кашаган на шельфе Каспийского моря, Казахстан намерен приступить к реализации ранее разработанного проекта под названием «Казахстанская Каспийская система транспортировки нефти» (ККСТ). В рамках проекта на казахстанском побережье Каспийского моря предусматривается создание новой нефтетранспортной инфраструктуры, строительство нефтепровода Ескене–Курык и новых мощностей по перевалке нефти, а также расширение морского порта Курык, откуда затем нефть в танкерах будет по Каспийскому морю доставляться в систему Баку–Тбилиси–Джейхан. Планируется, что ККСТ обеспечит на начальном этапе транспортировку 25 млн т нефти в год с последующим увеличением до 38 млн т.

В области двустороннего сотрудничества с Россией в газовой сфере Казахстану традиционно отводилась роль транзитера: по его территории проходят два магистральных газопровода: Средняя Азия–Центр (САЦ) и Бухара–Урал, по которым туркменский и узбекский газ, закупаемый «Газпромом», идет на экспорт в Европу. В 2005–2007 гг. система транзита центральноазиатского газа в Российскую Федерацию через территорию Казахстана была прак-

тически восстановлена, и объемы поставок газа приблизились к советскому уровню. Так, в 2008 г. суммарный объем транзита газа из Туркменистана и Узбекистана через территорию Казахстана достиг 52 млрд м³, что лишь немногим меньше уровня 1990 г., когда было прокачано 65 млрд м³. В свою очередь, объемы транзита газа, который Россия покупает у Туркменистана и Узбекистана и через территорию Казахстана переправляет в Россию и далее – на экспорт по системе «Газпрома», в 2008 г. достигли порядка 46 млрд м³ (в 1990 г. 42 млрд)⁵. На пике роста экспортных объемов в 2007–2008 гг. «Газпром» был заинтересован в более тесной кооперации с Казахстаном, который зарекомендовал себя как ответственный и надежный партнер. С этой целью 12 мая 2007 г. президентами Российской Федерации, Казахстана и Туркменистана была подписана совместная декларация о строительстве Прикаспийского газопровода. В декабре того же года было подписано трехстороннее межправительственное соглашение о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода. Проект предусматривал реконструкцию в 2009–2010 гг. старого трубопровода Средняя Азия–Центр-3 от туркменского Бекдаша до казахстанского Бейнеу с расширением мощности до 10 млрд м³ газа в год. На втором этапе, в 2010–2017 гг., предполагалось построить новый газопровод до Александрова Гая на российско-казахстанской границе с пропускной способностью 20 млрд м³ в год. В результате должна была быть создана Прикаспийская газопроводная система (ПКГС) с пропускной способностью 30 млрд м³ газа в год, 20 млрд из которых должен был поставлять Туркменистан и 10 млрд – Казахстан⁶.

Однако падение объемов потребления газа в Европе, начавшееся в последние годы, поставило под вопрос потребность «Газпрома» в таких объемах центральноазиатского газа. Во время визита президента РФ Дмитрия Медведева в Туркменистан в октябре 2010 г. было озвучено решение о замораживании проекта Прикаспийского газопровода. В этой ситуации Казахстану, который из года в год наращивал производство газа, ничего не оставалось, как обратить свой взор на бездонный рынок Китая. В декабре 2010 г. было начато строительство магистрального газопровода Бейнеу–Бозой–Шымкент, который соединит районы газодобычи в западном и центральном Казахстане с энергодефицитными южными областями страны (с советских времен эти территории снабжались узбекским газом в рамках единой газотранспортной системы СССР). Но что еще важнее, газ по этой трубе можно будет пода-

вать в магистральный газопровод Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай, запущенный в декабре 2009 г. мощностью 40 млрд м³ газа в год. Первая очередь газопровода Бейнеу–Бозой–Шымкент должна быть введена в эксплуатацию уже до конца 2013 г. и сразу начнется строительство второй.

Таким образом, единственным крупным двусторонним российско-казахстанским газовым проектом остается сотрудничество на Карачаганаке через СП «КазРосГаз». В июне 2011 г. на внеочередном собрании акционеров ОАО «Газпром» членом совета директоров – независимым директором – был избран зять президента Нурсултана Назарбаева, председатель «Казахстанской ассоциации организаций нефтегазового и энергетического комплекса KAZENERGY» Тимур Кулибаев⁷. Возможно, Кремль связывал с этим решением определенные надежды на активизацию сотрудничества в газовой сфере, однако прорыва не случилось. На сегодняшний день «Газпром» может рассчитывать на совместную разработку с казахстанским партнером лишь двух месторождений: Имашевское, расположенное на территории двух стран между Астраханью и Атырау с разведанными запасами газа порядка 100 млрд м³, и Центральное в Каспийском море, запасы на котором оцениваются в 20,2 млн т условного топлива категории C1 и 149 млн т условного топлива категории C2⁸.

Таким образом, сегодня и в обозримой перспективе Казахстан в состоянии самостоятельно, без помощи России, заниматься маркетингом практически всех объемов добываемого газа, за исключением Карачаганака. Месторождения Амангельдинское, Жанажольское и Урихтау будут задействованы в схеме газообеспечения внутреннего рынка. Кроме того, газ с группы актюбинских месторождений, а также западных, будет экспортироваться в Китай. Попутный газ на месторождении Тенгиз закачивается в нефтеносный пласт, что позволяет поддерживать оптимальное давление внутри пласта и за счет этого наращивать объемы добычи нефти, а часть его после очистки направляется также на внутренний рынок. (Закачка газа, помимо поддержания внутрипластового давления, позволяет, кроме того, сохранить его в естественном природном газохранилище и в случае необходимости начать добычу позже, если на него возникнет спрос.) В текущем году также должна начаться добыча газа на шельфовом месторождении Кашаган; газ с него также будет направляться на внутренний рынок и закачиваться в пласт. Кроме того, с правительством согласованы

объемы закупки газа в качестве сырья для строящегося Атырауского газохимического комплекса.

Когда на месте Советского Союза образовалось полтора десятка независимых государств, наибольший интерес у мировых игроков вызвали те из них, кто обладал значительными природными ресурсами, и в частности углеводородами. Казахстан сознательно подогревал интерес к своему нефтегазовому сектору, начав в середине 1990-х ускоренную приватизацию своих активов. Чтобы обеспечить стране геополитическую безопасность, он сделал ставку на многовекторность: среди претендентов на казахстанские ресурсы должны были быть представители разных государств. В результате первыми частными собственниками нефтедобывающих компаний в Казахстане стали концерны из США, Европы и Китая.

Российское присутствие в нефтегазовой отрасли обеспечил «ЛУКойл», который сумел выстроить хорошие отношения с молодой казахстанской политической элитой и с помощью министра нефти и газа Нурлана Балгимбаева заручился благосклонностью президента Нурсултана Назарбаева. «ЛУКойл» и по сей день остается самым крупным российским инвестором в нефтегазовой сфере Казахстана; он участвует в семи добывающих проектах на суше, четырех разведочных, а также в Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК). С 1995 г. инвестиции компании в экономику республики составили более 4,7 млрд долл. США⁹.

В двух проектах в Казахстане участвует «Роснефть» и в двух – ОАО «Газпром». В целом, по оценке независимых аналитиков, российские компании добывают в Казахстане около 8% от общего объема добытой нефти и порядка 15% от общего объема добытого газа¹⁰. В то же время доля американских компаний составляет порядка 29% в сегодняшней добыче нефти в Казахстане¹¹, а доля китайских компаний в нефтегазовом секторе страны составляет 24%¹². Рассчитывать на увеличение российского присутствия в нефтегазовой отрасли вряд ли приходится, принимая во внимание то, какими темпами это делает Китай. Китайские компании подают заявки практически на все нефтегазовые активы, выставаемые на продажу прежними собственниками. По имеющейся информации, в настоящее время Китай проводит сепаратные переговоры с участниками Северо-Каспийского консорциума¹³, ведущего разработку Кашаганского месторождения с тем, чтобы убедить их продать свою долю в консорциуме. Такую вероятность не отрицают и казахстанские официальные лица. В частности, о возможности

вхождения Китая в Кашаганский проект заявил в середине апреля 2013 г. министр нефти и газа Казахстана Сауат Мынбаев¹⁴. Компетентные источники предполагают, что к концу 2013 г. доля Китая в нефтегазовой отрасли страны достигнет 40%¹⁵. Таким образом, несмотря на создание тремя государствами Единого экономического пространства и Таможенного союза, пространство для российских инвесторов в Казахстане неуклонно снижается.

Примечания

- ¹ <http://www.kazrosgas.org/?f2&versior=ru>
- ² Червинский О. Кадыр Байкенов: «Я не сжигал за собой мосты» (http://www.np.kz/engine/print.php?newsid=3962&news_page=1).
- ³ http://www.petroleumjournal.kz//index.php?p=article&aid1=32&aid2=144&id=328&outlang=l&new_is=1
- ⁴ <http://newskaz.ru/economy/20130311/4862567.html>
- ⁵ Российское присутствие в нефтегазовой отрасли Казахстана: Современное состояние и основные проблемы. – <http://www.fondsk.ru/news/2010/03/29/10078-10078.html>
- ⁶ <http://www.petroleumjournal.kz/index.php?p=article&aid1=16&aid2=52&id=136&outlang=l>
- ⁷ <http://www.gazprom.ru/about/management/directors/kulibaev/>
- ⁸ <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/kazakhstan/>
- ⁹ <http://www.lukoil-overseas.ru/projects/kazakhstan/>
- ¹⁰ Парамонов В., Столповский О., Строков А. Российские проекты в нефтегазовой отрасли Казахстана и Туркменистана. 2010. 4 окт. (<http://neftegaz.ru/analysis/view/7647>).
- ¹¹ <http://www.newskaz.ru/economy/20120518/3172717.html>
- ¹² <http://bnews.kz/ru/news/post/48740/>
- ¹³ <http://silkroadnews.org/index.php/ru/item/179>
- ¹⁴ <http://kapital.kz/economic/14051/kitaj-zainteresovalsya-dolej-v-kashagane.html>
- ¹⁵ <http://www.zakon.kz/4534056-junyjj-sportsmen-iz-karagandy-poedet-na.html>

«Pro et Contra»,

М., 2013 г., январь-апрель, с. 35–40.

Д. Александров,
начальник сектора центральноазиатских
исследований
И. Ипполитов,
научный сотрудник
(РИСИ)
Д. Попов,
руководитель Уральского регионального ИАЦ РИСИ
**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
КИРГИЗИЯ
(продолжение)**

Киргизия в течение всего времени реализации западного проекта в регионе Центральной Азии занимает особое место. Открытая в 2001 г. близ Бишкека американская авиабаза «Манас» (ныне – «Центр транзитных перевозок») является крупнейшим в регионе инфраструктурным объектом, обеспечивающим военное присутствие США в Центральной Азии. Киргизия, как и все страны региона, входит в Совет евроатлантического сотрудничества, участвует в программе НАТО «Партнерство ради мира», в том числе в процессе анализа и планирования, позволяющем получать консультационную и техническую помощь членов блока.

Запад, и в особенности США, «выращивают» и поддерживают в Киргизии группы влиятельных лиц с прозападными или националистическими взглядами, так или иначе направленными против России и Китая.

Нелишне напомнить, что некоторые трагические события в новейшей истории Киргизии, такие, например, как переворот 2005 г., напрямую связаны с влиянием американцев, стремящихся апробировать свои технологии и закрепиться в стране. Можно предположить, что именно сотрудники западных структур приложили максимальные усилия для того, чтобы после смены власти в 2010 г. в республике установилась плохо работающая парламентско-президентская форма власти, способствующая дальнейшему регрессу государства.

Важнейшими инструментами реализации западного проекта в Киргизии являются технологии «мягкой силы»: идеологическое воздействие на население (в первую очередь на молодежь) через сеть из десятков западных НПО, образовательные программы, фи-

нансирруемые Западом, СМИ и интернет-ресурсы. Не случайно именно в Киргизии расположился Американский университет Центральной Азии (АУЦА, AUCA) – кузница кадров прозападной элиты всего региона.

Для Запада, и в особенности для американцев, крайне важно, чтобы Киргизия с ее либеральным режимом, политической неустойчивостью и одновременно выходом почти ко всем странам региона и Китаю оставалась своеобразным рассадником либеральных деструктивных идей, с территории которой бесчисленные НПО, патронирруемые американскими структурами, смогли бы и дальше продолжать свою разрушительную псевдомодернизаторскую деятельность в Центральной Азии.

Говоря об американских программах в Киргизии, можно выделить три основных направления работы Соединенных Штатов в республике: программы сотрудничества в области экономики, в сфере безопасности, а также важнейший сегмент, связанный с политическим, информационным и идеологическим воздействием. По данным направлениям в стране активно действуют такие американские структуры, как USAID, NDI, Фонд «Сорос-Киргизстан», IRI, Freedom House, Корпус мира.

Стоит отметить, что американские структуры оказали большую, если не решающую помощь оппозиции во время подготовки первого переворота в Киргизии в марте 2005 г. В частности, только официально в течение первых месяцев до переворота 2005 г. коалиции неправительственных организаций «За демократию и гражданское общество» от NDI было перечислено около 400 тыс. долл., а международный центр «Интербилим» получил финансовую помощь в размере 170 тыс. долл.¹.

В дальнейшем президент К. Бакиев, в отличие от А. Акаева, несмотря на тесные контакты с американцами, стремился ограничить действия США внутри страны, в том числе в области поддержки НПО. Однако за два года, прошедших после переворота 2010 г., влияние данных структур заметно усилилось за счет того, что президент переходного периода Р. Отунбаева, тесно связанная с Западом, и ее окружение способствовали приходу «новой волны» НПО, в том числе проамериканских².

¹ Джумакеев А. Геополитическая «лезгинка» американцев? – 2008. – 5 декабря. URL: http://www.presskg.com/agym/08/1205_15.htm

² Ядуха В. Кто делает Киргизию Грузией? – 2012. – 1 марта. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/03/01/952207.html>

Поддержка соответствующих проамериканских НПО в Киргизии организована таким образом, что их финансирование и подготовка персонала производятся одновременно различными, но взаимосвязанными американскими организациями. Важную роль в поддержке проамериканских НПО и политических сил играет Демократическая комиссия посольства США. По ее линии происходит выделение грантов, как крупных, так и мелких, до 24 тыс. долл. В 2011 г. значительная часть грантов была направлена на поддержку НПО, занимающихся выборными процессами, а также СМИ и мониторингом президентских выборов. Комиссия в том числе финансирует исследовательские группы под конкретные политические задачи. Считается, что она в 2010 г. имела отношение к финансированию выборной кампании партии «Ата-Мекен» и ее лидера О. Текебаева.

USAID сосредоточивает свою деятельность на сравнительно больших проектах, связанных с госуправлением, развитием «гражданского общества», институциональным строительством. Поскольку Киргизия является для USAID одним из базовых государств в регионе, бюджет киргизских программ Агентства стабильно высок: в 2011 г. он превышал 41 млн долл., в 2012 г. – 47 млн долл. На 2013 г. у Конгресса было также запрошено финансирование в объеме почти 47 млн долл.¹ Экономические программы USAID затрагивают вопросы макроэкономической политики, финансов, торговли, земельных отношений, фискальной политики, бизнес-климата, энергетики и сельского хозяйства, т.е. ключевых отраслей хозяйства Киргизии.

В настоящее время на территории республики по экономическому профилю действуют следующие программы Агентства: Киргизский проект снабжения и развития агробизнеса (бюджет – 3 млн долл., партнер – НПО Международный центр по развитию сельского хозяйства (International Fertilizer Development Center, IFDC); Повышение конкурентоспособности через экономические реформы (EREC, региональный бюджет – 18,28 млн долл., партнер – Deloitte Consulting); Поддержка регионального трансграничного

¹ См.: Бюджет на 2011, 2012, 2013 гг. на интернет-сайте Госдепартамента США. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/rls/statecbj/2011/index.htm>; FY 2012 Department of State Operations Congressional Budget Justification // Ibid. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/rls/statecbj/2012/index.htm>; FY 2013 Department of State Operations Congressional Budget Justification // Ibid. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/rls/statecbj/2013/index.htm>

водного диалога стран ЦА (региональный бюджет – 1 млн. долл., партнер – Международный фонд спасения Арала, IFAS); Программа местного развития (бюджет – 27 млн долл., партнер – Chemonics International); Проект по либерализации торговли и таможенным реформам (RTLС, бюджет – 15 млн долл., партнер – AECOM International Development, Inc.); Проект по улучшению бизнес-среды (BEI бюджет – 5,85 млн долл., партнер – Pragma Corporation); Региональная энергетическая безопасность, эффективность и торговля (RESET, региональный бюджет – 16,5 млн долл., партнер – Tetra Tech)¹.

Программы USAID в сфере здравоохранения нацелены на реформирование управления и финансирования системы Минздрава Киргизии. Агентство работает по таким направлениям, как здоровье матери и ребенка, борьба с сердечно-сосудистыми и инфекционными болезнями (туберкулез, ВИЧ / СПИД и птичий грипп). Среди них стоит выделить программы: Качественная медико-санитарная помощь (региональный бюджет – 72 млн долл., партнер – Abt Associates); Медико-демографическое исследование (MDI, бюджет – 2 млн долл., партнер – ICF Macro); Диалог по ВИЧ и туберкулезу (бюджет – 15 млн долл., партнер – Population Services International, PSI); Содействие по контролю туберкулеза (региональный бюджет – 11 млн долл., партнер – Представительство Центрального объединения по борьбе и профилактике туберкулеза Королевства Нидерландов, KNCV)².

Среди гуманитарных программ выделяется «Продовольствие во имя мира», в рамках которого ежегодно предоставляется 46,9 т продуктов питания для 81 социального учреждения по всей Киргизии, включая оказание помощи детям, пенсионерам, душевнобольным и больным мультирезистентными формами туберкулеза (бюджет – 388 тыс. долл., партнер – Research and Policy Exchange, RPX)³.

В проектах USAID в Киргизии очень широко представлена тематика так называемого «содействия демократичному и справедливому управлению». По сути, это «содействие» представляет

¹ Экономические программы USAID в Киргизии. – URL: <http://www.centralasia.usaid.gov/kyrgyzstan/economic-development>

² Здравоохранительные программы USAID в Киргизии. – URL: <http://www.centralasia.usaid.gov/kyrgyzstan/investing-in-people>

³ Гуманитарные программы USAID в Киргизии // URL: <http://www.centralasia.usaid.gov/kyrgyzstan/humanitarian-assistance>

собой влияние в политической, идеологической и информационной сферах. В рамках данного направления американские структуры контактируют с киргизскими общественными организациями и партиями, в том числе оппозиционными, с национальными СМИ, осуществляют их целевое финансирование, организуют различные семинары, тренинги и программы, проводят мероприятия по конструированию политического пространства.

К таким программам относятся: Поддержка СМИ (региональный бюджет – 15 млн долл., партнер – Internews Network); Правовая поддержка гражданского общества (региональный бюджет – 3,97 млн долл., партнер – ICNL); Предотвращение торговли людьми (бюджет – 4,27 млн долл., партнер – международная организация по миграции, IOM); Программа по укреплению судебной системы в Киргизии (бюджет – 4,49 млн долл., начало реализации – осень 2011 г., партнер – Международная организация правового развития, IDLO); Программа по содействию Жогорку Кенешу Киргизской Республики (бюджет – 3,24 млн долл., реализуется с сентября 2010 г., партнер – Корпорация альтернативного развития, DAI); Проект в поддержку активистов в области прав человека (бюджет – более 1,5 млн долл., реализуется с марта 2010 г., партнер – Freedom House); Развитие политических партий (CEPPS, бюджет – 4,28 млн долл., партнеры – Международный фонд избирательных систем, IFES и Международный республиканский институт, IRI); Трансграничное сотрудничество молодежи (бюджет – 0,46 млн долл.) и Молодежный театр за мир (бюджет – 0,60 млн долл., партнер – IREX)¹.

Следует отметить, что USAID весьма оперативно реагирует на изменение социально-политического климата в стране. Так, после переворота 2010 г. в мае того же года начала реализовываться специальная программа так называемых «переходных инициатив Киргизской Республики» (партнер – International Resources Group, IRG), предполагающая дополнительные усилия по «стимулированию демократических процессов». IRI в Киргизии представлен офисом в Бишкеке. В апреле 2010 г. офис был разграблен, однако вскоре деятельность этой структуры была восстановлена. В последние годы IRI активизировал образовательные программы для политических партий. Начиная с 2008 г. через курсы IRI прошли представители всех наиболее значимых политических партий,

¹ Социально-политические программы USAID в Киргизии. – URL: <http://www.centralasia.usaid.gov/kyrgyzstan/governing-democratically-and-justly>

включая «Ата-Мекен», СДПК, «Ар-Намыс», «Ак-Жол» (в период правления К. Бакиева), Партии коммунистов Киргизстана, а также более мелких политических партий и организаций. Одним из направлений работы IRI в республике является проведение опросов общественного мнения по политической и социальной тематике. К ним широко привлекаются местные НПО.

NDI, работающий в республике с 1996 г., в большей степени сосредоточен на работе с молодежными группами, а также и поддержке оппозиционных партий (в том числе партии «Ата-Мекен» в течение длительного времени). Спецификой NDI также является плотная работа с НПО, задействованными в выборном процессе, финансовая поддержка так называемых «независимых СМИ», включая предоставление оборудования для выпуска газет и т.п. В то же время следует отметить, что NDI в меньшей степени, чем IRI, ориентирован на образовательные проекты. Говоря о совместных проектах с американскими структурами, следует отметить активность на этом направлении киргизской коалиции «За демократию и гражданское общество», международного центра «Интербилим», «Правовой клиники Адилет». Также американцами финансируется коалиция неправительственных организаций «Таза Шайлоо».

Отдельным, актуализировавшимся в последнее время направлением работы американцев является конструирование идеологически и финансово подконтрольных им молодежных организаций. Одним из наиболее перспективных американских проектов по подготовке молодой элиты является проект «Молодежного парламента», тесно связанный с работой реального парламента, Жогорку Кенеша. В работе «парламента» принимают участие 58 депутатов в возрасте от 18 до 26 лет, по два представителя молодежного крыла из 14 различных партий, один из которых представляет регион, а другой – Бишкек. При этом 28 депутатов рекрутируются из политических партий, а 30 – из активистов различных вузов и различных регионов. «Молодежный парламент» институционально является проектом Фонда поддержки демократии, созданного в сентябре 2010 г. Кроме того, продвижение американских интересов идет через молодежные общественные организации «Достоинство республики», «За международную толерантность», через ресурсный Центр некоммерческих организаций в Министерстве по делам молодежи. Важную роль в формировании проамериканской молодой элиты играет Американский уни-

верситет Центральной Азии, где готовятся кадры для международных организаций и НПО¹.

Особую роль в системе американского влияния традиционно играет Фонд «Сорос-Киргизстан». Именно эта структура непосредственно занималась подготовкой кадров для переворота 2005 г. Однако после так называемой «тюльпановой революции» Фонд снизил интенсивность своей деятельности в республике. Во многом это было связано с тем, что Дж. Сорос был не вполне доволен результатами переворота. Хотя к 2005 г. соросовскими структурами был подготовлен ряд молодых лидеров, они не смогли проявиться в тех условиях. В дальнейшем Фонд сосредоточился на других косвенно политических проектах. Важной составляющей этих программ в Киргизии является образовательный сегмент: стажировки и кратковременные поездки политических активистов и чиновников в Грузию для изучения «грузинского опыта», стажировки активистов в структурах Фонда в Будапеште (Венгрия), а также прохождение студентами практики в западных образовательных учреждениях. Для сотрудников государственных и общественных организаций соросовская структура готовит кандидатов к аналитической работе на специальных курсах. Обучение проводят в том числе и приглашенные специалисты из Будапешта (Центральноевропейский университет). Общая сумма расходов Фонда «Сорос-Киргизстан» составляет более 1,5 млн долл. в год.

В целом следует отметить, что именно при поддержке соросовских и – шире – американских структур за последние два года произошла активизация связей грузинского режима с официальными и неправительственными структурами Киргизской Республики. Фонд спонсирует важную часть политики сближения Киргизии и Грузии – стажировки представителей киргизских государственных и неправительственных структур в Грузии для ознакомления с грузинским опытом реформирования госаппарата, силовых структур, системы управления экономикой². Не без американской помощи произошло и наиболее значимое событие в киргизско-грузинских отношениях последнего времени – визит

¹ Озмитель М. Следующий парламент Киргизстана рискует стать детищем «американской демократии». – 2011. – 20 июня. URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=5563:sleduyuschiy-parlament-kyirgyizstana-riskuet-stat-detischem-amerikanskoy-demokratii&Itemid=84

² Шелепенко А. Потенциал общественного вещания. – 2011. – 8 июля. URL: <http://soros.kg/archives/10595>

главы Грузии М. Саакашвили в Бишкек на инаугурацию нового президента Киргизии А. Атамбаева 1 декабря 2011 г. и выступление грузинского лидера в Американском университете Центральной Азии.

Следует отметить, что у соросовских программ в Министерстве образования и других государственных структурах республики довольно много лоббистов. На постоянной основе с Фондом «Сорос-Киргизстан» связаны Фонд поддержки образовательных инициатив, Школа демократии, SBDC Consult, проект «Открытый Киргизстан», занимающийся вопросами социальной политики, многочисленные проекты СМИ.

Образовательные американские проекты в Киргизии заслуживают особого внимания. Они представлены широким спектром областей, в которых используются разные формы обучения: от обмена студентами и преподавателями до получения американского образования непосредственно в Киргизии. Центром американского образовательного пространства здесь является Американский университет Центральной Азии в Бишкеке. Также образовательные программы осуществляют USAID, Корпус мира, ACTR / ACCELS, IREX, работает Программа малых грантов Демократической комиссии посольства США.

Американский университет Центральной Азии был создан в 1993 г. Основная его миссия сформулирована в девизе – «Работа над демократическим преобразованием Центральной Азии». Представители AUCA открыто говорят, что университет призван развивать будущих лидеров такого преобразования. В настоящее время университет управляется интернациональным Советом попечителей и выдает дипломы по 10 специальностям (бакалавриат): американоведение, антропология, управление бизнесом, европоведение, международное и бизнес-право, международная и сравнительная политика, журналистика и массовые коммуникации, психология, социология, проектирование программного обеспечения. Также предлагаются четыре магистерские программы: «Управление бизнесом (МБА)», «Изучение стран Центральной Азии», «Устойчивое развитие окружающей среды», «Экономическое развитие». В университете действуют курсы иностранных языков (английский, арабский, испанский, итальянский, китайский, корейский, киргизский, немецкий, русский, турецкий, французский и японский).

Сейчас в AUCA высшее образование получают студенты из 25 стран мира (прежде всего из стран Центральной Азии, но есть

также студенты из России, Украины, стран Балтии, США, Германии, Канады, Великобритании). Численность студентов – более 1200, преподавателей – более 130. С 2001 г. AUCA является членом Ассоциации американских международных колледжей и университетов. Выпускники получают киргизский диплом и диплом Колледжа Барда (Bard College) американского образца.

В 2009 г. Колледж Барда и AUCA создали партнерскую программу, которая предусматривает введение качественного образования в Центральной Азии. За прошедшие годы они занимались внедрением международных стандартов образования во все аспекты учебной программы университета. Помимо этого AUCA участвует в ряде партнерских программ со многими университетами и организациями по всему миру. Следует особо отметить партнерство в плане обмена студентами с Американским университетом в Болгарии (AUBG) и Американским университетом в Афганистане (AUAF). В настоящее время преподаватели AUCA совместно со своими коллегами из AUAF проводят занятия, которые посещают студенты из обоих университетов благодаря виртуальной классной комнате, финансируемой за счет гранта USAID.

Институт открытого общества, Фонд Меллон и USAID активно поддерживают AUCA. В октябре 2010 г. университет получил грант «Вперед, AUCA!» в 2,7 млн долл. Проектом предусмотрена разработка новых академических программ, открытие Института центральноазиатских исследований, технологическое обновление вуза. Проект был рассчитан до января 2013 г. В феврале 2012 г. AUCA объявил о наборе в Академию нового поколения (New Generation Academy, NGA) выпускников школ Киргизии. Абитуриентам с выраженными академическими способностями, но не получившим по какой-либо причине качественного среднего образования, будут предоставлены 70 стипендий на весь курс обучения. Такая стипендия полностью покрывает стоимость обучения, проживания, питания и учебных материалов. Занятия в NGA начались в августе 2012 г. Для подготовки абитуриентов и изучения английского языка был открыт филиал Центра дополнительного образования в Оше. Предполагается, что в 2013 и 2014 гг. 30 студентам, успешно окончившим обучение по этой программе и нуждающимся в финансировании, будет предоставлена полная стипендия на четыре года для обучения в AUCA и последующей стажировки в США.

В планах университета в 2013 г. открыть новый студенческий городок площадью около 3 га, который будет расположен в

3 км к югу от Бишкека. Ориентировочная стоимость этого проекта 25 млн долл., из которых 16 млн уже собрано. Университет также приобретает общежитие с целью привлечения новых иностранных студентов, особенно из Европы и США. Также в 2013 г. будут открыты новые курсы в рамках Центра дополнительного образования: гражданское воспитание, переподготовка военных. Для последней цели планируется открыть новый студенческий городок в Оше. В настоящее время ведутся переговоры с мэрией о его месторасположении.

AUCA также заботится о дальнейшем продолжении образования и трудоустройства своих выпускников. Более 1,5 тыс. из них продолжили учебу в разных вузах США и Европы: Гарварде, Йеле, Университете Индианы, Сорбонне и Центральноевропейском университете (CEU). После обучения часть выпускников инкорпорируется в крупные иностранные бизнес-структуры, в представительства американских и других западных структур в ЦА, а также в государственные органы. Среди выпускников AUCA – бывший глава аппарата президента Р. Отунбаевой Э. Байсалов, пресс-секретарь нынешнего президента А. Атамбаева К. Токтогулов¹.

USAID, помимо сотрудничества с AUCA, осуществляет поддержку проектов, реализуемых другими фондами. Например, Фонд Евразия Центральной Азии реализует проект «Кредитование студентов» с бюджетом 250 тыс. долл. В соответствии с ним некоторые местные финансовые организации по договору с американскими партнерами предоставляют кредиты студентам университетов и профессионально-технических училищ для оплаты обучения. Также в проекте заявлена цель помочь выпускникам вузов с трудоустройством в бизнес-секторе. Он сотрудничает с рядом центральных вузов, а также региональными колледжами и техническими университетами в Ошской и Иссык-Кульской областях².

Еще одним проектом USAID является «Сапаттуу билим» (Проект по улучшению качества образования). Его бюджет – 13,9 млн долл. Он носит статус регионального и осуществляется, помимо Киргизии, в Таджикистане. Партнером USAID здесь выступает НПО Creative Associates International (CAI). В рамках этого проекта учителя проходят тренинги по применению совре-

¹ American University of Central Asia. – URL: http://www.auca.kg/ru/about_auca/

² USAID в Центральной Азии. – URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/kyrgyzstan/459>

менных методик обучения. Проект «Поддержка молодежи через образование» сосредоточен на образовательных потребностях детей в новостройках вокруг Бишкека.

Некоторые проекты относятся как к республиканскому, так и к региональным уровням. Например, в Баткенской области (сёла Кулунду, Жаны-Жер) при поддержке USAID реализуется проект «Сотрудничество молодежи приграничных сообществ». В его рамках выделяются малые гранты на молодежные проекты, проведение трансграничных совместных общественных мероприятий, тренингов для местных лидеров и по повышению потенциала трансграничных молодежных банков, а также обсуждение нужд сообщества, особенно водно-земельных. В 2012 г. обсуждается полномасштабное распространение этого проекта на Ошскую и Джалал-Абадскую области, граничащие с Узбекистаном.

В сфере образования Киргизии с 1993 г. активно действует Корпус мира (Peace Corps). 1 июня 2011 г. в республике началась двухгодичная вахта 41 волонтера Корпуса, которая продлится до мая 2013 г. Волонтеры работают в Чуйской, Нарынской, Таласской и Иссык-Кульской областях, где преподают английский язык в школах, работают в местных сообществах и в сфере здравоохранения, в области «устойчивого и организационного развития» в НПО. Следует отметить, что из соображений безопасности было принято решение не посылать волонтеров Корпуса в Ошскую, Джалал-Абадскую и Баткенскую области¹. В 2012 г. в Бишкеке была проведена летняя англоязычная программа «El Campo», состоявшаяся при поддержке волонтеров Корпуса мира. В рамках этой программы для учащихся были организованы социальные проекты, «экологические лагеря» для сельской молодежи, а также собрания, где обсуждались различные, в том числе социально-политические, темы, предоставлялась помощь в совершенствовании навыков общения на английском языке.

Проект «Английский ресурсный центр в школах» призван организовать в школах Киргизии центры изучения английского языка. В ходе его реализации волонтеры на английском языке обсуждают со школьниками проблемы ВИЧ / СПИДа, алкоголизма и наркомании, «гендерные проблемы», вопросы ведения бизнеса и пр. Также волонтеры передают школам, в которых работают, техническое оборудование, литературу. Кроме того, через Корпус мира

¹ Peace Corps in Kyrgyz Republic. Annual report 2011. – P. 7–12. URL: http://www.kyrgyz.peacecorps.gov/pc_ar_2011.pdf

уже ведется реализация проекта «Американский уголок в библиотеках», когда в сельских библиотеках открываются так называемые «американские уголки», оборудованные техникой и имеющие в наличии учебные пособия. С 1993 г. в Киргизии работают Американские советы по международному образованию ACTR / ACCELS. Основной целью их деятельности является предоставление возможностей для профессионального развития и академического / культурного обмена.

В частности, с 2005 г. в республике действует программа «Связи сообществ». Она дает возможность специалистам разных профилей принять участие в краткосрочных специализированных тренинговых курсах в США. Программа финансируется USAID, однако не входит в список основных проектов Агентства. Программа, ранее управлявшаяся Бюро образовательных и культурных программ (ECA) при Госдепартаменте США, а в настоящее время спонсируемая Бюро USAID по Европе и Евразии, разработана для того, чтобы способствовать развитию общественной дипломатии путем обмена идеями и культурными ценностями между участниками программы и принимающими семьями и организациями в США. Ее участниками могут быть предприниматели, представители местного самоуправления, юристы, лидеры НПО. Все участники проходят открытый конкурс, а отбор производит местная миссия USAID.

Кроме того, в Киргизии действуют Программа обмена будущими лидерами (FLEX), предназначенная для учащихся средних школ, и Программа стажировки для преподавателей вузов (JFDP). Для поощрения развития открытого рынка и сектора частного предпринимательства в Центральной Азии путем предоставления доступного и качественного обучения западным бизнес-технологиям в вузах, принявших западную учебную программу и методику преподавания, был создан Американский центральноазиатский образовательный фонд. Благодаря этому Фонду вузы будут закладывать фундамент для создания в регионе среды, благоприятной для развития частного бизнеса и «духа свободного предпринимательства».

Основными направлениями деятельности Фонда являются: (1) предоставление нуждающимся студентам образовательных грантов (стипендий) на получение образования в области бизнеса в трех специально отобранных университетах региона; (2) разработка и внедрение программы обучения преподавателей бизнес-дисциплин и усовершенствования учебных программ в каждом из

университетов; а также (3) подготовка базы для прохождения практики, что даст студентам возможность работать и учиться за рубежом, в демократических странах с развитым рынком. В Киргизии Фонд тесно взаимодействует с AUCA. Его работа в стране рассчитана на период до 2022 г. С помощью ACCELS студенты Киргизии могут продолжить обучение и в Болгарии, поскольку организация проводит в КР набор студентов на обучение в АУБ.

Еще одна программа – «Открытый мир» дает возможность молодым лидерам из Киргизии посетить США для выступления на конференциях с докладами, посвященными главным образом теме, касающейся профессиональной сферы делегатов. В рамках этой программы США, в частности, готовят популярных блогеров Киргизии. С 2007 г. из КР по этой программе выехали примерно 100 молодых людей, работающих в разных сферах. «Открытый мир» поддерживает связь со своими выпускниками и после окончания их визитов. В России, на Украине и в Центральной Азии уже проведены десять конференций выпускников, и такие конференции планируется проводить и в дальнейшем. Для выпускников и при их непосредственном участии издается специальный «Информационный бюллетень» выпускников программы «Открытый мир», который распространяется в электронном и печатном виде. Выпускники «Открытого мира» встречаются с представителями посольства США и участвуют в других мероприятиях, проводимых на средства, предоставляемые американским правительством. Координаторы программы поощряют своих подопечных, чтобы они привлекали новых кандидатов для участия в ней. В качестве одного из средств поощрения выступает помощь координаторов программы своим выпускникам с трудоустройством¹. Посольство США в Бишкеке участвует в отборе кандидатов для участия в «Открытом мире», осуществляет помощь в разработке и планировании программы, обеспечивает процесс выдачи виз ее участникам.

Программы студенческого обмена осуществляет также организация IREX, координирующая в Киргизии международную программу Отдела образовательных и культурных программ Госдепа США (Global UGRAD). Она предоставляет возможность студентам вузов пройти обучение в университете или колледже США

¹ American Councils in Kyrgyz Republic. – URL: http://www.american-councils.kg/programs_kyr.html

в течение одного академического года (без получения научной степени)¹.

В рамках Демократической комиссии посольства США осуществляется работа программ «Hamfrey» и «Fulbright», направленных на усовершенствование образования посредством стажировок в США. Также реализуются программа для молодых музыкантов «One Beat», программа совершенствования педагогического мастерства для преподавателей английского языка (ТЕА), программа «Международные визиты» с целью изучения какого-либо аспекта жизни США, программа стипендий «Cochrane», связанная с сельскохозяйственной деятельностью.

Фонд «Сорос-Киргизстан» выделяет ряд образовательных грантов для поддержки граждан КР. В частности, Институт открытого общества в 2004 г. запустил Программу академического развития (ПАР) с целью поддержки реформирования учреждений высшего образования в республике. Она направлена на поддержку преподавателей гуманитарных наук, «ориентированных на реформы», путем совершенствования учебных программ и методов преподавания, «возвращения» на родину молодых преподавателей, обучившихся за рубежом. Программа реализуется через сотрудничество с партнерскими кафедрами, где поддерживается работа местных преподавателей ПАР и приглашенных иностранных профессоров. В Центральной Азии и Монголии ПАР реализуется в сотрудничестве с Фондом «Сорос-Киргизстан» и Форумом открытого общества (Монголия). В последние годы ПАР поддерживала в Киргизии 40 местных и 11 иностранных преподавателей AUCA по специальностям «Антропология», «Социология», «Международная и сравнительная политика», «Юриспруденция», «Психология»².

В целом на протяжении всего времени существования независимой Киргизии здесь наблюдается планомерное усиление американского влияния во всех ключевых социальных институтах. Тенденцией самого последнего времени стала инфильтрация прозападно настроенных выходцев из американских образовательных структур в органы государственной власти и элитные бизнес-слои республики. Учитывая воздействие на киргизский государственный аппарат грузинских и восточноевропейских структур, в бли-

¹ IREX in Kyrgyz Republic. – URL: <http://www.irex.kg/ru/program/ugrad.html>

² Программа академического развития в Центральной Азии и Монголии // Фонд «Сорос-Киргизстан». – URL: http://www.soros.kg?page_id=403

жайшем будущем можно ожидать попытки со стороны США форсировать процесс формирования новой, проамериканской элиты Киргизии.

(продолжение в следующем номере)

*«Центральная Азия: Проблемы
и перспективы (взгляд из России и Китая)»,
М., 2013 г., с. 28–43.*

Д. Малышева,

доктор политических наук (ИБ РАН)

БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНСКИЙ ФАКТОР

В первой половине 1990-х годов, вскоре после распада СССР, многие предрекали Центральной Азии судьбу одной из наиболее нестабильных частей мира. Сбылся ли этот прогноз? Внешне как будто нет, ведь нельзя не признать, что за годы независимого развития центральноазиатским государствам, за исключением Таджикистана и Киргизии, удалось избежать братоубийственных гражданских войн. Тем не менее центральноазиатские реалии говорят о том, что мир и стабильность в этой части постсоветского пространства хрупки и неустойчивы. По убеждению известного американского политолога Бориса Румера, «события 11 сентября 2001 г. сделали Центральную Азию эпицентром геополитических потрясений на глобальном уровне».

Оказавшись вследствие перемещения многих глобальных процессов из Европы в Азию втянутыми в сложное геополитическое балансирование, постсоветские государства Центральной Азии постарались по возможности дистанцироваться от привязки к какому-то одному мировому или региональному центру. Курс был взят на сохранение хороших отношений со всеми участниками конкурентной борьбы в регионе, которая определяется в основном двумя факторами: богатыми природными ресурсами Центральной Азии и тем, что она превратилась в «базовый плацдарм» для доступа в Афганистан, где силы возглавляемой США международной коалиции пытаются с 2001 г. восстановить мир и порядок, избавиться от обосновавшихся там международных террористов.

Однако в 2014 г. международная операция в афгано-пакистанской зоне военных действий («АфПак») должна завершиться,

что может повлечь за собой усиление внешних и внутренних рисков, угроз и вызовов безопасности Центральной Азии, включая возможную радикализацию ислама и активизацию религиозно-экстремистских движений и организаций в регионе. Задача статьи состоит в том, чтобы обозначить условия и перспективы безопасного развития центральноазиатских государств в свете завершающейся афганской кампании и необходимости активизации действующих в Центральной Азии структур безопасности.

1. Угрозы безопасности и вызовы развитию

Намеченный на 2014 г. вывод из Афганистана основного контингента войск США и Международных сил содействия безопасности (МССБ) станет рубежным для Центральной Азии, которая может столкнуться с возрастанием угроз дестабилизации региона.

Возможные будущие внешние риски и угрозы для Центральной Азии после вывода из Афганистана сил международной коалиции:

- возобновление в Афганистане крупномасштабной гражданской войны с эскалацией насилия в северных районах страны и возможностью распространения боевых действий на территорию центральноазиатских государств, в первую очередь Таджикистана;

- возвращение в массовом порядке из Афганистана и Пакистана на родину боевиков – этнических узбеков и таджиков, что может подтолкнуть участников местных религиозно-политических движений (в неспокойных районах Центральной Азии – Ферганской и Ра долинах, Ошской области) к их объединению, приданию отдельным вооруженным столкновениям характера партизанской войны по модели гражданской междоусобицы первой половины 1990-х годов в Таджикистане;

- усиление наркопроизводства и наркотрафика («урожаи» наркотического сырья в Афганистане за период пребывания там натовских войск выросли в 40 раз, и более 50% афганского героина «канализируется» в направлении республик Центральной Азии, через которые он затем поступает в Россию и далее в европейские страны);

- рост трансграничной преступности, терроризма.

Способны усугубить и без того непростую ситуацию в сфере безопасности Центрально-Азиатского региона угрозы воинствующего исламизма, готового поднять голову в случае любой полити-

ческой дестабилизации и активно использующего социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. С этим связан и рост влияния наркомафии, поскольку из данного источника частично питается религиозный экстремизм. Неслучайно угроза радикализации ислама обозначена всеми центральноазиатскими лидерами в качестве едва ли не главной.

«Особенно это опасно, – отметил президент Узбекистана И.А. Каримов в своем выступлении по итогам российско-узбекистанских переговоров в Москве 15 апреля 2013 г., – когда речь идет о войне убеждений, о войне идеологий, особенно религиозных, – религиозном фанатизме». Подобная озабоченность центральноазиатских правящих элит возможностью дестабилизации региона с помощью «исламского оружия» имеет под собой реальные основания, связанные с некоторыми эпизодами не столь отдаленной истории стран Центральной Азии и опытом их взаимодействия с беспокойным южным соседом – Афганистаном.

Речь идет, во-первых, о временном распаде Таджикистана в 1990-е годы в результате гражданской войны, к которой привел – в числе других причин – приход к власти в Душанбе условной исламско-демократической коалиции, представлявшей собой довольно неожиданное и странное для того времени объединение весьма разных политических сил. Во-вторых, это «Баткенские события», произошедшие в 1999 и 2000 гг. в Баткенской области Киргизской Республики, боевые столкновения между вооруженными силами Киргизии и Узбекистана и боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ), попытавшимися прорваться в Узбекистан через Горный Бадахшан (Таджикистан). В-третьих, это реализованный в Афганистане в 1990 годы исламско-«моджахедский» проект, одним из следствий которого стали радикализация центральноазиатской уммы и активизация в Центральной Азии исламских радикальных движений, завязавших впоследствии связи с обосновавшимися в Афганистане транснациональными террористическими организациями.

Наиболее крупные из них (ячейки «Аль-Каиды» и пр.) в ходе антитеррористической операции, проводимой с 2001 г. войсками США и МССБ, были либо ликвидированы, либо маргинализированы, либо выдавлены за пределы «АфПак» в Африку, на Ближний Восток, в ряд других стран и регионов, что, однако, не сняло с повестки дня опасности активизации религиозно-экстремистских движений в афгано-пакистанской зоне. Не исключено, что эти движения, а также различные внутренние силы начнут после 2014 г. бороться

в Афганистане за власть, и тогда ввиду географической близости Центральной Азии и ненадежных, плохо защищенных границ между Таджикистаном и Афганистаном создастся определенная вероятность того, что насилие и волнения перекинутся на территорию центральноазиатских республик.

Такой перспективе «благоприятствует» и выход на передний план мировой политики исламизма как такового. Пример – развернувшиеся на Ближнем Востоке и в Северной Африке бурные процессы, трактуемые самими их участниками как «революция», «восстание», «пробуждение», но ставшие более известными за пределами арабского мира как «арабская весна». Начавшись под лозунгами социальных и политических перемен, демократизации общественной жизни, смены правящих режимов, эти события привели в конечном итоге к несколько иным результатам: приходу к власти в ряде стран (Египте, Тунисе, Ливии) выдвинутых исламистских организаций и замене светской парадигмы развития на религиозную; широкому проникновению в жизнь обществ исламистских террористических группировок («Аль-Каиды», «Аль-Каиды в Ираке», «Аль-Каиды в Магрибе» (АКМ), «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» и пр.); подрыву территориальной целостности и стабильности ряда государств; вспышке гражданских войн (в Ливии, Сирии, Ираке и, возможно, в перспективе – в Ливане и Иордании); обострению застарелых национально-этнических споров и религиозных противоречий (в первую очередь суннитско-шиитских).

Обнаружилась и тесная связь действующих на Арабском Востоке исламистских движений и террористических организаций с радикальными элементами, базирующимися как в Европе, так и в регионе Персидского залива, Афганистане, Пакистане, на Кавказе. Неудивительно поэтому, что в светских государствах Центральной Азии настороженно расценивают перспективу возможного импорта в регион не столько порожденных «арабской весной» либеральных настроений, сколько окрашенного в религиозные тона политического насилия, хаотизации общественной жизни, террористических войн.

Тем не менее сценарий «арабской весны» в Центральной Азии в ближайшей перспективе едва ли воплотится в жизнь по причине того, что централизованная власть во всех государствах региона создала систему жесткого контроля за силовиками, оппозицией, печатными и электронными СМИ. Клановая структура и авторитарные методы правления также ставят здесь заслон на пути

сторонников «исламской альтернативы». Кроме того, в Центральной Азии, имеющей пока слабые связи с Ближневосточным регионом и его мусульманскими организациями, отсутствуют (за исключением, возможно, Киргизии и Таджикистана) традиции массового общественного протеста, механизмы быстрой мобилизации общества на протестные акции, которые имеются на Арабском Востоке. Страны с высокими доходами от нефтегазового экспорта (Казахстан, Туркменистан) воспользуются возможностями смягчить недовольство населения, принимая социальные программы, повышая пенсии, пособия по безработице и пр.

Наконец, в Центральной Азии отсутствует (по крайней мере, в перспективе до 2014 г., когда планируется завершить вывод войск международной коалиции из Афганистана) заинтересованность внешних сил в раскачивании ситуации. США и НАТО, во многом зависящие от центральноазиатских государств и их транзитных и транспортных возможностей, стараются сформировать в регионе важный стратегический коридор – для доставки в Афганистан военных грузов и вывоза их обратно, а также для перекачки нефти и газа в Европу.

Потенциальные внешние угрозы региональной политической стабильности в значительной степени усугубляются в Центральной Азии эндогенными факторами – быстро накапливающейся критической массой внутренних проблем, по преимуществу политического и социально-экономического характера. При этом нестабильность проявляется во многих формах: в межэтнической напряженности; противостоянии внутри государств региональных элит и кланов; обнищании населения и углубляющемся разрыве в его доходах, а значит, и в растущих социальных диспропорциях; в высоком уровне безработицы, коррупции, низкой эффективности государственных структур.

Серьезными проблемами, осложняющими безопасное развитие центральноазиатских государств, становятся относительная неустойчивость в них легитимной власти, а также те последствия и процессы, которые могут быть спровоцированы слабостью либо сменой высшего руководства – по естественным причинам (смерть, болезнь) или же в результате политического насилия (государственный переворот, революции и пр.).

Сохраняются в Центральной Азии и межгосударственные противоречия.

Это, во-первых, «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов. Речь идет о

напряженности, которая создалась в связи с планами возведения Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизии на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Данные проекты вызывают особую озабоченность в Узбекистане, что уже привело к росту напряженности между этими тремя центральноазиатскими государствами, а также к проблемам в российско-узбекистанских отношениях ввиду того, что российские компании участвуют в строительстве обеих ГЭС. В Кремле, тем не менее, отдают предпочтение идее согласования этих проектов со всеми странами региона, чтобы борьба за мнимый энергетический суверенитет одних государств (Таджикистана и Киргизии) не шла в ущерб интересам других, в первую очередь Узбекистана, являющегося, вне всякого сомнения, важным экономическим и стратегическим партнером России в Центральной Азии.

Во-вторых, это неурегулированные пограничные споры, которые становятся серьезным вызовом безопасности в регионе. Они затрагивают большинство республик, но особенно Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и, что еще более важно в условиях засушливого климата, водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску.

В-третьих, незавершенные в странах Центральной Азии сложные процессы национального строительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям либо притязания того или иного государства (что более всего свойственно Казахстану и Узбекистану) на региональное лидерство.

Таким образом, в целом основные вызовы безопасности в Центральной Азии обусловлены внутренними социально-экономическими и политическими проблемами. Прямой и непосредственной связи развития государств региона (за исключением Таджикистана) с происходящими в Афганистане внутренними процессами (борьбой за власть, межэтническими, межрелигиозными конфликтами и пр.) в ближайшей перспективе не прослеживается. Все этнические группы в Афганистане заинтересованы в укреплении собственных позиций, в первую очередь внутри страны, а не вне ее, и местные узбеки и таджики, например, едва ли станут искать поддержку среди родственных им народов в Центральной Азии. Трудно предположить также, что талибы, которые в массе своей являются пуштунскими националистами, будут распространять

зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики, население которых этнически чуждо талибам и где они не могут рассчитывать на понимание и поддержку. Куда более реальную угрозу безопасности стран региона могут представлять базирующиеся в «АфПак» ячейки «Аль-Каиды» и других террористических организаций, включая скрывающееся под разными наименованиями ИДУ. После ухода из Афганистана основных контингентов США и МССБ эти группировки способны вновь активизироваться и перенести на Центральную Азию свое деструктивное влияние.

Особенно опасными видятся сочетание потенциальных внешних вызовов из Афганистана с реально нарастающими внутриполитическими рисками, возможное соединение социального и религиозного факторов, когда в условиях нестабильности и войны кланов исламисты, питающиеся от наркотрафика и внешней помощи своих братьев по вере, становятся элементом всеобщего беспорядка. Для противодействия такому варианту развития государствам региона помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования нужны стратегии ответа на внутренние и внешние вызовы и риски – как выработанные на коллективной основе, так и национальные. Неясно пока, как будет соответствовать этой сложной задаче не до конца еще сформировавшаяся в Центральной Азии архитектура обеспечения безопасности, которая включает помимо довольно слабых национальных структур региональные и глобальные компоненты.

2. Двухуровневая структура безопасности в Центральной Азии

На региональном уровне безопасность в Центральной Азии обеспечивается такими военно-политическими и военными организациями, как:

а) Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входят все центральноазиатские государства (за исключением Узбекистана и Туркменистана);

б) аффилированные с ОДКБ структуры безопасности – Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР) и Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР);

в) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Функции и задачи всех этих организаций различаются.

ОДКБ в ряде проблем, связанных с коллективным реагированием на чрезвычайные ситуации в зоне своей ответственности, особо выделяет в последнее время Афганистан, обстановка в котором на среднесрочную перспективу характеризуется ею как «нестабильная и слабо прогнозируемая». Учитывая, что в этом государстве «террористическая деятельность со стороны непримиримой вооруженной оппозиции не ослабевает, а в некоторых районах страны даже активизируется» и что «практически нет результатов борьбы с наркопроизводством, очень высок уровень коррупции, национальные вооруженные силы и правоохранительные органы пока полностью не готовы обеспечивать безопасность страны», Совет коллективной безопасности ОДКБ на своей сессии 19 декабря 2012 г. в Москве утвердил ряд решений по противодействию возрастающим угрозам из Афганистана. Предусмотрены, в частности, меры, направленные «на снижение негативного влияния на ситуацию в государствах – членах ОДКБ со стороны ИРА после вывода в 2014 г. основной части контингента Международных сил содействия безопасности».

В ОДКБ намерены также более активно привлекать к выполнению поставленных задач специализированные структуры организации, прежде всего КСБР, созданные 25 мая 2001 г. по решению четырех государств-участников – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана¹. Будучи важным элементом деятельности ОДКБ, КСБР предназначены для выполнения боевых задач исключительно в Центральной Азии. На образованные 4 февраля 2009 г. КСОР в составе Армении, Беларуси, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана возложены более сложные задачи: эти силы предполагается использовать для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. При этом военная составляющая КСОР формируется из соединений и частей постоянной боевой готовности, которые будут способны к мобильной переброске в любую точку зоны ответственности ОДКБ. В то же время войска КСОР,

¹ КСБР включают в свой состав российскую военную базу в Таджикистане (бывшая 201-я мотострелковая дивизия), российскую авиационную группировку в городе Канте (Киргизия), а также два батальона от Казахстана и по одному от Таджикистана и Киргизской Республики.

выступающие под флагами СНГ и ОДКБ, подчиняются национальным командованиям своих стран.

ШОС, хотя и не является военной организацией или площадкой (наподобие Регионального форума АСЕАН), на которой регулярно обсуждаются проблемы безопасности, включает в число своих приоритетов борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком. Так, по решению Совета глав государств – членов ШОС 15 июня 2011 г. была утверждена «Антинаркотическая стратегия государств – членов ШОС на 2011–2016 годы», а ранее в рамках организации по инициативе китайской стороны был сформирован трехуровневый механизм антинаркотического сотрудничества.

Вместе с Россией и КНР в ШОС представлены все центральноазиатские государства (за исключением Туркменистана, имеющего наряду с АСЕАН, ЕврАзЭС, ООН, СНГ и США статус «получающего приглашения на саммиты ШОС»), страны-наблюдатели (Афганистан, Индия, Иран, Монголия и Пакистан) и партнеры по диалогу (Беларусь, Турция, Шри-Ланка). Такой потенциал ШОС позволяет ей стать мощным механизмом решения сложных вопросов региональной безопасности, включая и те, которые относятся к ситуации в Центральной Азии и зоне «АфПак».

Элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации. Таким образом, в рамках своей многовекторной внешней политики центральноазиатские государства принимают военные гарантии безопасности, предоставляемые им не только Россией и ОДКБ, но и НАТО, притом что последняя часто конкурирует и соперничает в Центральной Азии с ОДКБ и ШОС. В связи с близящимся завершением афганской кампании для США и НАТО открылись новые возможности расширить военное сотрудничество со странами региона, которое включает предоставление авиации воюющих в Афганистане коалиционных сил права пролета над территорией центральноазиатских государств, передачу некоторыми из них в аренду своих военных объектов. В их числе: функционирующая с 2001 г. в аэропорту «Манас» (Киргизия) американская военная авиабаза, переименованная в 2009 г. в Центр транзитных перевозок (ЦТП); развернутые в Душанбе (Таджикистан) подразделения французских войск; военный аэродром в городе Термез (Узбекистан), используемый Германией; аэропорт в Чимкенте, предостав-

ленный 16 января 2013 г. Франции Казахстаном для вывода войск и имущества из Афганистана.

Национальные стратегии безопасности центральноазиатских государств неодинаковы. Таджикистан, Киргизия и Казахстан наряду с элементами военно-политического сотрудничества с США / НАТО в основном связывают свою политику в этой сфере с участием в ОДКБ и укреплением союзнических связей с Россией. Узбекистан, приостановивший летом 2012 г. свое членство в ОДКБ, не отказывается от расширения военного сотрудничества с США / НАТО; Туркменистан сохраняет нейтралитет как во внутренних делах региона, так и в сфере безопасности, не участвуя ни в региональных, ни в глобальных структурах, ответственных за ее обеспечение.

Представляется, что именно от существующих в Центральной Азии региональных структур безопасности потребуются значительные усилия – военно-политические, дипломатические, экономические, чтобы не допустить после 2014 г. дестабилизации обстановки в регионе. Ни Китай, ни внерегиональные политические силы (США, НАТО, Евросоюз) не будут брать на себя ответственность за поддержание там приемлемого уровня безопасности. Для Соединенных Штатов, например, с завершением войны в Афганистане (или, по крайней мере, их собственного участия в ней) географически удаленная Центральная Азия, скорее всего, утратит существенную часть своего военного значения, хотя, возможно, и сохранится опосредованное соперничество с Россией за ресурсы и влияние в регионе. Определенно США не будут заинтересованы и в возвращении России в том или ином виде в Афганистан и уж тем более – в укреплении российского военного и экономического присутствия в Центральной Азии. Таким образом, возникающие в регионе в связи с афганской ситуацией новые реалии и возможности будут определяться в первую очередь позицией самой России.

3. Интересы России в Центральной Азии

Для Российской Федерации Центральная Азия сохраняет приоритетное значение, и географический фактор играет при этом далеко не последнюю роль: большая часть территории нашей страны находится на азиатском материке и только 20% – в европейской части. Центральная Азия представляет для России немалую ценность и с точки зрения геополитики, и с точки зрения экономики, поскольку регион превращается в важный коммуника-

ционный мост в Южную Азию и при этом остается значимым источником топливно-энергетических ресурсов. В целом геополитический потенциал Центральной Азии может быть использован Россией и для решения практических и статусных задач как мировой и региональной державы.

Национальным интересам России отвечает смягчение к 2014 г. ситуации в Афганистане, поскольку это позволит исключить возможность повторения сценария 1990-х годов, когда из афгано-пакистанского источника получали подпитку сепаратисты и террористы в религиозном обличье, действовавшие на Северном Кавказе. В этой связи гипотетическая «исламская альтернатива» для государств Центральной Азии представляется для России совершенно нежелательной. Для интересов нашей страны важно также, чтобы кабульский режим, который будет действовать после вывода большей части иностранных войск, не был ни радикально исламистским, ни марионеточно-проамериканским и чтобы Афганистан приобрел статус независимого, нейтрального государства, а его территория была бы свободна от иностранного военного присутствия. Наконец, Россия заинтересована в перекрытии наркопотоков, идущих через Центральную Азию из Афганистана. Следует при этом признать необоснованность надежд на сотрудничество с НАТО в борьбе с афганским наркотрафиком. США и Североатлантический альянс ясно обозначили свою позицию по этому вопросу: борьба с наркопроизводством и наркотрафиком – задача для них не первоочередная и не основная, тем более что в настоящее время главные их усилия сосредоточены на организации максимально безболезненного вывода войск международной коалиции из Афганистана.

В свете сказанного, а также ввиду возможности ухудшения ситуации в регионе перед Россией и патронируемыми ею военно-политическими структурами стоит сложная задача – активизировать усилия по обеспечению собственной безопасности. Важной в этой связи представляется достигнутая осенью 2012 г. договоренность с Киргизией о том, что российские военные останутся в республике как минимум еще на 20 лет, а военная база в Канте будет принимать самолеты российской дальней авиации. Такое же долгосрочное соглашение об условиях российского военного присутствия было заключено во время официального визита 5–6 октября 2012 г. президента РФ В.В. Путина в Таджикистан, где расположена самая крупная за рубежом российская военная база, на которой размещены около 7 тыс. военнослужащих. Согласно подпи-

санным документам («Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» и др.), до сей поры, правда, так и не ратифицированным парламентом Таджикистана, российская военная база останется в республике до 2024 г. с возможностью продления ее пребывания на последующие пятилетние периоды. Кроме того, военнослужащие базы и члены их семей приравниваются по своему статусу к административному персоналу посольства – подобным статусом пользуются служащие ЦТП «Манас» в Киргизии.

Несомненно, в будущем значимую роль в деле афганской стабилизации могут сыграть ШОС и ее специализированные структуры. Для этого России уже сегодня необходимо развивать ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

Что касается ОДКБ, то с учетом афганского фактора первостепенными ее задачами видятся усиление профилактической работы на ее южных рубежах; совершенствование пограничного контроля на соприкасающихся с Афганистаном участках центральноазиатских границ в целях создания заслона на пути трансграничной организованной преступности и незаконной миграции; усиление координации деятельности спецслужб центральноазиатских государств и России; отработка взаимодействия с ШОС по предотвращению политических угроз и рисков в Центральной Азии. Таким образом, совместные действия России и центрально-азиатских государств – участников ОДКБ могут быть направлены на создание новой реальности, которая позволит минимизировать многие риски и угрозы, в том числе те, которые исходят из Афганистана. Речь при этом идет не о выстраивании «союзов против», а о том, чтобы работать по-соседски и вместе против реальных угроз. Это означает, что для России ОДКБ – не столько важный инструмент в региональной политике в Центральной Азии, сколько организация, нацеленная в первую очередь на совместную борьбу с угрозами, исходящими от религиозного экстремизма, терроризма, наркотрафика.

Россия может предложить центральноазиатским странам стратегию ответа на внутренние и внешние вызовы и риски, притом что она сама кровно заинтересована в ликвидации в Центральной Азии потенциальной нестабильности, включая и исламистскую угрозу. Разумной альтернативой может стать иници-

руемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая будет способствовать, в числе прочего, сохранению светского характера политических систем государств региона.

4. Развитие центральноазиатских государств в переходный период (до 2014 г.)

Согласно докладу Международного валютного фонда, в регионе в 2013 г. просматриваются позитивные перспективы экономического роста. В целом в Центральной Азии удавалось до недавнего времени избегать крупных политических катаклизмов, несмотря на сохранение в каждом из государств достаточно сложных проблем, замедляющих развитие.

Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности остается Таджикистан, имеющий с Афганистаном самую протяженную и во многом незащищенную границу, частично проходящую по сложному горному рельефу. После 2014 г. возможным станет приток в эту республику беженцев из числа живущих в Афганистане этнических узбеков и таджиков, которых может погнать за пределы страны гражданская война. Таджикистан, кроме того, более других рискует подвергнуться нападениям радикальных религиозных организаций, таких как ИДУ и «Аль-Каида».

Для предотвращения негативного сценария развития событий, обусловленных таким беспокойным соседством, власти Таджикистана попытались в последние годы укрепить свои военно-политические позиции за счет внерегиональных сил. В частности, помощи в защите своей внешней границы с Афганистаном они искали у Евросоюза в рамках его «Программы содействия управлению границами в Центральной Азии» – БОМКА (Border Management Programme in Central Asia – BOMCA). Однако в силу того, что основное внимание европейских стран сосредоточено с 2011 г. на борьбе с экономическим и финансовым кризисом, последствия которого для самого ЕС и будущего еврозоны еще далеко не ясны, широкомасштабной поддержки Таджикистан так и не получил. Тщетными оказались его надежды на то, что международные финансовые институты (Всемирный банк, МВФ) помогут республике справиться с кризисными явлениями в экономике и социальной сфере. Некоторую помощь в укреплении обороноспособности Таджикистана оказали республике США и НАТО: ими был создан Национальный центр боевой подготовки, проложены новые системы связи, построены мосты через реку Пяндж. Не

отказываясь от помощи Запада, Душанбе развивал и военное сотрудничество с Россией.

Экономика Киргизии остается самой открытой в регионе, и эта республика (наряду с Таджикистаном) является одним из крупнейших в мире реципиентов денежных переводов из-за границы (29% ВВП; в Таджикистане – 47%). Формируются эти переводы в основном от поступлений из России, откуда же поступает и значительный массив внешней экономической помощи. Благодаря этому политическая обстановка в Киргизии постепенно стабилизируется. Игрет роль и такой фактор, как усталость населения от «революций», которые сотрясали страну на протяжении последних лет и привели к спаду производства, инфляции, массовой миграции занятого поисками работы населения и пр., а в политическом плане – к деформации институтов государства, падению их престижа.

В Киргизии с ее перманентной внутривнутриполитической нестабильностью и нерешенными проблемами на юге страны любые потрясения извне, откуда бы они ни исходили, способны стать детонатором нового политического или межэтнического конфликта. Возможную активизацию в регионе экстремистских и террористических движений в республике также рассматривают как серьезный вызов безопасности. Этим обусловлена заинтересованность руководства страны в помощи извне для отражения потенциальных угроз и вызовов. Именно поэтому в рамках традиционной для всех центральноазиатских государств многовекторной политики Киргизия поддерживает достаточно высокий уровень сотрудничества как с США / НАТО, так и с Россией / ОДКБ.

Соединенные Штаты, в свою очередь, хотя и намереваются свернуть к весне 2013 г. большую часть военных операций в Афганистане, не отказываются от идеи сохранить за собой ЦТП в Манасе и после 2014 г. О продлении истекающего срока аренды ЦТП шла, в частности, речь на переговорах, которые провел в Бишкеке 17 января 2013 г. в ходе своего регионального турне помощник госсекретаря США по странам Южной и Центральной Азии Р. Блейк. Однако даже если киргизское правительство и допустит американцев к участию в управлении ЦТП, в планах Бишкека – превращение этого объекта в гражданский аэропорт, а не в военновоздушную базу какой-либо страны. Наметившийся у руководства Киргизии с осени 2012 г. сдвиг в сторону углубленного сотрудничества в военно-политической сфере с Россией позволяет предположить и альтернативный вариант развития событий – создание на

базе «Манас» совместного российско-киргизского логистического центра. В Бишкеке надеются, что столичный аэропорт сможет стать крупным узлом, который значительно сократит время перевозки грузов между развитыми рынками Западной Европы и Юго-Восточной Азии.

Решение Киргизии преобразовать американский ЦТП в гражданский хаб может свидетельствовать также и о переориентации страны на российские проекты в сфере безопасности. Подтверждение этого – итоги прошедших в Бишкеке 20 сентября 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне, когда были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь, в частности, идет о «Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики», которое заключено на 15 лет и вступает в силу 29 января 2017 г. с возможностью его автоматического продления на последующие пятилетние периоды. 7 мая 2013 г. президент России подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения», который вступил в силу 19 мая 2013 г.

Объединенная российская военная база будет включать четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте. Списание многомиллионного долга республики, выделение не менее крупной суммы денег на поддержание ее бюджета, приход российских компаний в энергетическую отрасль страны в качестве крупнейшего инвестора также свидетельствуют о том, что Россия активизировала свою внешнеполитическую работу в Киргизии.

В политическом развитии такого крупного центральноазиатского государства, как Узбекистан, давно уже просматривается тенденция к изоляционизму и опоре в основном на собственные ресурсы в сфере обеспечения безопасности. В последние годы, однако, этот курс сочетается с некоторым расширением военного сотрудничества с США и рядом стран НАТО. Большое значение сыграл при этом тот факт, что Узбекистану была отведена главная роль в «Северной распределительной сети», задействованной для транзита американо-натовских грузов из Афганистана. Предваряя это решение, Конгресс США снял 22 сентября 2011 г. введенные в 2004 г. против Узбекистана (за жестокое подавление правительственными силами восстания в Андижане) ограничения на предос-

тавление ему военной помощи. Соединенные Штаты рассматривают территорию республики и как наиболее привлекательную площадку для создания крупных транспортных узлов, имеющих региональное значение, военных объектов (баз), которые могут функционировать и не на постоянной основе.

Неслучайным в этой связи видится решение Узбекистана в конце июня 2012 г. приостановить свое членство в ОДКБ. Это обусловлено несколькими дополнительными причинами: введением в организации новых правил, запрещающих ее участникам размещать у себя иностранные военные базы без согласия других членов, надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также тем, что именно Узбекистану обещана большая часть выводимой техники и вооружения. Военную составляющую ОДКБ этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит, поскольку республика практически не участвовала в военном сотрудничестве в рамках организации, и в 2009 г. президент Ислам Каримов даже отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Однако борьбу с наркотрафиком такое решение страны, граничащей не только с Афганистаном, но и с четырьмя центральноазиатскими республиками, может осложнить.

Принятием 30 августа 2012 г. парламентом Узбекистана закона, запрещающего размещение на территории республики иностранных военных баз и объектов, вопрос об иностранном военном присутствии был снят с повестки дня, что говорит о попытках Ташкента проводить сбалансированную политику, заключающуюся в максимальном отдалении от конкурирующих в Центральной Азии глобальных и региональных игроков. Можно предположить также, что изменение формата присутствия американо-натовских войск в Афганистане после 2014 г., скорее всего, не скажется на внутривнутриполитической обстановке в Узбекистане, где в том же году пройдут президентские выборы. Есть также признаки того, что элитам республики удастся достичь консенсуса в вопросе преемственности власти и избежать в будущем серьезных политических потрясений. Однако до 2014 г. руководство Узбекистана будет активно развивать военно-политическое сотрудничество с США, хотя бы для того чтобы купировать силовым путем внутренние угрозы и блокировать возможные усилия по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации извне.

Ситуация осложняется тем, что в Узбекистане, как и в соседних центральноазиатских государствах, отсутствуют четко ус-

тановленные и устоявшиеся правила преемственности власти, а потому есть опасность, что неопределенностью положения в переходном периоде могут воспользоваться радикальные исламистские круги. Ведя антиправительственную агитацию среди социально активной части населения, в первую очередь молодежи, они попытаются направить существующий протестный потенциал на подрыв светских устоев государства. Осознавая это и воспринимая проблему радикализации ислама как одну из серьезнейших угроз безопасности республики, правящая элита Узбекистана стремится заручиться также поддержкой России. Как предполагает узбекский политолог Камолиддин Раббимов, «Каримову необходимо снизить сопротивление со стороны России, чтобы продолжать осуществлять свою политику в стране и регионе. Для этого ему будет необходимо успокоить Путина и заверить его в том, что Ташкент не поступит вопреки интересам своего геостратегического партнера по постсоветскому пространству».

Президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, переизбранный на состоявшихся 12 февраля 2012 г. выборах на новый срок, продолжает строить внешнюю политику республики на принципах позитивного нейтралитета. Она получает поддержку со стороны ООН, ее крупнейших структур и ведущих глобальных игроков – не в последнюю очередь из-за их заинтересованности в богатейшем газовом потенциале страны и инициированных ею важных проектов в энергетической и транспортной сферах. Таков, в частности, проект газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), находящийся на стадии практического планирования и способный в случае его реализации изменить всю геополитическую картину Южной и Центральной Азии.

Сохраняя нейтралитет в региональных отношениях, Туркменистан рассчитывает избежать негативного влияния ситуации в Афганистане на свое внутривосточное положение. Ссылаясь на свой нейтральный статус, Туркменистан единственным из стран региона не подписал с НАТО и США договоров о транзите из Афганистана, и эта закрытая республика, как и в течение двух последних десятилетий, когда она принимала незначительное по сравнению со своими соседями участие во внутриафганских распрях, надеется сохранить прежний уровень отношений с правящим режимом Афганистана вне зависимости от того, какие силы придут там к власти после 2014 г. Афганистан еще долго будет зависеть от туркменского топлива (которое в настоящее время поставляется в виде бензина и сжиженного газа в несколько провинций

ИРА) и электроэнергии. В Ашхабаде поэтому полагают, что усилия по строительству газопровода для транспортировки туркменского газа и среднеазиатских энергетических ресурсов в Пакистан через территорию Афганистана будут способствовать стабильным отношениям с Кабулом. Туркменистан остается также одним из важнейших маршрутов транзита афганских торговых грузов в Европу.

Для Казахстана в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков, сопряженных с возможностью начала там гражданской войны, заметно ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и МССБ и передачи ответственности за поддержание безопасности в стране афганским национальным силам могут негативно сказаться и на Казахстане, юг которого тесно взаимосвязан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном государствах региона может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны ИРА, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму участия России в защите своего союзника.

Некоторые тревожные звонки уже прозвенели, и Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытывает в последние годы проблемы с обеспечением внутренней безопасности. 17 мая 2011 г. впервые в новейшей истории этой республики произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты последовали в таких крупных городах и областных центрах, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз. С 1 января по 21 сентября 2012 г. в Казахстане было проведено пять антитеррористических операций по обезвреживанию предполагаемых террористов, большинство из которых были убиты. Ответственность за террористические акты взяла на себя неизвестная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата» («Jund al Khalifah»), имевшая связи с «Аль-Каидой». Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы оттуда активно направляют боевиков (как правило, этнических казахов) в Казахстан для вербовки новых членов и давления на власть. Обращает на себя внимание тот факт, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Н. Назарбаева. Участились и ужесточились нападения исламистов и после того, как Казахстан пошел на

радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз (ТС), стал строить с Москвой Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Руководство Казахстана не исключает возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе при помощи организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах страны, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, происходит быстрая радикализация ислама. Замечена там спецслужбами и деятельность запрещенной исламистской организации «Хизб ут-Тахрир», зафиксировано появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием. Другими словами, многое говорит о том, что Казахстану не удастся оставаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе в форме религиозного экстремизма, и опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства.

Казахстан до 2012 г. занимал приоритетное место в центральноазиатской стратегии Соединенных Штатов. Однако с вступлением в силу Таможенного союза и Евразийского экономического пространства, участниками которых вместе с Казахстаном являются Россия и Беларусь, это государство будет интересоваться США / НАТО в переходный период (до 2014 г.) в основном только как экспортер энергосырья. Это не исключает в дальнейшем попыток оказать давление на руководство Казахстана, в том числе через прозападно настроенную элиту, в целях переориентации республики с постсоветских интеграционных проектов в направлении программ, финансируемых и лоббируемых Западом.

В случае выхода Узбекистана из ОДКБ граница Казахстана станет ее южным рубежом, а экономическая интеграция в рамках ТС и ЕЭП может быть усилена за счет военно-политической составляющей. Теоретически экономическая и политическая интеграция на основе создания Россией и Казахстаном общего экономического пространства может получить качественно новый импульс в случае возникновения серьезных угроз безопасности, требующих мобилизации и высокой координации усилий в борьбе с ними. При таком развитии событий верх возьмет сценарий углубления экономической интеграции при сохранении и России, и Казахстана в качестве суверенных государств с независимой внутренней и внешней политикой.

В связи с тем, что именно на Россию и Казахстан ложится главная ответственность за поддержание стабильности в Центрально-Азиатском регионе, необходим незамедлительный и углубленный двусторонний диалог. Его целью должны стать обсуждение путей противодействия деструктивным глобальным и региональным тенденциям, активизация действующих структур безопасности, превращение их в реально работающие механизмы.

Очевидно, что стратегию ответа на внешние вызовы и риски центральноазиатским государствам трудно будет выработать без внешней помощи. Такую помощь может предоставить Россия, которая осознает степень своей ответственности и пытается играть в Центральной Азии на опережение, используя различные инструменты – структуры ОДКБ и экономические интеграционные проекты (Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский союз).

*«Вестник Московского университета. Международные отношения и мировая политика. Сер. 25»,
М., 2013 г., № 2, с. 105–123.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В. Иваненко,

кандидат исторических наук (РИСИ)

ИРАН. ИТОГИ ПРАВЛЕНИЯ М. АХМАДИНЕЖАДА И ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА

Восемь лет пребывания М. Ахмадинежада на посту президента Ирана стали наиболее напряженным периодом как во внутривнутриполитической жизни, так и во внешней политике страны после окончания ирано-иракской войны (1980–1988). К моменту его избрания президентом в 2005 г. в иранском обществе заметно усилилось социальное расслоение, а при нем этот процесс пошел еще более высокими темпами. Не без участия М. Ахмадинежада и ведомых им «неоконсерваторов» произошел серьезный раскол в духовно-политической элите страны. Значительно более весомую, чем раньше, роль в политике и экономике страны стал играть Корпус стражей исламской революции (КСИР), который почти превратился в «государство в государстве»¹.

При М. Ахмадинежаде Запад предпринял попытку инициировать в Иране одну из первых «цветных революций» на Ближнем Востоке, опередившую известные процессы в этом регионе, объединенные термином «арабская весна». И хотя так называемое «зеленое движение» в ИРИ потерпело поражение, оно внесло серьезные изменения во внутривнутриполитические расклады в стране.

¹ КСИР был сформирован в 1979 г. из военизированных отрядов исламских революционных комитетов. Корпус принимал активное участие в ирано-иракской войне как наиболее преданное исламскому режиму военное формирование, в отличие от созданной при шахе армии. Главнокомандующим КСИР является Верховный лидер Ирана. КСИР представляет собой единственную в стране силовую структуру, обладающую широкими религиозными, политическими и военными полномочиями, а также имеющую собственную экономическую базу.

В годы правления М. Ахмадинежада Иран настолько продвинулся в своей ядерной программе (ИЯП), что стал первым государством на Ближнем Востоке, имеющим собственную АЭС, повысив тем самым свой региональный статус. Однако ИЯП, недоказанная военная составляющая которой стала ключевым моментом критики Ирана мировым сообществом, превратилась в одну из главных проблем для страны. В эти годы против Ирана Совбезом ООН, а затем и Евросоюзом был введен режим коллективных санкций. Во время второго срока президентства М. Ахмадинежада антииранские санкции перешли черту, до которой их хотя бы формально можно было относить на счет ИЯП. Стала очевидной их основная цель – нанести удар по экономике Ирана, способный вызвать в стране массовое недовольство правящим режимом. В результате этих усилий, наложившихся на экономические просчеты правительства ИРИ, к концу президентства М. Ахмадинежада социально-экономические трудности в стране достигли апогея.

В феврале 2009 г. ИРИ стала космической державой, выведя с помощью сконструированной иранскими специалистами двухступенчатой ракеты-носителя «Сафир-2» на низкую околоземную орбиту первый национальный искусственный спутник Земли «Омид».

При М. Ахмадинежаде же политическая напряженность вокруг Ирана перешла в новое качество – военное противостояние. Оно было вызвано введением Евросоюзом с 1 июля 2012 г. нефтяного эмбарго против Ирана и ответной угрозой Тегерана перекрыть Ормузский пролив. Это повлекло за собой подтягивание к границам Ирана крупных военно-морских сил США и их союзников и балансированию на грани войны и мира. Военная напряженность вокруг Ирана продолжала сказываться как на внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране, так и на всей системе региональной безопасности.

После восьми лет пребывания на посту президента «неоконсерватора» на состоявшихся в Иране 14 июня 2013 г. президентских выборах, результаты которых стали неожиданностью для наблюдателей, победил «реформатор» – Х. Рухани. Будучи секретарем Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) ИРИ, он зарекомендовал себя гибким политиком (в 2003 г. по указанию А. Хаменеи он стал главным переговорщиком по иранской ядерной программе). Одним из главных его предвыборных обещаний было налаживание диалога с Западом, а фоном – критическая си-

туация в экономике Ирана, в значительной мере вызванная ужесточением санкционного режима. При всех перипетиях и сюрпризах предвыборной кампании и самих президентских выборов выход из политической тени во главу исполнительной власти ИРИ фигуры, подобной Х. Рухани, выглядит вполне логичным. И хотя в иранских реалиях далеко не все зависит от позиции президента страны, Х. Рухани может сыграть важную и не вполне предсказуемую роль в дальнейшем развитии ситуации в Иране и вокруг него.

М. Ахмадинежад – принципиально новая фигура во главе исполнительной власти ИРИ

С момента избрания президентом Ирана аятоллы А. Хаменеи в 1981 г. и по 2005 г., т.е. в течение почти четверти века, во главе исполнительной власти ИРИ находились представители высшего иранского духовенства. Аятоллу А. Хаменеи, избранного Верховным лидером Ирана после смерти имама Хомейни, на посту президента сменяли ходжат-оль-эсламы (второй по значению после аятоллы титул в исламской теологической иерархии) А. Хахеми-Рафсанджани и С.М. Хатами. Избранию М. Ахмадинежада президентом Ирана в 2005 г. предшествовало два срока президентства лидера иранских «реформаторов» М. Хатами. Его кабинет не преуспел в решении социально-экономических проблем, что в принципе является ахиллесовой пятой любого иранского правительства, каждое из которых, наследуя трудности и просчеты предыдущего, присовокупляет к ним свои собственные. Причины этого лежат не только в нефтезависимом характере иранской экономики, но и в патронате высшим духовенством экономической деятельности исполнительной власти, а также в практике решения правящими группировками внутривнутриполитических задач с помощью экономических механизмов.

Высшее иранское духовенство всерьез опасалось социальных последствий президентства М. Хатами. Чтобы удержать режим от «раскачивания», нужен был президент, не ассоциировавшийся напрямую с духовной элитой страны. Поэтому выбор пал на «неоконсерватора», мэра Тегерана М. Ахмадинежада – ставленника КСИР. «Неоконсерваторы» имели еще одного кандидата в президенты – руководителя Организации радио и телевидения ИРИ А. Лариджани, связанного семейными узами с высшим духовенством теологического центра Ирана – Кума. Однако предпоч-

тение было отдано первому, а А. Лариджани пошел на выборы как кандидат от «консерваторов».

Главной интригой выборов было: кто из двух консервативных кандидатов возьмет верх – экс-президент ИРИ и экс-спикер парламента А. Хахеми-Рафсанджани или молодой, энергичный «неоконсерватор» М. Ахмадинежад. На вершине иранской духовной пирамиды выбор был сделан в пользу «свежей крови» в политике. В предвыборной кампании активно использовался административный ресурс – указания госслужащим и военным голосовать за М. Ахмадинежада, агитация в местных мечетях, «канализация» голосов членов многочисленной полувоенной организации «Басидж» и т.п.

Были и объективные причины победы мэра Тегерана на президентских выборах. М. Ахмадинежад подчеркивал, что он является «сыном крестьянина», а это давало ему поддержку малообеспеченных слоев населения. Естественно, что большинство мест в правительстве М. Ахмадинежада заняли выходцы из КСИР. Однако А. Хаменеи, придерживающийся тактики управляемого баланса во власти, почти сразу запустил систему «политических противовесов» президенту. А. Лариджани был назначен секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана, а затем избран председателем иранского парламента (меджлиса). А. Хахеми-Рафсанджани не без участия Верховного лидера занял два важных поста в духовной иерархии ИРИ – председателя Совета по целесообразности принимаемых решений и председателя Совета экспертов.

За первые четыре года правления М. Ахмадинежада КСИР приобрел огромное политическое и экономическое влияние в стране и стал успешным конкурентом верховному духовенству. Корпус, выходцы из которого составляли примерно треть состава меджлиса, получил возможность назначать министров, губернаторов и других госчиновников высшего и среднего уровня. При непосредственном содействии М. Ахмадинежада Корпус взял под контроль 2/3 всего народного хозяйства Ирана. Ксировцы возглавили также несколько крупнейших иранских исламских фондов. Корпус выдавил принадлежащие аятоллам фонды из многих прибыльных проектов, что привело к подрыву экономической независимости высшего духовенства. При М. Ахмадинежаде обозначилось и внутреннее расслоение в клерикальной элите. Началась деформация «структурной решетки» режима, что в силу постепенности нарастания этих процессов не было вовремя замечено на

самой вершине иранской духовно-политической пирамиды. Таким образом, М. Ахмадинежад уже тогда вольно или невольно начал разваливать правящий в Иране режим.

Первый срок его президентства ознаменовался ужесточением позиции Тегерана по ИЯП. В 2006 г. иранцы, строившие с помощью России АЭС в Бушере, ввели в строй предприятие по выработке «тяжелой» воды в Араке, отказались «замораживать» работы по ядерному обогащению. Это послужило толчком для введения Совбезом ООН коллективных санкций против Ирана, противоречащих международному праву: международные санкции могут применяться только после того, как то или иное государство нарушает свое международно-правовое обязательство, норму международного права или совершает международное противоправное деяние, – ни в чем подобном Тегеран пока замечен не был. При обсуждении ИЯП в Совбезе ООН и в других международных форматах «западники» вообще сбрасывали со счетов то, что Иран, заканчивавший с помощью России строительство АЭС в Бушере, подчеркивал свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия.

Поводом для принятия соответствующих резолюций СБ ООН были доклады МАГАТЭ, находящегося под влиянием США, и неуступчивость Тегерана в вопросах обогащения урана. Главный «аргумент» давления на Иран – «озабоченности» по поводу его «предполагаемых» ядерных исследований, имеющих якобы военную направленность. О том, что эти «озабоченности» не имеют ничего общего с реальностью, свидетельствует, например, подготовленный в марте 2013 г. Американским разведывательным сообществом доклад по оценкам мировых угроз. В нем четко зафиксировано отсутствие у его авторов данных, подтверждающих реальные намерения Тегерана добиться обладания ядерным оружием. Не отмечено также и фактов использования имеющихся у Ирана расщепляющихся материалов в военных целях.

За нагнетанием напряженности вокруг ИЯП стоит очевидное стремление Вашингтона восстановить утраченный в конце 70-х годов прошлого столетия контроль над этой страной и ее энергоресурсами. Смена режима в Тегеране позволила бы расширить набор источников внешнего энергетического снабжения экономики США и усилить позиции Вашингтона в глобальном противостоянии с Пекином (Иран поставляет Китаю 20% добываемой в стране нефти). Неизбежно пострадают и энергетические интересы России. Вполне осознавая прозрачность своей линии на смену власти в

Иране, в Вашингтоне считали необходимым убеждать руководство Ирана в том, что США не ставят перед собой такой задачи. Тем не менее в период с 1989 по 2010 г. в США был принят целый ряд нормативно-правовых актов соответствующей направленности в отношении Ирана. Одним из объяснений их применения является «стремление обеспечить выполнение резолюций Совбеза ООН». Таким образом, США взяли на себя функцию содействия реализации решений ООН, не будучи уполномоченными на то самой организацией.

Во внутриэкономическом плане М. Ахмадинежад уже в конце 2006 г. приступил к выполнению программы, предполагавшей «справедливое и равномерное» распределение среди иранского населения доходов, получаемых от нефтяного экспорта. Она нанесла серьезный удар по иранской экономике и показала нестыковку популистских экономических программ с объективными потребностями экономики страны. К середине 2008 г. предшествовавшего очередным президентским выборам, началось устойчивое снижение роста иранской экономики. Все сильнее ощущалось расслоение между бедными и богатыми. По данным на 2008 г. 20% населения сосредоточило в своих руках 70% финансов страны, в то время как 60% населения находилось на черте бедности или за ней.

Эта ситуация впоследствии позволила оппозиции привлечь на свою сторону молодежь и средние городские слои, которые составляют бóльшую часть населения ИРИ. Немаловажную роль сыграло их недовольство ограничениями в поведении, ношении одежды и устройством общественной жизни в целом. На таком фоне западные политтехнологи предприняли попытку расшатать существующий в Иране режим. «Оперативным поводом» для этого стали президентские выборы 2009 г. Началась массированная обработка населения Ирана через Интернет и телевидение в интересах главного кандидата от «реформаторов» – М. Мусави. Западные СМИ настолько убедительно пророчили ему «неизбежную победу», что М. Мусави объявил о ней еще до начала подсчета голосов. Тем не менее, по официальным данным, М. Ахмадинежад победил с большим преимуществом – 63% голосов против 34% у М. Мусави.

Сразу после объявления итогов голосования М. Мусави заявил о подтасовке его результатов и призвал своих избирателей выйти на улицу. Проект «зеленая революция в Иране», таким образом, на два года опередил запущенный событиями в Тунисе в

2011 г. проект «арабская весна». Протестное «зеленое движение» возглавили экс-президент ИРИ М. Хатами и проигравшие на президентских выборах кандидаты от реформаторов. Массовые выступления «зеленых» проходили почти во всех крупных городах республики и сопровождались жертвами с обеих сторон. Инициаторами столкновений стали не силы правопорядка, которые поначалу кое-где были просто смяты, а демонстранты, чему автор был очевидец. К «зеленым» присоединилась изначально антимонархическая «Организация моджахедов иранского народа». Одновременно они получали помощь от влиятельной иранской диаспоры на Западе, большинство которой составляют монархисты.

В течение года «зеленое движение» было подавлено полицейскими мерами, массовыми арестами участников демонстраций, в особенности студентов, и другими средствами. Тем не менее главной причиной его неудачи было отсутствие широкой поддержки населения. «Зеленому движению» западной пропагандой были подброшены и антироссийские лозунги, сводившиеся к тому, что Россия-де помогла М. Ахмадинежаду победить на выборах. Они «подкреплялись» следующим логическим построением: выборы состоялись 12 июня, а уже 16 июня он полетел в Россию (с отчетом, за поздравлениями и т.п.). На самом деле М. Ахмадинежад просто посетил с визитом Екатеринбург, куда значительно раньше был приглашен на саммит Шанхайской организации сотрудничества. В целом упомянутые лозунги распространения не получили, хотя и были попытки проводить в Тегеране демонстрации около российского посольства, которые успешно пресекались органами правопорядка.

Американская администрация поставила под вопрос легитимность выборов в Иране и осудила насилие в ИРИ. Аналогичных подходов придерживались и другие страны Запада. Б. Обама заявил, что репрессии в Иране повлияют на характер диалога с этой страной. На этом фоне уже меньше чем через месяц после объявления итогов выборов замаячила перспектива введения против Ирана новых санкций.

Второй срок президентства М. Ахмадинежада

Выступления «зеленых» серьезно отразились на расстановке политических сил в Иране. Недовольство части высшего духовенства М. Ахмадинежадом выразилось в том, что в поддержку оппозиции высказались многие аятоллы и другие видные духовные

деятели Ирана. В то же время Верховный лидер ИРИ, его окружение и представители в провинциях поддерживали президента. Иранское духовенство разделилось на два лагеря. Перевес в его руководящем звене оказался на стороне группы А. Хаменеи. Многие оппозиционные муллы были лишены сана, подверглись гонениям, нападениям и т.п. Пострадал и председатель Совета по целесообразности принимаемых решений А. Хашеми-Рафсанджани, который поддержал «реформаторов». Он был вынужден уйти с другого ключевого поста – председателя Совета экспертов, что заметно ослабило позиции реформаторского лагеря.

После победы на выборах 2009 г. М. Ахмадинежад стал демонстрировать свою независимость от А. Хаменеи. Дело доходило до публичных столкновений между Верховным лидером и президентом, выражавшихся, в частности, в том, что первый отменял кадровые инициативы второго. Одновременно он продолжал использовать политические «противовесы» М. Ахмадинежаду, такие, как клан Лариджани, представители которого, братья Али и Садек, возглавили соответственно законодательную и судебную власть ИРИ. А. Лариджани удалось сформировать в меджлисе многочисленную и влиятельную антипрезидентскую группу депутатов, противодействовавшую наиболее одиозным экономическим и кадровым инициативам М. Ахмадинежада. Однако такого рода меры привели к усилению конфронтации в верхних эшелонах власти Ирана.

Второй срок президентства М. Ахмадинежада ознаменовался и ужесточением режима международных санкций. В 2010 г. Иран добился 20%-ного обогащения урана (для создания ядерного оружия, которое можно использовать с помощью существующих средств его доставки, необходимо обогащение ^{235}U до 90%). В июне 2010 г. Совбез ООН принял резолюцию 1929, которая, в отличие от предыдущих, вводила запреты на экспорт в Иран ракет и ракетных систем, бронетанковой техники, боевых самолетов, вертолетов и запчастей к ним. В ней прописаны пути экономического прессинга Ирана, затрагивающие его энергетический и нефтехимический секторы, а также финансовую сферу. Содержание нового пакета санкций вышло далеко за рамки решения непопулярных задач.

Продолжением политики коллективных санкций, введенных Совбезом ООН, стали аналогичные шаги Евросоюза. Введенные Евросоюзом под давлением США в 2010 г. санкции несли в себе серьезную угрозу экономическому потенциалу Ирана и были для

него более чувствительными, чем аналогичные шаги, предпринимаемые Вашингтоном, не имеющим официальных торгово-экономических отношений с Ираном. Наиболее чувствительным для иранцев направлением применения этих санкций было блокирование иностранных инвестиций в нефтегазовый сектор ИРИ.

В экспертном сообществе превалирует мнение, что основной причиной ужесточения антииранских санкций было объявление Тегераном о выходе на 20%-ный уровень обогащения урана. Мы, однако, не считаем случайным и то обстоятельство, что принятие в июне 2010 г. Совбезом ООН резолюции 1929 совпало с затуханием «зеленого движения» в ИРИ. Другими словами, за провалом свержения режима в Иране политическими средствами начался новый раунд его расшатывания – экономическими методами.

Санкционное давление на Иран достигло апогея и приобрело новое качество в конце 2011 – начале 2012 г. В ноябре 2011 г. МАГАТЭ опубликовало доклад, в котором вновь была сделана попытка доказать, что в Иране готовятся к производству ядерного оружия. В докладе было много неясностей, очень слаба его доказательная база, не позволяющая делать однозначные заключения. Там приводились факты, которые были известны уже в течение семи-восьми лет, но они квалифицировались как «качественно новые» в ситуации вокруг иранской ядерной программы.

Этот доклад тем не менее послужил поводом для введения Евросоюзом в июле 2012 г. нового пакета коллективных санкций – самого жесткого с 2006 г. Его основным элементом было эмбарго на поставки в Европу нефти из Ирана. Расчет был сделан на то, что ИРИ получает от экспорта нефти, пятая часть которого поступала в европейские страны – 80% дохода в иностранной валюте. Были также введены ограничения на проведение сделок с участием Центрального банка Ирана. 15 октября 2012 г. Совет ЕС по иностранным делам принял новый пакет санкционных мер в отношении Ирана, который предусматривал эмбарго на поставки иранского газа странам – членам ЕС, запрет для резидентов Евросоюза использовать принадлежащие им суда для транспортировки и хранения иранской нефти и нефтепродуктов, а также расширение списка запрещенных к поставке в Иран товаров.

Санкции нанесли заметный урон иранской экономике. В 2012 г. ИРИ потеряла свыше 40 млрд долл. экспортных доходов. Продажа нефти Ираном упала на 40%. Санкционное давление вынудило Тегеран выработать ответные меры по защите экономики страны. Основными принципами программы противодействия

санкциям стали опора на внутренние ресурсы, ограничение импорта, развитие местного производства и достижение независимости в стратегически важных отраслях экономики.

Нарастающее внешнее давление, сопровождаемое военными угрозами, а также региональные амбиции иранского руководства в период президентства М. Ахмадинежада стимулировали развитие в стране собственной ракетной программы. Поскольку Иран находился в эпицентре информационно-идеологического штурма со стороны Запада и Израиля, космической составляющей этой программы приписывались несуществующие (во всяком случае, на сегодняшний день) военные возможности, а опасность применения тактических ракет сильно преувеличивалась.

Как упоминалось выше, 2 февраля 2009 г., т.е. накануне окончания первого срока президентства М. Ахмадинежада, ИРИ, выведя с помощью сконструированной иранскими специалистами двухступенчатой ракеты-носителя «Сафир-2» на низкую околоземную орбиту первый национальный искусственный спутник Земли «Омид», стала космической державой. В то же время недостаточная мощность двигателя первой ступени ракеты-носителя делает невозможным трансформацию «Сафира» в межконтинентальную баллистическую ракету (МБР). Любые попытки Тегерана испытать МБР потребуют проведения пусков за пределы своей территории. Это исключает «внезапное» появление у Ирана ракет такого класса.

Руководство ИРИ уделяло и уделяет много внимания совершенствованию тактического ракетного оружия как сдерживающему фактору против возможной военной агрессии. Иранская ракетная программа сохраняет региональную направленность. Она в первую очередь ориентирована на сдерживание Израиля от применения в отношении Тегерана военной силы. Однако данная программа стала использоваться США и НАТО как предлог для развертывания ПРО в Европе, по сути, направленной против России, а не против Ирана.

Второй срок президентства М. Ахмадинежада ознаменовался и первой после ирано-иракской войны реальной военной угрозой для Ирана. В ответ на объявление Евросоюзом в январе 2012 г. решения ввести против Ирана нефтяное эмбарго Тегеран пригрозил перекрыть Ормузский пролив, по которому проходит около 40% экспорта нефти и нефтепродуктов из региона Ближнего Востока. После этого американская авианосная группировка вышла через этот пролив в Аравийское море. Туда стали стягиваться и

другие военные корабли США, а также Великобритании. Объявлялись различные даты нанесения ударов по Ирану. При этом Тель-Авив требовал у Вашингтона сделать это как можно скорее и заявлял о своей готовности нанести удар по иранским ядерным объектам. Взрывоопасность ситуации подогревалась и заявлениями А. Хаменеи о том, что «не нужно дожидаться, пока Израиль нанесет удары по ядерным объектам страны, поскольку у Ирана есть основания для превентивного удара по Израилю».

Военная напряженность вокруг ИРИ изменила обстановку в регионе. Кроме конфронтации в районе Персидского залива с американским флотом большое беспокойство у иранского руководства вызывало присутствие почти 70-тысячного военного контингента США на территории Афганистана. Тегеран опасался также использования американцами территорий центральноазиатских стран для военных действий против Ирана. Командование КСИР заявляло о том, что Иран сам нанесет удар по любой стране, территория которой будет использована врагом для нападения на ИРИ.

Иранцы были также обеспокоены тем, что поддержка американским операциям против них может осуществляться с территорий Грузии и Azerbaijan. Для этого имелись серьезные основания, такие, например, как строительство подходящих для этого военных объектов в Грузии. В самый разгар ормузского кризиса Израиль обязался поставить Azerbaijanу партию беспилотников, способных, кроме разведывательной аппаратуры и средств электронной борьбы, нести ракеты класса «воздух-земля» и глубинные бомбы. Причем все они должны были до дня «Х» находиться под контролем израильских специалистов.

С самого начала сирийского конфликта Тегеран начал активно противодействовать попыткам США и НАТО свергнуть режим Асада. Его действия продиктованы тем, что Дамаск – давний союзник Тегерана на палестинском направлении, один из его главных «коридоров» в арабский мир, противовес конфронтационно настроенным по отношению к Ирану монархиям Персидского залива. Испытывая жесточайший внешнеэкономический пресинг, в декабре 2011 г. Тегеран тем не менее предоставил Дамаску помощь на сумму 5,8 млрд долл., а в 2012 г. изыскал возможности выделить правительству Б. Асада еще 10 млрд долл.

Европейские военные аналитики утверждали, что иранские военнослужащие, скорее всего кси́ровцы, были замечены на стороне правительственных сил в Сирии. Исключать этого нельзя,

тем более что на стороне сирийской оппозиции воюет или оказывает ей военную поддержку и помощь оружием целый интернационал: французы, турки, американцы, британцы, сирийское отделение движения «Братья-мусульмане» и др. Проецированные на Иран усилия США и их союзников по смене режима в Сирии, будучи прагматически оправданными с точки зрения интересов США, политически абсолютно аморальны, учитывая наносимый ими гуманитарный ущерб сирийскому населению и поощрение исламских экстремистов.

На острие натовской операции против Сирии находится Турция – один из главных экономических партнеров Ирана. В результате противоречий на сирийском треке отношения между двумя странами обострились. Тем не менее иранцы весьма аккуратно артикулировали свою позицию в отношении Турции, представляя ее не ударной силой, а жертвой НАТО в сирийском конфликте. Очевидно, Тегеран, поддерживающий с Анкарой тесные экономические связи, в любом случае рассчитывает сохранить ее в качестве своего приоритетного партнера.

К концу второго срока президентства М. Ахмадинежада региональная напряженность, созданная при прямом участии Вашингтона, вызвала серьезные политические, военные, экономические и отчасти внутренние социально-психологические проблемы для Тегерана и спровоцировала угрозу всей системе региональной безопасности.

2013 год: Пик внутриполитической напряженности

В Иране «лакмусовой бумажкой» для президентских выборов, как правило, становятся проводимые более чем за год до них выборы в меджлис. На прошедших в марте 2012 г. парламентских выборах сторонники Верховного лидера набрали свыше 200 из 290 депутатских мест. Остальные мандаты распределились между «центристами», группой М. Ахмадинежада и «реформаторами», которым удалось сохранить лишь номинальное присутствие в законодательном органе.

После парламентских выборов резко обострилась борьба между правительством и парламентским большинством, сопровождавшаяся взаимными обвинениями в коррупции, непрофессионализме, нанесении ущерба интересам страны, отставками ми-

нистов и даже арестами видных политических деятелей или их родственников. Подоплекой этого противостояния была борьба между группировками президента и Верховного лидера ИРИ. Сторонники М. Ахмадинежада, от которых дистанцировались «неоконсерваторы», стали самостоятельной политической силой.

Серьезные политические потери группировка М. Ахмадинежада понесла и в результате начавшихся после президентских выборов 2009 г. трений между президентом и командованием КСИР. Опасаясь излишней концентрации власти в руках Корпуса, М. Ахмадинежад неоднократно проводил «чистки» его командного состава. В декабре 2012 г. М. Ахмадинежад уже всерьез посягнул и на экономические интересы КСИР. Он обратился к командованию Корпуса с просьбой продать часть его активов, «чтобы помочь экономике страны». В ответ на это Корпус начал кампанию против президента, которого сам выдвинул на этот пост в 2005 г. и поддержал в 2009 г.

В 2013 г. экономическая ситуация в Иране серьезно ухудшилась. Только за год закрылось около 1200 предприятий, что пополнило армию безработных примерно на 100 тыс. человек. Резко упал курс иранского риала, что вызвало стремительное повышение цен на продовольственные товары и сильно ударило по простым иранцам. До определенного времени официальная позиция Тегерана заключалась в том, что санкции не могут нанести экономике страны серьезного урона. Но в начале 2013 г. М. Ахмадинежад признал, что они послужили причиной неблагоприятного состояния экономики ИРИ. Он назвал запрет на экспорт сырой иранской нефти в Европу «нечестным приемом». На самом деле это не только «нечестный», но и противоправный прием, поскольку санкции или контрмеры не могут применяться с целью изменения существующего в том или ином государстве политического режима или оказания политического давления на правительство того или иного государства.

Парламентские выборы 2012 г. и последующие события показали, что у сторонников М. Ахмадинежада шансов победить на президентских выборах на легальном политическом поле было немного. М. Ахмадинежад, согласно конституции страны, участвовать в них не мог. Он видел своим преемником своего зятя и руководителя администрации президента Э.Р. Машаи. Однако утверждение Р. Машаи Наблюдательным советом было маловероятным. Других сильных фигур в окружении президента не было. М. Ахмадинежад запустил кампанию удержания власти, обернув-

шуюся проверкой на прочность режима. Выступая 12 февраля 2013 г. в Тегеране на праздновании 34-й годовщины исламской революции, он несколько раз выкрикнул: «Да здравствует весна!» – что было понято в стране как призыв к «иранской весне» по типу «арабской». В основе его замысла лежало противопоставление воли народных масс, выразителем интересов которых М. Ахмадинежад объявлял себя последние восемь лет, высшему иранскому духовенству.

Одной из особенностей правящего в ИРИ режима является то, что он не монолитен, а состоит из нескольких фракций, каждая из которых в свою очередь включает еще более мелкие группы, склонные время от времени менять свои взгляды. Позиция той или иной фракции может частично совпадать с позицией групп политиков, принадлежащих к другой фракции. Различия между ними зачастую неясны и не имеют четких границ по причине большой расплывчатости и неустойчивости, свойственных этим группам и альянсам. Фракционная структура, допускающая достаточно широкий разброс мнений и интересов, стала характерной чертой послереволюционного иранского политического истеблишмента и зачастую приводит, казалось бы, к алогичным политическим эволюциям в Иране.

Многолетний опыт наблюдения за динамикой ситуации на Среднем Востоке говорит о том, что Иран является одной из самых непредсказуемых стран данного региона. Причины этого кроются отчасти в национальном характере иранцев, у которых спонтанность соседствует с осторожностью, эмоциональный фактор – с расчетом, правда, имеющим их собственные ментальные параметры. Непредсказуемость иранцев неоднократно становилась причиной американских, европейских и наших просчетов в прогнозировании политических процессов в этой стране.

Выборы нового президента Ирана и их возможные последствия

Накануне президентских выборов 2013 г. в Иране сложилась сложная и взрывоопасная внутривнутриполитическая обстановка. В ходе избирательной кампании правящее духовенство Ирана решало несколько основных задач: перекрыть возможности сохранения во власти группировки М. Ахмадинежада, продемонстрировать миру поддержку населением исламского режима, а главное – избежать массовых беспорядков, подобных начавшимся после объявления

результатов выборов 2009 г. Одним из условий для этого могло стать проведение выборов в один тур.

Наибольшую опасность для режима представляли попытки М. Ахмадинежада выдвинуть кандидатом в президенты своего зятя, руководителя администрации Р. Машаи, и спровоцировать массовые выступления населения. Кандидатура Р. Машаи не прошла фильтр Наблюдательного совета, принимающего окончательное решение по постановке кандидатуры того или иного претендента на всенародное голосование. Однако это не ликвидировало опасности возникновения беспорядков. Снятие с выборов Р. Машаи, рискуя вызвать недовольство «реформаторов», «уравновесили» выводом из предвыборной гонки их безусловного лидера – бывшего президента ИРИ и действующего председателя Совета по целесообразности принимаемых решений А. Хашеми-Рафсанджани. (Именно «реформаторы» инициировали так называемое «зеленое движение», потрясшее Иран в 2009 г.) Но на этот раз в сохранении спокойствия были заинтересованы все кандидаты в президенты. Накануне выборов их избирательные штабы призвали свой электорат держаться в рамках закона независимо от итогов голосования.

К заключительной фазе выборов были допущены два представителя «реформаторов», в прошлом занимавшие высокие посты, но не пользующиеся особой популярностью в Иране, – бывший секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана и переговорщик по ИЯП Х. Рухани, а также вице-президент ИРИ М. Ареф. Позиции первого усиливались тем, что за ним стоит А. Хашеми-Рафсанджани. М. Ареф снял свою кандидатуру в пользу Х. Рухани, сконцентрировав весь реформаторский электорат на одном претенденте.

Из четырех же кандидатов в президенты от «консерваторов» снялся только один – экс-спикер меджлиса Г. Хадад-Адель. Никто из остальных – мэр Тегерана М. Галибаф, секретарь ВСНБ Ирана и переговорщик по ИЯП С. Джалили, а также главный советник А. Хаменеи по внешнеполитическим вопросам А. Велаяти – не смог пожертвовать своими амбициями в интересах общего дела.

Основные события предвыборной кампании развернулись на ее заключительном этапе. Меньше чем за две недели до выборов в реформаторской среде как следствие исключения из списков кандидатов А. Хашеми-Рафсанджани господствовали апатия и нежелание в них участвовать. Однако несколько энергичных выступлений Х. Рухани, в которых он делал упор на необходимости

налаживания отношений с Западом, плюс отсутствие единства у «консерваторов» вдохновили их противников. В повышении популярности Х. Рухани главную роль сыграло то, что в начале недели, предшествовавшей выборам, в его поддержку публично высказались А. Хашеми-Рафсанджани и человек номер два в реформаторской иерархии – экс-президент ИРИ М. Хатами.

Наплыв населения на избирательные участки (в основном за счет сторонников «реформаторов») был таким, что их работу пришлось продлить на целых 5 часов. Вопреки ожиданиям, явка избирателей на участки была высокой – 72,7%. Иранское руководство интерпретирует такие показатели как подтверждение веры населения в исламский режим. На наш взгляд, не последнюю роль здесь играет и то, что иранцы таким образом используют возможность добиться хоть каких-то перемен легальными средствами. Что же касается веры населения в исламский режим, то, очевидно, она уже не столь прочна, как это было раньше. Перед выборами А. Хаменеи заявил: «Если кто-то не хочет идти на выборы, чтобы поддержать исламский режим, пусть придет, чтобы поддержать свою страну». Так или иначе, политические процессы, происходящие сейчас в Иране, показывают необходимость адаптации исламского режима, представляющего собой достаточно архаичную форму правления, к изменившимся внутренним условиям и воздействию внешних факторов.

Х. Рухани набрал 50,8% голосов (при 50%, необходимых для победы в первом туре), М. Галибаф – 16,6, С. Джалили – 11,6, а А. Велаяти – всего 6,2%. Таким образом, «консерваторы» получили в сумме 34,4% голосов, не сумев даже приблизиться к результату Х. Рухани. Победе Х. Рухани способствовало и то, что многие иранцы голосовали не за «реформатора» Х. Рухани, а против «консерваторов», которые привели к власти и удерживали в ней М. Ахмадинежада, свергнувшего страну в состояние экономического кризиса и международной изоляции. Кроме того, на выборах президента Ирана в 2013 г. чуть ли не впервые не был включен административный ресурс, возможно, из опасений повторения событий 2009 г. или в силу каких-то других соображений.

После объявления победы Х. Рухани десятки тысяч жителей иранской столицы и других городов вышли на улицы отпраздновать это событие. Победу ему во многом обеспечили голоса молодой части электората (моложе 30 лет), доля которого составляет более половины населения страны. У иранцев появилась надежда

на перемены, в первую очередь связанные с ослаблением внешнего давления. После выборов в Иране резко вырос курс риала.

Любой политик, который пришел бы на смену М. Ахмадинежаду, «реформатор» или «консерватор», в первую очередь решал бы двуединую задачу спасения иранской экономики. Одна ее составляющая, причем более трудная, – обеспечить эффективное администрирование внутренних экономических механизмов после десятилетий их нерациональной эксплуатации. Как следует из предвыборных дебатов, у Х. Рухани нет на этот счет четкой программы. Вторая задача – выровнять отношения с Западом, в первую очередь с Вашингтоном, в интересах ослабления или даже снятия экономических санкций. М. Ахмадинежад в силу инерции американского политического мышления на эту роль не подходил, хотя и делал соответствующие «заходы»; ему приписывалось участие в захвате заложников – служащих посольства США в 1979 г.

Новый президент представляется для такой миссии вполне подходящей фигурой. Ходжат-оль-эслам Х. Рухани в свои 64 года является одним из самых «молодых» и нетипичных представителей духовной элиты ИРИ. Кроме теологического, он получил юридическое образование и защитил докторскую диссертацию в Каледонийском университете в Глазго. Владеет несколькими иностранными языками. Имеет опыт работы на важных государственных и дипломатических должностях. Будучи переговорщиком с иранской стороны по ИЯП, он проявил значительно больше гибкости, чем другие его коллеги. В 2003 г. при участии Х. Рухани была достигнута договоренность с тройкой европейских стран (Великобританией, Францией и Германией) о приостановке программы обогащения урана.

В Иране президент не определяет стратегию ни внешней, ни внутренней политики, это прерогатива Верховного лидера. Президент может действовать в пределах заданного ему сверху достаточно узкого коридора. Однако за годы нахождения у власти М. Ахмадинежада властная вертикаль в стране была заметно расшатана, что создает для США более благоприятные, чем раньше, условия для применения в отношении Ирана «мягкой силы» с целью изменения политических реалий в этой стране. Об этом говорит и высказанный недавно идеологом внешней политики США З. Бжезинским намек на то, что, «к счастью, существует лучший, если не идеальный вариант», имея в виду путь решения иранской проблемы без вооруженного вмешательства в страну.

Запад возлагает серьезные надежды на изменения во внешней политике Ирана в связи с избранием Х. Рухани. Президент США, хоть и с оговорками, в числе первых зарубежных лидеров поздравил его с победой на выборах. Ни одна из стран Запада не поставила под сомнения их результаты, как это делалось раньше. С другой стороны, Тегерану для выхода из экономического штопора необходимо наводить мосты с Западом. В связи с этим с достаточной долей уверенности можно предположить, что избрание Х. Рухани стало результатом не столько перипетий последних дней перед выборами, сколько задуманной заранее иранским руководством сложной политической многоходовки.

Рискуя повториться, еще раз напомним, что делать прогнозы политического курса Ирана на будущее – занятие неблагодарное в силу вышеизложенных причин. Тем не менее первые шаги и высказывания Х. Рухани в новом качестве позволяют сделать некоторые выводы о характере будущей власти и ее приоритетах, которые, естественно, будут корректироваться по мере их соприкосновения с политическими реалиями.

Очевидно, что не только в различных слоях населения Ирана, но и в определенных группировках духовной элиты, к которой ходжат-оль-эслам Х. Рухани имеет прямое отношение, созрело понимание того, что главные социальные угрозы правящему режиму продуцируются присущей ему консервативностью. На встрече с представителями иранского духовенства новый президент дал понять, что духовенство должно служить обществу, а не пытаться подстраивать его под собственные установки, к тому же достаточно противоречивые. Таким образом, если раньше духовенство пыталось строить общество «под себя», то Х. Рухани стремится приспособить духовенство к обществу – занятие абсолютно логичное в нынешних иранских условиях, но отнюдь не безопасное.

После инаугурации Х. Рухани представил предложения по составу своего кабинета, в котором преобладают технократы, ранее работавшие в правительстве А. Хахеми-Рафсанджани. Это недвусмысленно говорит о том, что экс-президент будет оказывать серьезное влияние на новое правительство, и о том, что из политического арсенала достают одну из старых обойм. В этом есть свои минусы и плюсы. Главная задача кабинета М. Рухани – выведение страны из экономического штопора. В свое время правительство А. Хахеми-Рафсанджани в решении экономических проблем не преуспело, и «новые старые лица» вряд ли смогут серьезно в этом помочь. С другой стороны, выход Ирана из экономического тупи-

ка в первую очередь зависит от преодоления разногласий с Западом, а именно А. Рафсанджани на протяжении многих лет был наиболее предпочтительной для него фигурой в иранской духовной элите. Это должно отразиться на отношении Запада к новому иранскому кабинету.

Избрание президентом «реформатора» при «консервативном» парламенте минимум на три года вперед создает для Ирана серьезную внутривластную проблему. Так или иначе, она будет решена, но в ходе ее решения для Х. Рухани важно добиться хотя бы минимального взаимопонимания с парламентским большинством. В противном случае вся его дальнейшая внутри- и внешнеполитическая деятельность столкнется с дополнительными трудностями, а это в свою очередь отразится на обстановке в стране.

Налаживание диалога с Западом также будет делом непростым, в частности, потому, что иранскому руководству необходимо «сохранить лицо», в том числе перед мощным антиамериканским лобби в Тегеране, не создать впечатления капитуляции и одновременно идти на уступки, без которых невозможно решить экономические проблемы страны.

Нужно отдать Х. Рухани должное – он сразу дал понять, что не собирается поступаться законным правом Ирана на обладание мирным атомом, и справедливо охарактеризовал мнимую «военную составляющую» ИЯП как пропагандистскую выдумку Вашингтона, реальной целью которой является оказание давления на иранцев. Он подкрепил свою позицию заявлением МИД Ирана о том, что Тегеран в ближайшее время подпишет с Россией соглашение о строительстве новой АЭС. Х. Рухани подчеркнул также, что Тегеран не приемлет американскую политику «кнута и пряника». Очевидно, что, поскольку США не считаются ни с чьими интересами, кроме собственных, «кнута» в их линии в отношении Ирана будет значительно больше, чем «пряника». Американские конгрессмены, несмотря на в целом позитивную реакцию Вашингтона на избрание Х. Рухани, 1 августа 2013 г. одобрили ужесточение санкций против Ирана, грозящее полностью блокировать продажу иранской нефти на мировых рынках к 2015 г. Диалог между Тегераном и Западом, в первую очередь Вашингтоном, будет неизбежно сопровождаться наступлением последнего на позиции России и Китая в Иране и в регионе.

Продвижение интересов России в Иране зависит не только от политического взаимодействия, которое, несмотря на имеющиеся разногласия, осуществляется на стабильно высоком уровне,

но и от экономического сотрудничества, к сожалению, сокращающегося в последние годы. Это происходит вопреки логике двусторонних отношений и имеющимся у Тегерана и Москвы возможностям направить данный процесс во взаимовыгодное русло. Очевидно, что описанное положение необходимо исправлять при новом иранском президенте, тем более что ядерная энергетика является самым перспективным направлением двустороннего взаимодействия.

«Москва», М., 2013 г., № 11, с. 159–171.

П. Малышев,

политолог (СПбГУ)

**СТРАНЫ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА
АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО
ЗАЛИВА В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ:
ИНТЕРЕСЫ И ЦЕЛИ, РОЛЬ, СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ**

Сирийский конфликт, переросший в полномасштабную гражданскую войну и давно вышедший за рамки региональной проблемы, уже долгое время приковывает к себе внимание ключевых игроков на мировой политической арене. Протестное движение в Сирии оформилось к марту 2011 г. и поначалу носило ненасильственный характер – люди на улицах требовали немедленных политических реформ и социальной справедливости, что было далеко не ново в условиях «арабской весны». Президент Башар Асад, обладавший реальной политической поддержкой среди большей части населения, тем не менее не стал открещиваться от реформ, поступил мудро и попытался «возглавить восстание», предложив политическую амнистию, перестановки в правительстве, снятие чрезвычайного режима. Несмотря на очевидное желание властей идти на уступки, в короткие сроки сирийский протест перерос в полномасштабную гражданскую войну с многочисленными жертвами среди мирного населения и реальной угрозой повторения «ливийского сценария». Эксперты справедливо отмечают, что определенную ответственность за кровопролитие несут консервативные круги сирийской политической элиты, пытавшиеся решить проблему с позиции силы вопреки президентскому слову. Тем не менее очевидно, что изначально в сирийских протестах большую роль играл внешний фактор, а страна стала заложницей политических интриг в борьбе за региональное влияние.

Сирийская проблема, в первую очередь, является ключом к решению «иранского вопроса» и поэтому представляет немалый интерес для ряда государств, прямо или косвенно заинтересованных в усилении своих позиций на Ближнем Востоке. В их число входит группа арабских стран, в литературе и СМИ обозначаемых обычно в качестве «стран-заливников» или же «монархий персидского залива» – это Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман, Бахрейн и Кувейт. С 1981 г. группировка «заливников» получила свое институциональное оформление в виде Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Этот региональный блок (исключительно военно-политического характера по своей сути) был задуман в качестве ключевого инструмента для реализации политики суннитских монархий на Ближнем Востоке и продвижения их идей в Лиге арабских государств.

Взаимоотношения стран ССАГПЗ с Сирией всегда имели неоднозначный характер. С приходом к власти Башара Асада Сирия постаралась изменить вектор отношений со странами Залива и перейти к сотрудничеству по ряду наиболее важных вопросов. Начался активный обмен государственными визитами, с мертвой точки сдвинулся ливанский вопрос, при турецко-катарском посредничестве инициированы не прямые переговоры Сирии с Израилем касательно возвращения Дамаску оккупированных Голанских высот, возобновлен переговорный процесс по примирению ФАТХа с ХАМАСом. Камнем преткновения в развитии сотрудничества Сирии с ССАГПЗ стало убийство бывшего ливанского премьера Р. Харири, вылившееся в международный скандал с обвинениями в адрес сирийского правительства и существенно осложнившее ситуацию. Показательно, что, не дожидаясь решения Международного трибунала по этому делу, арабские монархи сами предприняли активные шаги по «реанимированию» политического диалога с Дамаском, которые выразились в конкретных дипломатических действиях – возобновлении государственных визитов, официальных заявлениях о примирении и т.д. Помимо всего прочего, «заливники» выступили в качестве ключевых спонсоров в ряде строительных проектов в Сирии и вложили много-миллиардные инвестиции в бизнес и туристическую сферу. Очевидно, что до событий «арабской весны» в интересы ССАГПЗ определенно не входила смена режима в Сирии, так как это означало бы потерю всех политических и экономических дивидендов.

Кроме того, арабские монархи, вероятно, также понимали: отстранение Сирии от участия в регулировании региональных

проблем и излишний политический прессинг лишь создадут дополнительные условия для более тесного сотрудничества режима Асада и ливанской «Хезболлы» с Ираном. Можно сказать, в отношениях с Сирией до 2011 г. страны ССАГПЗ выбирают метод «пряника». Ситуация меняется, как только все арабские страны по цепочке охватывают волнения – отношения обретают диаметрально противоположный характер. Фактически, арабские революции, справедливо называемые в некоторых источниках «арабским цунами», кардинальным образом перевернули стратегии ведущих игроков.

Дойдя до Сирии, «арабская весна» оказалась удобным политическим инструментом для ССАГПЗ и, прежде всего, его бесспорных лидеров – Катара и Саудовской Аравии, которым они не побрезговали воспользоваться. Именно они разворачивают мощную информационную кампанию, пользуясь своим ресурсом медийного влияния в арабском мире, а также открыто начинают призывать к военному вмешательству во внутренние дела Сирии с целью защиты мирного населения» и свержения «кровавого режима» Асада. В этом вопросе ведущую роль на себя берет Катар. По итогам встречи в Каире глава МИД Катара Хамад бен Джасем Аль Тани заявил: «Мы выступаем за то, чтобы сирийский кризис решался в рамках ЛАГ, но иностранное вмешательство тоже вполне вероятно» (Росбалт: Катар; ситуация в Сирии может потребовать иностранного вмешательства). 15 января эмир Катара Хамад бен Халифа аль Тани в интервью телеканалу CBS News открыто выступил за военное вмешательство арабских стран для прекращения гражданского конфликта в Сирии (Голос России: Эмир Катара предложил ввести войска в Сирию). Заявления Катара были поддержаны всеми членами Совета летом на саммите в Эр-Рияде. Возникает вопрос: ради чего «заливники» принимают решение действовать в отношении Сирии по ливийскому сценарию? Видится очевидным, что в случае с Сирией аравийские монархии ставят на карту свои питерские достижения, а также наносят себе существенный материальный ущерб в обмен на конкретные политические цели, которые, по их мнению, в состоянии оправдать потери.

В первую очередь, к таким целям относится ослабление шиитского Ирана, давнего соперника суннитских монархий в борьбе за региональное влияние. Как уже упоминалось выше, «сирийский вопрос» является составной частью иранской проблемы. Сохранение режима Асада в Сирии необходимо Ирану для обес-

печения интересов национальной безопасности. Сирия являлась давним союзником ИРИ – поддерживала ее в войне с Ираком 1980–1988 гг., осуществляла широкое военное сотрудничество. Так, например, Иран активно участвовал в модернизации сирийской армии, а в 2001 г. в ходе визита Башара Асада в Тегеран было объявлено о придании сотрудничеству двух стран «стратегического характера». В декабре 2006 г., во время визита Ахмадинежада в Дамаск и его встреч с руководителями САР, отрядами палестинского сопротивления, и представителями ливанской «Хезболлы» было решено образовать общий фронт борьбы с Израилем и его западными союзниками в регионе. В тугой узел связались отношения Сирии и Ирана по ливанской линии. Поддержка «Хезболлы» и ливанских шиитов необходима Ирану для создания антиизраильского стержня и противостояния силам, поддерживаемым саудитами. Сирия имеет огромное влияние на «Хезболлу» и в силу своего удобного географического положения может напрямую участвовать в ее поддержке. Таким образом, ливанская «Хезболла» становится еще одним важным фактором в сирийской игре, который также является ключом к контролю над Ливаном. При падении режима Асада, которого активно добиваются заливные монархии, Иран окажется перед лицом суннитского «пояса безопасности» в составе Египта, Турции, Иордании, обновленной Сирии и ССАГПЗ, а также потеряет часть своего влияния в Ливане. В этом случае баланс сил в регионе изменится не в его пользу, что, безусловно, поставит под удар развитие иранской ядерной программы, и оставит Иран один на один с враждебно настроенными силами. Изоляция Ирана при помощи выведения из-под его влияния Сирии отныне возможна только с победой повстанческих сил, и переходом САР в пресловутый пояс безопасности «заливников».

Тесная связь правительства Асада с «Хезболлой» и его прямое участие в политической жизни Ливана является еще одним краеугольным камнем в отношениях Сирии с монархиями Персидского залива. Асад активно вмешивается в процесс формирования ливанского правительства, большинство мест в котором отводится представителям просирийских сил во главе с «Хезболлой», а суннитская верхушка во главе с Саадом Харири, поддерживаемая Саудовской Аравией и Катаром, находится в оппозиции. Убийство Харири-старшего в феврале 2005 г. привело к «кедровой революции», связанной с выводом сирийских войск из Ливана и долгим политическим кризисом. С того времени Ливан стал площадкой борьбы за власть и популярным местом для соревнования спец-

служб. На сегодняшний день «Хезболла» является единственной действительно мощной военной силой в Ливане и, что важно отметить, вписывает его в «шиитский треугольник» возглавляемый Ираном. Выключение Сирии из этого треугольника существенно облегчит «заливникам» процесс обретения контроля над следующей вершиной – Ливаном. Все предпосылки к этому уже созданы, раскручивается кампания по давлению на шиитскую общину, а оппозиционные силы консолидируются. Со сменой режима в Сирии позиции «Хезболлы» заметно пошатнутся, потеряв большую часть политического и финансового прикрытия, что, безусловно, необходимо странам ССАГПЗ и их «западным друзьям».

Если ключевые интересы «заливников» в сирийском конфликте вполне понятны, возникает резонный вопрос о средствах, к которым они прибегают для их осуществления. С учетом того, что вооруженное вмешательство не было санкционировано на уровне ООН, информационная война с использованием медиаресурса, а также дипломатическое давление становятся наиболее важными факторами в достижении целей Совета. Информационная пропаганда активно осуществляется двумя крупными телеканалами – «Аль-Джазира» и «Аль-Арабийя». Финансируемая Катаром «Аль-Джазира» обрела свою известность в качестве отличной пропагандистской машины уже давно, в период арабских революций в особенности. Во время освещения сирийского конфликта «Аль-Джазира» прославилась многочисленными постановочными роликами, активным вбросом непроверенной и заведомо ложной информации, а также новостными небылицами вроде «убийства высшего руководства Сирии». Телеканал «Аль-Арабийя», созданный и спонсируемый саудовцами, не отстает в этом плане. Особую известность, к примеру, получили абсурдные сообщения о масштабных учениях на территории Сирии с участием России, Китая и Ирана, а также драматическое освещение бегства сирийского генерала Тласа, давнего сподвижника Хафеза Асада, которое было представлено в качестве фактической сдачи всего высшего руководства сирийской армии.

Поступок Тласа действительно стал довольно громким событием, которое освещали многие мировые СМИ. Летом 2012 г., выступая с речью на «Аль-Джазире», Тлас «как один из сыновей Сирийской арабской армии» призвал граждан своей страны «объединиться для построения свободной и демократической Сирии», а также обратился к «честным солдатам» переходить на сторону повстанцев. Примечательно, что генерал после своего бегства по-

сетил Саудовскую Аравию и встречался там с королем Абдаллой, заверяя последнего, что в случае падения режима Асада Сирия будет развиваться по саудовскому проекту.

В действительности, активная помощь повстанцам со стороны КСА давно не является тайной – участие саудовцев в деятельности Сирийского национального совета и повстанческой армии не ограничивается информационной и политической поддержкой. Главным фактором является именно поставка вооружения и боевиков. Огромные потоки оружия проходят через турецкую и ливанскую территории, также осуществляется контрабанда из Иордании и Ирака. Вместе с оружием в Сирию беспрепятственно проникают вооруженные группы, как правило, это иностранные наемные боевые отряды джихадистского толка, формируемые, по большей части, суннитами. С недавнего времени эти силы стали называться Свободной Сирийской Армией (ССА), которая составляет костяк повстанческих сил и является наиболее грозным оружием в их руках. ССА довольно разнородна по своему составу, тем не менее, известно, что подготовку боевиков осуществляют центры, созданные ранее на территории Иордании и Турции при поддержке США и финансировании Саудовской Аравии и Катара. Помимо всего прочего, активно ведется работа саудовских и катарских спецслужб в сотрудничестве с ЦРУ и западными разведками. Первичной задачей для них является разложение правящей элиты и армии Сирии, разведки и контрразведки, налаживание каналов по поставке вооружений из стран НАТО.

Очевидно, что с отсутствием прямого иностранного вмешательства, санкционированного ООН, конфликт в Сирии серьезно затягивается. Тем не менее в дипломатической сфере давление на правительство Асада в последнее время резко возросло. Не последнюю роль в этом сыграли именно страны ССАГПЗ. Крупное событие политического значения имело место в Дохе (что, кстати, также показательно и указывает напрямую на его организаторов) – с 5 по 9 ноября 2012 г. там проходили переговоры по поводу объединения сирийской оппозиции. Сирийский национальный совет (СНС), ранее признанный странами Залива и частично Лигой арабских государств (в которой сейчас, несомненно, лидерство «заливников») объединил вокруг себя другие оппозиционные силы в СНК (Сирийскую национальную коалицию), на основе которой позже планируется создать правительство «новой Сирии».

Генсек ССАГПЗ Абдул Латиф аль-Зайяни выступил с заявлением, что государства, входящие в данную ассоциацию, объявляют о признании «Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил» в качестве законного представителя «братского сирийского народа». В заявлении также говорится, что ССАГПЗ с нетерпением ждет аналогичного признания от других арабских стран и от мирового сообщества. Вслед за «заливниками» СНК признали члены ЛАГ, за исключением Ирака, Алжира и, конечно же, Ливана. Далее последовали официальные одобрения Вашингтона, Лондона, Берлина и Парижа.

Фактически, благодаря инициативе заливных монархий, чаша весов в сирийском конфликте медленно склоняется в сторону оппозиции – политическое прикрытие и признание Коалиции теперь обеспечено, поставки вооружений не прекращаются, а спонсорская помощь только увеличивается. Тем не менее, говоря о единстве «заливников» по этому вопросу, следует отметить, что среди «аравийской шестерки» не все государства одинаковым образом участвуют в решении сирийского кризиса. Наиболее сдержанной риторикой по отношению к Сирии характеризуется Оман и Бахрейн, так или иначе, затронутые арабскими революциями. Кувейт, в свою очередь, слишком занят собственными политическими проблемами, связанными с проходящими в стране выборами, к тому же находится в прямой зависимости от Саудовской Аравии, осуществляющей гарантии его безопасности наряду с США в отношениях с соседним Ираком.

К слову сказать, в Совете три вышеперечисленные страны почти всегда занимают ведомую позицию, если только принятие решения напрямую не противоречит их интересам. Говоря об ОАЭ и Бахрейне, важно отметить, что их интересы в Сирии могут быть подкреплены именно противоиранской направленностью. Отношения Бахрейна с Ираном усугубляются участвовавшими претензиями Исламской республики на королевство как на свою утраченную «четырнадцатую провинцию». Кроме того, очевидно участие Ирана в организации и поддержке протестов шиитов против существующей в Бахрейне власти в рамках «арабской весны», что только усилило антагонистические настроения в суннитском руководстве страны. ОАЭ, в свою очередь, заинтересованы в разрешении в свою пользу конфликта с Ираном за спорные острова в Персидском заливе, который длится уже без малого 40 лет и представляет собой объект для нападков Исламской республики.

Нет сомнения в том, что уровень политико-дипломатической активности стран ССАГПЗ на сирийском направлении больше все-таки зависит от финансовых возможностей каждого из государств Совета, а в этом отношении лидерами, безусловно, являются Катар и КСА, которые задают тон позиции всего блока. В действительности, эти два государства серьезно конкурируют между собой за место лидера в Совете, а в перспективе – и во всем арабском мире. На данный момент интересы на арабском Ближнем Востоке во многом совпадают, и точкой соприкосновения является именно сирийская проблема, в качестве ключа к гегемонии в арабском мире. Если планам ССАГПЗ под предводительством Катара и КСА суждено сбыться, и режим Асада падет, то можно будет говорить о том, что «заливная система безопасности» выйдет на новый уровень. Это приблизит Совет к реализации его смелых интеграционных планов и усилит его положение в противостоянии шиитскому Ирану, в перспективе вовлекая в противостояние с Турцией, которой также не чужды идеи господства на Ближнем Востоке.

*«Россия в глобальном мире»,
СПб., 2013 г., № 1, с. 36–45.*

**Е. Красникова,
политолог (РУДН, МИД РФ)
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМА
В КОРОЛЕВСТВЕ ИСПАНИЯ:
ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ**

Анализ некоторых исторических этапов развития древней европейской цивилизации, в частности, населявшей Пиренейский полуостров, позволяет оценить роль, которую арабо-мусульманский мир сыграл в становлении и развитии большинства европейских государств. Богатая культура, духовный опыт мусульманского мира оказал огромное влияние на историю развития европейского общества. В основе большинства традиций, обычаев, языковых и гастрономических особенностей, которые многие европейские страны сегодня называют «традиционно своими», лежит именно религиозно-этническое и духовное многообразие ислама, принесенного с собой мусульманами с Востока на европейский континент.

Таким древним межцивилизационным «мостом», соединившим Восток и Запад, стала Испания. Среди европейских стран именно на территории Испании и Португалии присутствие мусульман было наиболее продолжительным. Восемь веков (с 711 по 718 н.э.) землями сегодняшней Испании и Португалии владели арабы, перейдя через Гибралтарский пролив, и основав Кордобский халифат со столицей в Кордобе. Конечно, до появления мусульман на территории Испании в VIII в. н.э. уже обитали древние цивилизации – к примеру: в III тысячелетии до н.э. Пиренейский, или Иберийский полуостров населяли иберские племена. Однако именно ислам оказал наибольшее влияние на формирование цивилизационного этногенеза современного испанского общества, «покрыв» своей изящной и изысканной культурой почти весь полуостров.

Уже в средние века влияние ислама на Европу распространилось на большинство сфер жизни древнего общества, проживавшего на территории Европы: социально-культурную, торговую, научную, религиозную и др. По сей день тема влияния ислама или его отсутствия на развитие Европы остается весьма дискуссионной в научных и публицистических кругах на международной арене. Некоторые аспекты развития древнего общества Европы позволяют говорить о том, что ислам значительно обогатил Европу знаниями в различных областях наук, медицины, каллиграфии, литературы, музыки, искусства и др. В сфере естествознания – влияния арабских исследований на развитие медицины и астрономии; в области истории – дискуссии о влиянии ислама на генезис феодального строя в Европе; в области литературы – о соотношении восточных и европейских элементов в прованской лирике, о происхождении средневекового жанра фавлю, в области музыки – происхождение танца фламенко, который принято называть в Испании традиционно национальным.

Известный английский исламовед Уильям М. Уотт в одном из своих трудов упоминал, что высокая арабо-мусульманская культура проникла в Западную Европу через Испанию благодаря торговым связям и политическому факту присутствия мусульман в Испании и Сицилии.

Королевство Испания насчитывает десятки веков богатой и насыщенной истории развития своего государства. Анализ некоторых исторических этапов формирования позволяет проследить влияние мусульманского мира на историю развития общества на Пиренейском полуострове. Арабизм, как одно из проявлений бога-

той исламской культуры, начал проникать в диалекты Иберийского полуострова с началом мусульманского завоевания Пиреней в 711 г. н.э. Арабский язык получил статус государственного. В период расцвета мусульманской Испании классический арабский язык занял ведущие позиции в качестве научного и литературного языка, но он являлся родным языком лишь для очень ограниченного круга лиц, составлявших административную элиту мусульманских государств Иберийского полуострова.

В современном испанском языке насчитывается около 6000 слов, имеющих арабские корни. Следы арабского влияния обнаруживаются в фонетике, морфологии. Но коренные испанцы, каталонцы, об исторических корнях своего родного языка никогда не упоминают.

В современной Испании почти все является «слепком» арабского наследия (кухня, культура, архитектура, национальные танцы, язык, внешнее сходство коренных жителей некоторых автономий Испании и т.д.). Но коренные испанцы, равно как и жители других регионов, об исторических корнях своих национальных обычаев всегда скажут «это традиционно испанское». К примеру: танец фламенко, который испанцы называют исконно своим, уходит своими корнями в мавританскую музыкальную культуру. Существенно повлияла на этот стиль цыганская музыка – многие считают основными, истинными носителями стиля танца фламенко именно цыган.

К концу XX в. в Испании появились предпосылки для возникновения такого понятия и явления как диаспора. После смерти Ф. Франко в 1975 г. ислам начал свое возвращение на испанскую землю. Конституция 1978 г. положила конец монополии католичества. В 1980 г. был принят закон о свободе вероисповедания, который дал возможность другим религиям законно действовать и развиваться на территории страны. В это время исламские общины снова начали появляться на юге Испании, где сохранились памятники мусульманской эпохи. В дальнейшем ислам распространился и на другие регионы страны, в том числе и на Каталонию.

Изначально термин и явление «диаспора» (с греческого языка переводится как «рассеивание») относился к науке «Социология» и рассматривался посредством нее. В настоящее же время понятие «диаспора» включает в себе множество компонентов – этнокультурные, религиозные, экономические, политические и др. На разных этапах развития любого государства такое явление, как диаспора, может играть заметную роль в сохранении национальной

культуры и формировании самосознания, поскольку основой большинства диаспор является принцип этнического и религиозного самовыражения. Анализ влияния арабской культуры и языка на развитие Пиренейского полуострова позволяет проследить этапы образования мусульманской диаспоры на территории современной Испании.

В настоящее время мусульманские общины существуют более чем в 120 странах мира, в 35 из них они составляют свыше 80% населения (большинство из них находятся в странах Северной Африки и Западной Азии). Более 2/3 мусульман живет в Азии, где они составляют свыше 20% населения, почти 30% – в Африке (половина населения континента). Наиболее крупные по абсолютной численности мусульманские общины проживают в Индонезии, Индии, Пакистане и Бангладеш.

Современная мусульманская диаспора в Испании насчитывает около 1,3 млн человек (по состоянию на июль 2010 г.). Это около 2% всего населения Испании. Из них лишь 400 тыс. имеют право голосовать на выборах. Для сравнения, во Франции число иммигрантов-мусульман составляет 7–10% населения. Статистические данные свидетельствуют о неравномерном распределении мусульманского населения в Испании. Большинство мусульман проживают в Каталонии, в особенности в Барселоне. Значительное число их живет в Андалусии. Отдельно стоит упомянуть города Сеута и Мелилья. Это испанские полуанклавы, географически находящиеся в Марокко, включенные Мадридом в состав своих провинций (Сеута в Кадис, Мелилья в Малагу).

Для сравнения: по данным на конец 2010 г. Франция, как и в предыдущие годы, занимает первое место по численности мусульманской диаспоры – 5 млн человек (до 10% от общего числа населения). Второе место – Германия (4 млн. человек), третье – Великобритания (1,7 млн человек), Италия и Голландия (по 1 млн человек). В Европе по состоянию на конец 2009 г. проживает около 40 млн мусульман. Это больше, чем в Саудовской Аравии, где живет 24,9 млн мусульман. Данная цифра включает мусульман, проживающих в европейской части: России, а также в Центральной, Восточной и Западной Европе.

Большая часть мусульман в Европе являются частью коренных общин, которые на протяжении веков проживали там. К таким странам относятся, к примеру, Россия и Албания. Иммиграция же мусульман в Западную Европу началась всего несколько десятилетий назад. До конца 1940-х мусульман здесь практически не было

или было совсем немного (больше всего во Франции – 120 тыс. в середине 1920-х годов). Первая массовая миграция была связана с войной в Алжире (1954–1962 гг.). После вынужденного согласия Франции на провозглашение независимости этого североафриканского государства сотни тысяч местных мусульман воспользовались появившейся возможностью переехать в свою бывшую метрополию.

Наибольшее число мусульман Испании – это марокканцы или потомки марокканцев, родившихся в Испании, они составляют 71% всех мусульман страны, или приблизительно 800 тыс. человек, почти все из них сунниты. Следующие три страны, выходцы из которых составляют приблизительно 5% от всех мусульман Испании (по 50 тыс. человек приблизительно) – это Сенегал, Алжир и Пакистан. На последнем месте Саудовская Аравия (около 500 человек). Начиная с 80-х годов, наибольший наплыв мусульманского населения произошел в рамках объединения семей. Но уже в период с 1990 по 2000 г. можно было отметить серьезный рост числа мусульман за счет высокого уровня рождаемости в исламской среде.

Интересы мусульман в автономном округе Каталония представляет Мусульманский культурный совет Каталонии (МКСК). На территории Автономного сообщества действует более 170 мечетей, что составляет около половины всех религиозных мусульманских учреждений Испании. Однако большинство из них расположено в небольших помещениях на первых этажах зданий и даже в гаражах и зарегистрировано не как мечеть, а как культурный центр.

Особенностью испанских мусульман является то, что около половины выходцев из мусульманских стран не являются сторонниками радикального ислама. Однако подавляющее большинство из них отмечают национальные праздники. Его поддерживают только 5% испанских мусульман. Период активного «обживания» территории Каталонии радикальными исламскими организациями начался с 2002 г. Вслед за ними пришли и террористические организации, в первую очередь такие как: «Группа традиций, проповеди и борьбы», «Хизб ут-Тахрир», «Джамаа Таблиг».

В Испании функционирует организация «Хунта Исламика». На их сайте «WebIslam» публикуются умеренные исламские тексты. Лидером организации является Мансур Эскудеро (ранее являлся лидером главной мусульманской организации страны – Испанской исламской комиссии. Данное объединение представля-

ет всех мусульман страны перед официальными властями государства, оно было организовано в соответствии с законом 1992 г.

Первая и единственная исламская партия Испании готовилась выставить своих кандидатов на выборы в местные советы в 2011 г. Ее задачами было обеспечить представительство мусульман в руководстве муниципалитетов. Партию возрождения и объединения Испании возглавлял бывший журналист и профессор арабского языка Мустафа Баррак, который неоднократно заявлял о своей умеренной позиции и поддержке конституции и испанского народа. «Партия возрождения и объединения открыта не только для мусульман, но и для национальных меньшинств и иммигрантов. Пришел момент, когда испанские мусульмане, арабы, африканские иммигранты и не иммигранты должны освободиться от унижений», – сказано в его речи.

Глава Исламского совета Испании – Баррак рассчитывал добиться поддержки не только 1,3 млн мусульманских жителей Испании, но и иммигрантов, которые составляют около 11% местного населения. По данным консервативной испанской газеты «АВС», правительство не скрывает своего беспокойства по поводу создания новой партии, поскольку сейчас в стране проживает 1,3 млн мусульман, в том числе иммигранты из исламских стран, в частности, почти 700 тыс. выходцев из Марокко. Если же считать нелегальных иммигрантов, эта цифра может превысить 2 млн.

Необходимо отметить возрастающую роль и оказание влияния мусульманских диаспор, их общественных организаций на процесс принятия государственных решений в странах проживания. До конца 1990-х годов исламских политических партий в Европе не существовало. Сейчас они появились во Франции и Бельгии. В последней, с мая 2003 г. функционирует РСР (Партия гражданства и процветания), исповедующая радикальный ислам.

Демографы полагают, что к 2015 г. численность мусульман в Европе удвоится. Тенденции снижения рождаемости среди европейцев уступают высокому уровню рождаемости выходцев из стран Северной Африки, Ближнего Востока, других континентов. Ожидается, что к 2030 г. мусульман на планете будет не менее 2 млрд при общей численности населения в 8 млрд, т.е. четвертая часть всего населения (в 1900 г. мусульман насчитывалось лишь 4,2%).

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что влияние мусульманского мира на исторические этапы становления и формирования европейской цивилизации, в частности на Королевство

Испания, в целом гораздо больше, чем принято утверждать в политических и религиозных кругах на международной арене.

В последние годы в различных научных и публицистических сферах затрагиваются темы пересмотра общепризнанного факта европейского Возрождения и переоценки влияния исламского мира на эволюцию европейской цивилизации. Такие действия не лишены смысла. Во-первых, поскольку развитие цивилизации происходит циклично, то «выпадение» предыдущего событийного звена из общей цепочки исторического контекста выглядит излишне политизированным и религиозно надуманным. Во-вторых, с точки зрения вклада в общемировую культуру видится необходимым признать колоссальный вклад мусульманского мира в становление и формирование европейской цивилизации.

Для развития мирового сообщества, в целом, важным является аспект взаимного обогащения и взаимопроникновения культур между восточной и западной цивилизациями. В этой связи необходимо подчеркнуть особую роль руководства таких стран, как Россия, Казахстан, других, которые выступают за межэтническое уважения и согласие, цивилизованный баланс между соблюдением религиозных обрядов и светским обществом, содружеством и сотрудничеством различных религиозных конфессий, этнических организаций с государством, поскольку все эти факторы способны обеспечить выживаемость и стабильность мирового сообщества в будущем.

*«Вестник Российского университета дружбы народов»
Сер. Международные отношения»,
М., 2013 г., № 3, с. 60–65.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. Кошлаков МЕСТО ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ В СОБЫТИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

События, получившие название «арабской весны», кардинально поменяли международную панораму на Ближнем Востоке, да и вообще многое изменили в мире. Острые споры вызывает вопрос о естественном или искусственном характере этих событий (т.е. стихийны они или рукотворны?). На самом деле, союз «или» здесь излишен. В такого рода событиях, как правило, имеет место суперпозиция (наложение) рукотворного и технологического на стихийное и вообще – естественное наложение внешних вынуждающих воздействий на собственные колебания системы. Такова природа управления системами, причем любыми: хоть техническими, хоть социальными. Вознамерившийся управлять каким-либо процессом субъект должен не противостоять естественным закономерностям, наиболее принципиальные (сущностные) из которых он изменить не может, а использовать их действие в своих интересах.

Наблюдатели спорят о том, какова истинная роль США и других стран мира (Франции, Великобритании, Турции, Катара, Саудовской Аравии и др.) в арабских событиях и на различных этапах соответствующих им процессов. Не погружаясь в этот вопрос досконально, отметим, что, как показывают уже имеющиеся аналитические исследования (С. Кургинян), в реальности имеет место распространение на Ближний Восток и Северную Африку технологий смены власти в странах мира, уже опробованных, к примеру, на постсоветском пространстве в ходе так называемых «оранжевых революций». Вместе с тем нельзя утверждать, что «арабская весна» точно скопировала «оранжевые революции». Скорее мы имеем дело с еще более развитой технологией смены

власти в странах мира, включая страны с существенно авторитарными режимами.

Если на Украине, в Грузии и Киргизии «оранжевые революции» произошли по схеме, когда оппозиция ухватила за нарушения, допущенные в ходе выборного процесса, и после этого ситуация была переведена в режим открытого политического противостояния и давила до «нужного» результата, выгодного местным «оранжевым» силам и странам Запада, то в арабском мире в качестве повода, «зацепки», выводящей политический процесс из фазы нормального течения в точку бифуркации, выступали не нарушения, допущенные в ходе выборов, а массовые протесты, координировавшиеся через социальные интернет-сети и блогосферу («Facebook», «Twitter» и т.п.).

На постсоветском пространстве «оранжевые» технологии оказались эффективны при свержении достаточно слабых, или существенно неустойчивых режимов. К числу стран с неустойчивой общественно-политической жизнью, в первую очередь, может быть отнесена Киргизия. В частности, в этой стране наблюдаются процессы политической дестабилизации, исходящие из Ферганской долины, которая, в свою очередь, является одной из важнейших точек этноконфессионального и религиозного радикализма в среднеазиатском регионе, выступающем зоной особой уязвимости как для России, так и для Китая, что привлекает внимание к данному региону самых разнообразных геополитических сил, а также вызывает высокий интерес террористических организаций и транснациональных криминальных структур, занятых производством и транспортировкой наркотиков. Кроме того, «оранжевый» переворот, можно сказать, случился дважды: сначала был свергнут режим А. Акаева, а несколько лет спустя – пришедший ему на смену режим К. Бакиева. Вместе с тем попытки революций в странах с достаточно сильными и устойчивыми политическими режимами и довольно авторитетными главами государств (Беларусь, Узбекистан, Казахстан) провалились. Отчасти они провалились по причине решительных действий властей, единства властной элиты и авторитета глав государств в элите и обществе, достаточных для удержания контроля над ситуацией.

Технологии «арабской весны», являясь продолжением и развитием технологий «бархатных революций» и используя в качестве важных средств решения соответствующих задач социальные Интернет-сети, оказались способны, во-первых, из накопившегося в арабских странах недовольства и социальной усталости создать

социально-групповые субъекты, открыто выступившие против правящего режима, и, во-вторых, сделать это без всякой привязки к выборному процессу, как это часто было на постсоветском пространстве. Накопившиеся в странах арабского мира политическое недовольство и социальная усталость под воздействием интернет-коммуникации и при помощи тех или иных поводов были канализованы в протестные выступления.

Это все подтвердило, сколь мощным политическим оружием являются интернет-сети. В частности, они оказались важным инструментом в решении сразу нескольких значимых задач.

Во-первых, оказались способны формировать своего рода виртуальные политизированные сообщества по интересам, которые смогли быть весьма активны в странах с авторитарными общественно-политическими системами, с ограниченным пространством способов участия в общественно-политической жизни. Будучи подкреплены деятельностью неправительственных организаций и протестной активностью местных (автохтонных) либеральных (и часто совсем не либеральных) сил, интернет-сети оказались способны «раскупорить» существенно закрытые и авторитарные режимы.

Во-вторых, интернет-сети стали фактором повышения уровня нестабильности в социальных системах, их политической жизни (вспомнить хотя бы крупный международный скандал, разгоревшийся вокруг интернет-ресурса WikiLeaks).

В-третьих, интернет-сети эффективно диссоциируют консервативное мировоззрение. Блогосфера и интернет-среда все в большей мере начинают заменять традиционные системы социальных связей, трансляции смыслов и передачи информации (семья, школа, вуз, государство и т.д.) на сетевые; и таким образом эта среда способна трансформировать любой режим, как бы навязать ему свою волю.

В-четвертых, в обществе сегодня в условиях падения доверия к телевидению доминирует стереотип, согласно которому Интернет рассматривается как пространство свободного самовыражения, лишенное каких бы то ни было способов организованной манипуляции сознанием, применение которых исходило бы от государственной власти и политических элит.

В реальности это далеко не так. И дело тут и в том, что Интернет является ареной игр политически заинтересованных элит, и в том, что Интернет нередко поощряет пользователя к поведению, внешне независимому, «смелому», мало сдерживаемому традици-

онными общественными регуляторами (традиция, мораль, право и т.д.), хотя, надо сказать подверженному серьезному влиянию со стороны общественно-политических стереотипов, делает интернет-среду очень подвижной (обладающей большим количеством степеней свободы) и крайне пластичной, что открывает просторы для манипуляции общественным сознанием, ведения информационно-психологических войн. Однако не до конца четкое понимание подобной специфики интернет-коммуникации рождает завышенный уровень доверия к ней, который ввиду своей необоснованности играет с неkritично воспринимающим информацию пользователем злую шутку. Иногда этого не понимают даже, казалось бы, продвинутые пользователи Интернета – студенты информационно-технологических специальностей вузов (наверное, не все, но некоторые – точно), полагая, что интернет-пользователь, самостоятельно выбирающий, что ему читать и смотреть, свободен от навязывания ему определенного контента.

В-пятых, Интернет способствует глобализации сообществ и аксиологических (ценностных) систем, что серьезно раскачивает ситуацию в странах. Благодаря Интернету подросток в арабском провинциальном поселении видит то, как живут люди на богатом Западе, пропитывается теми специфическими ценностными установками, которые свойственны западным обществам, но в целом не свойственны странам арабского мира. В арабских поселениях многие благодаря Интернету видят ту, другую, «потустороннюю», внешне очень притягательную (особенно для неокрепшего сознания молодых людей) жизнь и начинают стремиться к ней, к высоким стандартам потребления, которые ей свойственны.

Тем самым западная культура, западный стиль мысли и образ жизни, распространяемые через голливудские фильмы, всемирно известные телевизионные каналы и Интернет, вся американская массовая культура, о чем как о недооцененном факторе американского гегемонизма пишет З. Бжезинский, меняют стереотипы людей и особенно молодого поколения, их личные вкусы, поведенческие нормы, материальные и потребительские запросы, раскрепощая личность, опрокидывая существующие традиции, вызывая чаще всего неосуществимые социальные амбиции и сначала эволюционно, а потом революционно (как в ходе «арабского пробуждения»), подрывая основы существующего в конкретном обществе порядка.

Из этого глобального превосходства Запада в информационно-психологической и социально-культурной сфере во многом и

проистекает нынешняя революция в арабском мире, ведь естественно, что при столь специфическом (глобализированном, обеспеченном «мировой паутиной» в виде сети Интернет) социально-культурном сопряжении противоположных по своему уровню жизни метрополии и периферии, осуществляемом через Интернет, периферийная экономика и периферийная социальность становятся особо неустойчивыми.

Суперпозиция множества подобных факторов и возможностей (возможности интернет-коммуникации, деятельность неправительственных организаций, технологии информационно-психологического противоборства, технологии эскалации политической нестабильности и т.п.) приводит к тому, что многие, страны мира полностью или частично теряют свой суверенитет и часто вынуждены мириться с ослаблением уровня национальной безопасности и ее различных компонентов (военная безопасность, информационная, экономическая и т.п.) перед натиском государств и международных элит, обладающих высоким потенциалом в сфере информационно-психологического противоборства, социально-гуманитарных технологий и современной геополитической игры.

«Современная Россия и мир: Альтернативы развития», Барнаул, 2012 г., с. 103–107.

Г. Боверинг

(Йельский университет, США)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В ИСЛАМЕ

В настоящее время исламский мир насчитывает более одного миллиарда человек – почти пятую часть человечества. Опоясывая центр земного шара, подобно широкому поясу, ислам простирается от Атлантики до Тихого океана, включая «имущих» потребителей Севера и «неимущих» обитателей обделенного Юга. Располагаясь на перекрестке путей Америки, Западной Европы и России, с одной стороны, и черной Африки, Индии и Восточной Азии – с другой, ислам не ограничивается рамками одной национальной культуры, но представляет собой универсальную силу. Протянувшись от Марокко до острова Минданао, он охватывает пять географических блоков – мусульмане черной Африки, арабского мира, тюрко-иранских земель, Южной Азии и обитатели Индонезийского архипелага.

Кроме того, ислам находится на перекрестке истории: ему суждено сыграть роль в международной политике и стать важнейшей мировой религией в ближайшие десятилетия. Возглавляемый Мухаммадом ислам вступил на мировую арену в переломный момент, в VII в. н.э. Впечатляющие завоевания и естественный рост сопровождали его экспансию на протяжении веков, и его можно сравнить с туго натянутой тетивой между стремлением к Богу и борьбой за господство. Вступив в третье тысячелетие новой эры, ислам с ностальгией оглядывается на свое средневековое величие, когда иудеохристианский Запад учился у его ног; он рассматривает фундаментализм в качестве точки опоры в своей будущей борьбе за превосходство над светским и более мощным в технологическом отношении Западом.

Каково понимание исламом идей прошлого и будущего, времени и временности, в рамках которых он стремится реализовать свое извечное предназначение? Представьте себя в ресторане «Макдоналдс» на Пушкинской площади во время короткого перерыва на обед или перекусывающим на ходу между поручениями. А теперь представьте себя в арабской кофейне, потягивающим эспрессо после сиесты. Все мы знаем по жизненному опыту, что ощущения времени в этих двух различных обстоятельствах будут совершенно разные. В первом случае время неумолимо стремится вперед, во втором оно лениво виляет по тропинке в лучах послеполуденного солнца. А теперь переключитесь с фаст-фуда на более интеллектуальный лад и проверьте, что пишут о философии времени в какой-нибудь основательной энциклопедии. Вы найдете там научные статьи, противопоставляющие линейный ход времени, преобладающий в западной культуре, циклической концепции времени, распространенной в Индии. Нам пояснят, что обе концепции относятся к определяющим характеристикам этих двух культурных миров. Что же касается ислама, их географического соседа, те же источники не приведут никаких определяющих характеристик концепции времени.

Имеются ли в исламском мире, занимающем центральную часть земного шара, свои собственные характерные понятия времени или исламское представление о времени можно полностью объяснить, исходя из набора заимствований у его соседей и культурных предков? Существует ли единое исламское понятие времени или ислам представляет собой универсальную культуру, которая охватывает множество языков и этнических групп, каждая из которых обладает собственным понятием времени? Можно ли го-

ворить лишь о спектре идей времени в исламе, или же здесь существуют константы, которые представляют параметры, достоверно определяющие ислам как религию и культуру? Имеются ли в исламском понятии времени, с одной стороны, отличительные и устойчивые элементы, способные бросить вызов современным теориям, основанным на конфликте цивилизаций, и сформулировать определение исламской цивилизации, чтобы на ней обосновать свои аксиомы? С другой стороны, не вскрывает ли развитие исламской концепции времени единых претензий мусульманского фундаментализма на то, что его опорой служит идеализированное и однородное видение прошлого?

Поиск определяющих характеристик исламской культуры и религии можно начать с многих понятий, включая монотеизм, откровения, пророчества или религиозный закон. Я выбрал понятие времени по двум причинам: во-первых, потому что время, похоже, представляет более нейтральную точку сравнения, чем другие, более религиозно-заряженные понятия; во-вторых, время не ограничено некоей одной конкретной областью ислама, и его можно отследить в исламских текстах широкого спектра. Время охватывает всю исламскую историю, занимает центральное место в языке и поэзии, является неотъемлемым понятием в исламской астрономии и музыке, выполняет основополагающую функцию в исламской обрядности, играет решающую роль в исламской теологии, космологии и философии. Из этого огромного набора я хочу выбрать четыре вопроса для размышлений в данной статье: видение времени в Коране и мусульманской традиции, атонизм времени, присущий исламской теологии, доминантная парадигма времени в мистической средневековой философии ислама и ритм мусульманского календаря, который служит основой для исламской историографии.

Понятие времени у арабов в доисламскую эпоху характеризуется фатализмом (дахр), который не оставляет человеческим деяниям какой бы то ни было надежды влиять на жизнь после смерти. Дахр также называют «дни» или «ночи», это причины земного счастья и несчастья, в нем обреченность смерти и степень проявления судьбы, он меняет все, и ничто не может ему противиться. Хотя дахр царствовал над всем, подобно судьбе, его можно было преодолеть благодаря некоему моменту, зафиксированному в племенной памяти и часто сохраняющемуся в поэзии. Эпическое произведение «Айām ал-араб» («Дни арабов») повествует о мести в

бою и племенной доблести, когда памятные события становились маркерами в воспоминаниях о ходе событий.

Коран отвергает доисламский фатализм дахра. Вместо этого он объясняет время с точки зрения трансцендентного монотеизма, обещающего рай и угрожающего вечным проклятием. Подобно тому как арабы доисламской эпохи отмечали дни победы и мести, так и Аллах имел свои дни освобождения и наказания. Персональное божественное повеление «Будь!»^{*} стирало заклинание судьбы. Бог взял командование на себя, создав первого человека и сотворив небеса и землю. Он определяет начало жизни человека и призывает каждого человека к окончательному отчету после смерти. В Коране нет места для безличного времени, судьба каждого человека находится в руках Бога, который создает мужчин и женщин, дарует жизнь и приносит смерть, наделяет богатством и уничтожает. Бог действует даже во сне человека, ибо «Бог посылает кончину людям или тогда, когда время умереть им, или во время сна их, когда им еще не умирать бы: и одних, о которых состоялось определение, подвергает смерти, а других освобождает от нее до определенного срока» (Коран, 39:42, С). С повеления «Будь!» при создании человека и до момента смерти существование каждого человека подчинено велению Бога: Аллах – Господь каждого мига; что он определил, то и происходит.

Мусульманская традиция, или хадисы, усилила божественный детерминизм, заключенный в Коране, и трансформировала подчеркиваемое Мухаммадом божественное всемогущество в жесткий преддетерминизм. Спасая дахр от коранического осуждения, хадисы идентифицируют дахр с Богом посредством могущественного божественного Слова и предостерегают против клеветы на дахр, ссылаясь на известное высказывание Пророка. Чтобы установить, что неизменное указание Аллаха будет непременно выполнено, другая часть хадисов представляет, что все происходящее записано в небесной книге. Эмбрион еще пребывает в утробе матери, а ангел уже записывает его ежедневный рацион, его работу, моменты страдания или счастья и час смерти мужчины или женщины, кем бы он ни стал. Объединяя доисламские понятия всепроникающего времени с идеей указания, данного Богом в Коране, мусульманская традиция рассматривала время как последовательность предопределенных событий, связывая божественное

^{*} ««Будь!» – и оно получает бытие» (кун фа-йакун) (Коран, 2:117, С).

всемогущество с каждым определенным моментом в жизни человека. Неизбежное, как судьба, и необратимое, как время, каждое мгновение происходит исключительно благодаря собственным действиям Бога.

Наиболее распространенный исламский термин для времени, заман, не появляется в Коране, как и кидам, соответствующий ему термин, относящийся к понятию вечности. Между тем у арабских лексикографов был большой выбор разнообразных терминов для обозначения времени. В общем они отличали дахр как время от начала мира до его конца от замān как продолжительное время, имеющее начало и конец; 'аср как промежуток времени; хїн как период времени, большой или малый; давām как продолжительность; мудда как пространство продолжительности; вакт как момент времени; āн как настоящее время; авāн как время года; йаум – дневное или ночное время; и сā'a – отрезок времени или час. Абад означала длительность без конца, а азал – длительность без начала, чему своим основным значением соответствует кидам, обозначающий время без начала и противоречащий сармад, указывающий на непрерывное продолжение. Хулūd – вечное существование, подразумевается в кораническом Дне вечности, вхождении в дār ал-хулуд, рай. Очевидно, что эти различия не отражают квазитехнического использования каждого из терминов в ущерб другим, а скорее отражают их преобладающее значение, которое нередко сочетается со значениями соседствующих терминов исходя из их реального литературного употребления. Так, при переводе на арабский язык греческих философских текстов чаще всего использовались следующие соответствия: *chronos* переводился как замāн, *aion* – как дахр, *kaigós* – как вахт, а *diastasis* – как мудда.

Благодаря воздействию греческой мысли философы ислама познакомились с двумя мощными и взаимно противоположными философскими понятиями времени. Для тех, кто следовал аристотелевской точке зрения, время было акциденцией (случайным, несущественным свойством) движения, для тех же, кто придерживался концепции Плотина, время не обладало никакой внепсихической реальностью, это был поток сознания мыслящего ума, некая длительность, существовавшая независимо от движения. Аристотель пытался доказать вечность Вселенной, исходя из природы времени. У Плотина время не начинало свое существование с созданием вселенной, а существовало извечно как продолжительность бесконечного сознания Бога.

В то время как исламские философские понятия времени колебались между аристотелевским движением и продолжительностью Плотина, создателей нормативной исламской теологии более всего привлек атомизм Демокрита. Атомная теория открыла путь для связи неизменной реальности с наблюдаемыми изменениями и многообразием форм природы с помощью описания реальности как бы состоящей из простых и неизменных мельчайших частиц, называемых атомами. Атомы и акциденции существуют всего лишь одно мгновение. В каждое мгновение Бог творит мир заново, промежуточных причин нет. Можно полагать, что Бог постоянно создает Вселенную из ничего. Подрывая «материалистический» атомизм греков, мусульманские богословы превратили атомизм в орудие божественного провидения и утверждали, что каждый момент времени является прямым творением вечно активного Бога. Само по себе творение прерывисто, но оно кажется нам непрерывным только благодаря последовательному состраданию Бога.

Исламский атомизм можно проиллюстрировать известным примером человека, занимающегося писанием. Аллах создает в человеке сначала волю, а потом и способность писать, создавая и волю, и способность заново в каждый момент времени. Затем в каждый момент Бог также заново создает движения руки и, наконец, одновременно с ним движение пера. Каждое мгновение и действие в процессе письма не зависят от другого действия или мгновения, все этапы процесса исходят только от Бога. Согласованность действий в процессе писания лишь видимость. Такой же видимостью является и самосогласованный мир, слаженно функционирующий в пространстве и времени. Есть лишь один истинный актер – Бог. Причинная связь, которая, как кажется, правит миром и человеческой жизнью, подчинена Аллаху, а природные причины уступают место божественной воле. Как правило, Бог не прерывает непрерывность событий, хотя он и может вмешаться в любой момент, что обычно называют чудом, но что на самом деле просто является приостановкой его обычной деятельности. Атомизм был не только самым удобным способом видения Бога, непосредственно действующего в мире в качестве единственной истинной причины, он также оказался максимально сродни арабской грамматике, в которой отсутствуют глаголы, значащие «быть» и «стать». Кроме того, в арабском языке не используются прошлое, настоящее и будущее время. Вместо этого в нем используются аспекты глагольного действия совершенного и несовер-

шенного вида, с помощью которых отмечается, реализовано или пока еще не реализовано то или иное действие, но не проводится различие между настоящим и будущим.

В то время как мусульманские философы и богословы пытались объяснить время, исламские мистики пытались испытать его на себе. Для мистиков-суфиев парадигма времени располагается в пространстве между двумя днями – днем Предвечного договора на заре создания и днем Страшного суда, когда мир приходит к своему катастрофическому концу. Время напоминает параболу из бесконечности в бесконечность, дугу, укорененную в вечности своими концами и достигающую своего апогея в переживаемый мистиком экстатический момент (воскрешения в) памяти (события этого дня Предвечного договора) и уверенности (в этом). Ранние суфии открыли, что решающий религиозный момент для человечества имел место в пред-существовании, когда все человеческие существа услышали и поняли самооткровение Бога в первый раз при самом рождении творения. Признавая пред-существующее происхождение рода человеческого, в день Предвечного договора, суфии установили измерение времени, которое возвращает настоящий момент к вечности в прошлом и уравнивает эсхатологический прорыв Корана от настоящего к вечности в будущем, достигаемой в день Страшного суда. С помощью специфической медитативной техники, известной как зикр, что значит поминание Бога, мистики возвращают себя к своему первоисточнику в день Предвечного договора, когда все человечество (символически закрепленное в своих пророческих предках в виде легчайших частиц или семян) дало клятву верности и свидетельства Аллаху как единственному Господу. Совершая этот прорыв в вечность, мистики переживают свой вакт, предвечный миг пребывания с Богом, здесь и сейчас, в момент экстаза, даже осознавая свою конечную судьбу. Суфийские медитации останавливают время, соединяя в моменте мистического опыта оба края вечности – в пред- и пост-существовании.

Средневековый суфий Ибн Араби анализировал понятие времени на основе традиции Пророка о том, что Аллах есть время, или дахр. Так же как существование Бога вечно, вечно и время, это вечность, безначальная и бесконечная. Человеческие существа, которых в суфийской традиции именуют «сыновьями своего времени», можно также понимать как бытие вне времени, или вакт. Человеческое время мгновенно. Каждый момент является отражением вечности Бога в восприимчивости человека к божественному

действию на каждый конкретный момент времени. Таким образом, постулируются два уровня времени: время от Бога, дахр, и время от человека, вакт. Однако оба эти уровня несовместимы с нашей обычной концепцией времени, потому что божественное время растягивается до бесконечности, а время человеческое сокращается до всего лишь мгновения, до точки без длительности. Оказавшись между этими двумя крайностями – божественной вечности и смертной мгновенности, – мы, человеческие существа, выстраиваем собственное представление о времени, заман или хронос, воображаемое и субъективное, хотя и вдохновленное реальным и объективным временем – дахр и вакт.

Мнимое заман может быть понято посредством двух основных моделей: космологической и теории относительности. Космологическая модель основывается на образе вселенной, которая в значительной степени происходит от птолемеевской системы сфер и истории создания, известной из Писания. Ее центральным понятием является идея полного дня, (включающего и темное время суток, йаум), последовательной смены дня и ночи, которые дополняют друг друга, как мужчина и женщина или как активность и пассивность. Ночь и день рождаются благодаря вращению сфер, запускающих движение Вселенной, но оно становится заметным только благодаря созданию солнца и его орбите.

В модели теории относительности Бог и мир видимы как два члена квазивременного отношения между Творцом и созданиями. Время, видимое со стороны Бога, реально, но не существует отдельно от Бога. Воспринимаемое с позиции человека время воображаемо и не существует само по себе. Независимо от того, задумано ли время с человеческой или божественной стороны, оно представляет собой лишь простое отношение. Но это простое отношение бесконечно, так же как пустое пространство. Его можно разделить на все большие или меньшие временные отрезки по продолжительности, которая не имеет ни начала, ни конца. Существует, однако, неявная связь между нашим мнимым временем и реальным временем Бога, которую можно точно описать с помощью одного из образов Ибн Араби: любую точку окружности можно рассматривать как точку разделения прошлого от будущего. Хотя она и не может иметь какого бы то ни было расширения, эта точка «сейчас» все равно является частью актуальной протяженности кольцевой линии. Другими словами, хотя оно и является продуктом нашего воображения, время является в каждый момент виртуальным и реальным объектом взаимодействия с вечностью.

Вечность принадлежит только Богу, но его создания участвуют в настоящем моменте.

Теоцентрическое видение времени в Коране и хадисах, богословский атомизм времени, регулируемый вечно активным Богом, и суфийская парадигма времени в сочетании с воображаемой относительностью выражают вертикальное измерение исламской мысли – полную зависимость человека от Творца. Ее горизонтальное измерение, автономная самореализация индивида посредством его земного взаимодействия с другими человеческими существами представляется сильно уменьшенным в этих теоретических концепциях времени. Однако картина резко меняется, когда внимание фокусируется на чрезвычайно практических аспектах мусульманской мысли. С одной стороны, для ислама характерно сильнейшее чувство права и ритуала, с другой стороны – порядка по отношению к истории и обществу. Одним из наиболее характерных принципов порядка, созданных исламом для определения его ритуалов и измерения его истории, был мусульманский календарь, его собственная мера времени в горизонтальном пространстве.

Задолго до Мухаммада арабы жили согласно солнечному годовому циклу, а иногда также следовали и лунному. Подтверждением их знакомства с солнечным годом служат обозначения арабских месяцев, названных в честь определенного сезона, например разгар зимы или период выпаса скота, а также праздников и рынков. Не имея твердо установленного календаря или единого метода подсчета лет, арабы рассчитывали время на основе определенных событий, как, например, огонь Авраама, создание Каабы, племенная миграция из Тихамы или смерть доисламского правителя Мекки. Жители Мекки знали две наиболее заметные отправные точки: кощунственная война аль-Фиджар (или «война беззакония») в конце VI в. н.э. за племенной контроль над торговыми путями и «год слона», около 554 н.э., когда закончилась катастрофой экспедиция, возглавляемая правителем Йемена, целью которой было обуздать коммерческую власть мекканского святилища. Доисламские арабы также использовали цикл из 28 временных периодов, рассчитываемых в соответствии с положениями (определенной) звезды и гелиакическим (солнечным) восходом противоположной ей (звезды), что устраивало кочевников в деле предсказания периодов дождей и поисках хороших пастбищ. Кроме того, они научились отличать фазы луны и приспособливать их к своим временным периодам и солнечному зодиаку, следуя, таким образом,

некоему лунно-солнечному году со дня, берущего начало с захода солнца.

Характерный для ислама лунный год был создан во время торжественного обращения Мухаммада в дни его последнего паломничества в Мекку. В нем он постановил, что год будет состоять из 12 лунных месяцев. Он также провозгласил божественный запрет на интеркаляции, т.е. процедуру соотнесения цикла лунных месяцев с сезонами солнечного года за счет добавления 13-го месяца в лунный год через определенные промежутки времени. Мотив Мухаммада для запрета интеркаляции, упоминаемый в Коране как выражение неверия, был, по всей вероятности, двойкий. С одной стороны, запрет неуклонно отстаивал власть Аллаха над порядком времени, что проявляется в наблюдаемом в природе появлении лунного полумесяца. С другой стороны, тем самым он лишал арабский клан традиционного права публично провозглашать вставочные годы, тем самым сохраняя языческие праздники и проведение базаров во время сезонов солнечного года. Запрет Пророка убивал двух зайцев одним выстрелом. Во-первых, он отвращал верующих от языческих культов и привлекал их к Аллаху, истинному творцу, причине и хранителю всех вещей. Во-вторых, это позволило Мухаммаду вырвать экономическую власть у племенных групп, оторвав их от языческих сезонных праздников.

Интеркаляция не только способствовала корректировке сезонов лунного года, но и влияла на войны между племенами. Коран поддерживал обычай арабских племен воздерживаться от междоусобных военных действий в течение четырех месяцев. Один такой месяц приходился на середину года, но три других следовали подряд в конце года. Так как пора вставочного месяца приходилась чаще всего на конец этого года, он либо прерывал период неприкосновенных месяцев, либо изменял статус священного месяца, оскверняя его. В любом случае вставленный месяц нарушал священный порядок времени. Мухаммаду эта манипуляция представлялась кошунственным вмешательством в божественный порядок, ибо она способствовала войнам и кровопролитию в течение времени, определенного как неприкосновенный период.

Введя мусульманский лунный год, Мухаммад не установил единый мусульманский календарь. Его изобретение традиционно приписывают Омару, второму халифу. По традиции, Омар созвал совет, чтобы устранить путаницу в расчетах времени из-за трудностей со сборами налогов и податей. После длительных дискуссий

было принято решение утвердить стандарт мусульманского календаря, который действует по сей день. Твердыми доказательствами существования календаря служат монеты, отчеканенные в Дамаске во время правления Омара и вскоре после этого, египетский папирус и надгробие на Кипре. Однако роль Омара в создании единого календаря может быть преувеличена в источниках, так как ранние мусульманские биографы и историки продолжали ссылаться на различные комбинации дат в произвольном порядке.

С ростом исламских завоеваний стандартный мусульманский календарь, основанный на наблюдении исключительно лунного года, уже не соответствовал всем обстоятельствам жизни огромной империи. Для управления государством и сбором налогов и податей требовался более состоятельный календарь. Эта потребность подсказывала необходимость одновременного использования разных типов календарей. Популярный лунный год, основанный на фактических наблюдениях за фазами Луны, нашел поддержку среди ученых правоведов и теологов. Однако мусульманские астрономы создали математически вычисленный стандартный лунный календарь, состоявший из 354 дней, с добавлением одного дня в последний месяц, нерегулярно следовавших високосных годов. Кроме того, астрономы заменили на часы одинаковой продолжительности использовавшиеся ранее отрезки времени переменной продолжительности – 12 часов в дневной период и 12 – в ночное время. В противовес этому мусульманские правители прибегали к адаптированному сасанидскому солнечному календарю. Эта импровизированная корректировка была необходима для устранения несоответствий между лунным календарем и сельскохозяйственным циклом, из-за которого образовывались многолетние периоды, когда время сбора налогов должно было начинаться до уборки урожая. Один из способов восстановления синхронизации с лунным календарем заключался в том, чтобы отказаться от налогового года каждые 32 года. На протяжении веков мусульманские правители предпринимали ряд попыток эффективно управлять империей за счет введения солнечного календаря, устанавливавшего начало календарного года в день весеннего равноденствия.

По мере того как я подхожу к моим кратким выводам, вы понимаете, что в своих размышлениях об исламской теории времени я подчеркнул роль атомизма и прагматические значения календаря, с помощью которого измеряется время в исламской истории. При рассмотрении теоретического аспекта как вертикального измерения исламской мысли, а практического – как из-

мерения горизонтального, ислам представляется строжайшей теоцентрической конструкцией, раз и навсегда связывающей отдельного человека с Богом и оставаясь при этом исключительно земной конструкцией в определении направления общественного развития. Мощная атомистическая концепция времени выразила вертикальное измерение личности, проявившееся в серии экзистенциальных всплесков, которые сопровождались мгновенными экстатическими прорывами в вечность. Эти всплески становились предвестниками последнего момента, когда конечное время необратимо застывает, когда человек оказывается предстоящим только перед Богом на последнем суде. В то же время это напоминало тот момент, когда на заре мироздания все человечество услышало божественное откровение в первый раз. Одновременно в горизонтальном измерении эта община верующих, эта галактика отдельных атомов была занята сознательным формированием своих собственных временных рамок посредством создания календаря, с которого началась новая и окончательная эпоха человеческой истории.

Интересно, читая эту статью, чувствовали ли вы себя так, как если бы отдыхали в арабской кофейне или так, как будто бы вы толкались в гигантской очереди в кафе быстрого обслуживания «Макдоналдс» на Пушкинской площади? Прошу вас в порядке утешения обратить внимание на то, что я не говорил о сложнейшем структурировании времени в ритуальных исламских молитвах, о сложнейшей литературе, описывающей время в исламской астрономии, о работе «Хронология» аль-Бируни и работах аль-Туси о двенадцатилетнем цикле животного мира, о размышлениях исламских историков об использовании времени в летописях и биографиях или о роли, которую время играет в поэтической метрике и в музыке. Я также проигнорировал различные аспекты времени, высвеченные антропологами и социологами в многочисленных этнических традициях ислама. Однако я надеюсь, что передал вам одну мысль: в исламском времени существуют параметры, которые придают целостность и структуру его культуре и религии в теории и практике. Четыре точки анализа, которые я выбрал при разработке концепции исламского времени, интегрируют межкультурные заимствования с оригинальным вдохновением. А отражаемое ими видение ислама является не монолитной фалангой, шагающей сквозь века истории, а динамичной религией, которая придает особую форму и содержание своей цивилизации.

«Философия и наука в культурах Востока и Запада», М., 2013 г., с. 301–311.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 3 (261)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/II-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 9,2
Тираж 300 экз. Заказ № 4

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9